

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. — старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. — профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Тимофеев Ю.Ю. — начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминологии Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попов В.В. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Бекбатыров Н.Ж. — начальник Академии комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, кандидат юридических наук;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — начальник Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — директор филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — заместитель начальника института по учебной работе ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — заместитель директора филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 2 (18)

Вологда 2012

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А.Ю. ПИДЖАКОВ, Ю.В. МИШАЛЬЧЕНКО

Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией на региональном уровне 4

Б.З. МАЛИКОВ

Условное осуждение – форма условного наказания 14

Ж.Б. ИВАНОВА

Субъективные признаки составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконную добычу водных животных 19

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

П.В. ГОЛОДОВ

Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте 26

С.Л. БАБАЯН

Понятие и правовая природа поощрительных институтов уголовно-исполнительного права 33

И.А. УВАРОВ

Идеология пенитенциарного сообщества в системе формирования общественного сознания осужденных 40

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Л.М. КОЛОДКИН

Режим законности и принцип разумности в сфере исполнения наказаний и способы их обеспечения . . 44

В.Б. МАЛИНИН

Проблемы применения ст. 125 УПК РФ 47

А.А. ИЛЬЮХОВ

Суд присяжных в системе деятельности органов, осуществляющих предварительное следствие и судебное разбирательство 51

А.В. КУДРЯВЦЕВ

Проблемы правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений УИС с иными органами, осуществляющими ОРД 54

И.А. ТЕРЕНТЬЕВ

Место прокуратуры в современном государственном аппарате России 58

Л.Е. ЩЕТНЁВ

Предмет и пределы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе 63

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 67

О.Б. ПАНОВА

Сущность и содержание педагогической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных 67

М.В. КИСЕЛЕВ, О.Н. СТЕПАНОВА

Процесс становления выпускников образовательных учреждений ФСИН России в профессиональной деятельности 71

Е.В. КРЮКОВА

Методолого-теоретические основы психодинамического подхода к изучению личности несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы 74

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ. 79

В.Б. ШАБАНОВ, О.А. ШАХОВ, А.А. БАБКИН, Б.А. САДЕЛЬНИКОВ, П.Л. БОРОВИК

Опыт организации научных мероприятий в формате телеконференции с применением средств видеоконференцсвязи в ведомственном юридическом вузе (на материалах кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России и кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь) 79

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 84

Ю.Н. ШАТАЛОВ

Пути повышения эффективности научного обеспечения деятельности ФСИН России 84

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 87

Н.В. УПАДЫШЕВ

«Большой террор» и развитие лагерной системы на Европейском Севере России 87

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. 94

А.М. ПОТАПОВ, А.Л. САНТАШОВ

Социальный контроль за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы 94

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 99

РЕЦЕНЗИИ 100

Н.В. НОСОВА

Рецензия на монографию «Профессионально важные качества сотрудников УИС: диагностика и развитие», подготовленную авторским коллективом кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России 100

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ. 100

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 102

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 103

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION 4

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Y.V. MISHALCHENKO, A.U. PIDZHAKOV

International legal regulation of fight against corruption at regional level. 4

B.Z. MALIKOV

Conditional conviction as a form of conditional sentence 14

J.B. IVANOVA

Subjective signs of structures of the crimes providing responsibility for illegal extraction of water animals 19

CRIMINAL EXECUTIVE LAW

P.V. GOLODOV

The issues of «social elevator system» enforcement among young juveniles in penal institutions. 26

S.L. BABAYAN

Concept and the legal nature of incentive institutes of the criminally-executive right. 33

I.A. UVAROV

Ideology of penitentiary community in system of formation of public consciousness of the condemned. 40

CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

L.M. KOLODKIN

The legality mode and the rationality principle in the penal sphere and the ways to ensure them 44

V.B. MALININ

The problem of application of article 125 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation 47

A.A. ILYUKHOV

Jury trial in the system of the bodies carrying out preliminary investigation and hearing 51

A.W. KUDRYAWTSEV

Problems of legal regulation of interaction of operative divisions of criminally-executive system with other bodies which are carrying out operatively-search activity 54

I.A. TEREPTYEV

Public prosecutor's office place in modern Russian state machinery. 58

L.E. TSCHETNEV

The subject and limits of the operative detective activity's legal regulations in the penal system 63

TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK 67

O.B. PANOVA

The Essence and Maintenance of Pedagogical Training of Executive System Employees to Infant Prisoners Legal Resocialization 67

M.V. KISELEV, O.N. STEPANOVA

Formation process of departmental educational institutions of the Federal Penal Service graduates in their professional activities 71

E.V. KRUKOVA

Theoretical and methodological approaches to the study of psychodynamics the personality of juvenile alternatively convicted persons. 74

TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY. 79

V.B. SHABANOV, O.A. SHAHOV, A.A. BABKIN, B.A. SADELNIKOV, P.L. BOROVIK

Experience of the organization of scientific activities in form of teleconference with application of assets of videoconference-bridging in the departmental Law institute (on the matters of the Informatics and Mathematics chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal System of Russia and of the Law Informatics chair of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus) . . . 79

DISCUSSION IS WELCOME 84

Y.N. SHATALOV

Ways to improve the effectiveness of scientific support of the Federal Penitentiary Service of Russia 84

HISTORY PAGES 87

N.V. UPADYSHEV

«Great terror» and development of the correction and labor camp system on the European north of Russia . 87

OUR RESEARCHES 94

A.M. POTAPOV, A.L. SANTASHOV

Social control for released criminals 94

DISSERTATIONS REVIEW. 99

REVIEWS 100

N.V. NOSOVA

Review of the monograph «Professionally important qualities of staff of criminal and executive system: diagnostics and development», the chair of the general psychology of the Vologda institute of the right prepared by a group of authors and economy of Federal service of execution of punishments of Russia 100

NOVELTIES OF LITERATURE 100

INFORMATION, ADVERTISEMENTS. 102

INFORMATION ABOUT THE AUTORS 103

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией на региональном уровне

А.Ю. ПИДЖАКОВ – заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Ю.В. МИШАЛЬЧЕНКО – генеральный советник Экономического суда СНГ, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор

В статье рассматриваются усилия Совета Европы по борьбе с коррупцией. Анализируются Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (1999), Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (1999). Конвенция о борьбе с коррупцией (1997) и др.

Ключевые слова: Совет Европы; Уголовно-правовая конвенция о коррупции; Гражданско-правовая конвенция о коррупции; ГРЕКО; ОЭСР; ФАТФ.

International legal regulation of fight against corruption at regional level

A.U. PIDZHAKOV – Chief of the International Law Department at St. Petersburg State University of Civil Aviation, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Honorary Higher Education Worker of the Russian Federation, Professor, Dr. of International Law, Dr. of Historical Science, Professor;

Y.V. MISHALCHENKO – General Adviser of the CIS Economic Court, he professor of chair of the European researches of St.-Petersburg state university, Professor, Dr. of International Law, Dr. of International Economics.

The article views the anticorruption effort of Council of Europe. The analysis of Criminal Law Convention on Corruption, 1999; Civil Law Convention on Corruption, 1999; Anticorruption Effort Corruption, 1997, and others, is given.

Key words: Council of Europe; Criminal Law Convention on Corruption; Civil Law Convention on Corruption; GRECO; OECD; FATF.

Совет Европы рассматривает коррупцию как угрозу верховенству права, стабильности демократических институтов, правам и

свободам человека, социальному и экономическому прогрессу и относит эту проблему к числу транснациональных¹.

Впервые вопрос об объединении усилий для борьбы с коррупцией в рамках Совета Европы был поднят на проходившей на Мальте конференции министров европейских стран в 1994 г. Для координации действий государств в этой области Комитет министров Совета Европы создал в сентябре 1994 г. междисциплинарную группу по вопросам коррупции. Задача органа состояла в разработке мер, которые могли бы быть приняты на международном уровне для борьбы с коррупцией, а также в подготовке типовых законов или кодексов поведения, включая международные конвенции о сотрудничестве. Группа начала свою деятельность в марте 1995 г.²

На первой сессии группы Совета Европы по проблемам коррупции (Страсбург, 22–24 февраля 1995 г.) коррупция была определена как «подкуп (взятка), а равно любое иное поведение в отношении лиц, наделенных полномочиями в государственном или частном секторе, которое нарушает обязанности, вытекающие из этого статуса должностного лица, лица, работающего в частном секторе, независимого агента либо других отношений такого рода и имеет целью получение каких бы то ни было ненадлежащих преимуществ для себя или иных лиц»³. Данная дефиниция относит к субъектам коррупции лицо, склоняющее к совершению рассматриваемых действий.

На региональном уровне также предпринимаются активные усилия в исследуемой области. Так, в рамках Совета Европы была заключена Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.)⁴. Этот документ уделяет значительное внимание мерам, которые необходимо принять на национальном уровне. Конвенция устанавливает 13 видов коррупционных преступлений, 10 из которых вполне могут быть сведены к конкретизации двух традиционных проявлений подкупа – получения взятки и дачи взятки. Конкретизация происходит по субъекту, в отношении национальных государственных должностных лиц, членов национальных государственных собраний, иностранных государственных должностных лиц и членов иностранных государственных собраний, представителей частного сектора, должностных лиц международных организаций, членов международных парламентских собраний, судей и должностных лиц международных судов. В число соответствующих преступных деяний конвенция включает также использование служебного положения в корыстных целях, отмывание доходов от преступлений, свя-

занных с коррупцией, и преступления, касающиеся операций со счетами.

Комитетом министров Совета Европы в ноябре 1996 г. была принята Программа действий по борьбе с коррупцией, составленная в соответствии с рекомендациями 19-й Конференции министров юстиции европейских стран (Валетта, 1994 г.).

В рамках Совета Европы были также разработаны: Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 4 ноября 1999 г.⁵; Типовой кодекс поведения государственных должностных лиц, принятый Комитетом министров Совета Европы 11 мая 2000 г.⁶

Представителями Европейского Союза 26 мая 1997 г. была принята Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц европейских сообществ или должностных лиц государств – членов Европейского союза. Кроме того, Советом Европейского союза 22 декабря 1998 г. были определены объединенные меры по борьбе с коррупцией в частном секторе⁷.

В ноябре 1996 г. Комитет министров Совета Европы принял Программу действий по борьбе с коррупцией. В рамках ее были подготовлены две конвенции: Уголовно-правовая конвенция о коррупции и гражданско-правовая конвенция о коррупции (Criminal Law Convention on Corruption (ETS № 173), Civil Law Convention on Corruption (ETS № 174)).

Гражданско-правовая конвенция о коррупции – первая попытка установить в пределах Совета Европы общие международные правила гражданско-правового, гражданско-процессуального характера в области борьбы с коррупцией.

Конвенция состоит из преамбулы и трех глав: «Меры, принятие которых необходимо на национальном уровне», «Международное сотрудничество и контроль за исполнением», «Заключительные положения».

Конвенция формулирует развернутое определение коррупции: «Для целей настоящей конвенции “коррупция” означает требование, предложение, предоставление или принятие, прямо или опосредованно, взятки или любого другого недолжного преимущества или возможность этого, что приводит к нарушению надлежащего исполнения обязанностей или поведения, требуемых от лица, получившего взятку, недолжное преимущество или возможность этого» (ст. 2). Такая формулировка представляется более удачной, чем текст соответствующего положения федерального закона «О борьбе с коррупцией».

В конвенции затронуты следующие основные аспекты:

- гражданско-правовая ответственность за ущерб, причиненный коррупционными действиями, в том числе ответственность государства в случае причинения ущерба действиями государственных служащих при исполнении последними их должностных обязанностей;

- возмещение ущерба, причиненного коррупционными действиями (которое может покрывать материальный ущерб, неполученные доходы и моральный вред);

- сроки исковой давности по требованиям о возмещении ущерба, причиненного коррупционными действиями;

- недействительность договоров или контрактов, связанных с коррупцией;

- защита работников, которые сообщили о своих обоснованных подозрениях в совершении коррупционных действий;

- прозрачность и аккуратность финансовой отчетности и аудита;

- эффективные процедуры собирания доказательств;

- вынесение судебных распоряжений, необходимых для охраны прав и интересов сторон в ходе рассмотрения в суде дел, связанных с коррупционными действиями;

- сотрудничество по вопросам, связанным с гражданским судопроизводством по делам о коррупции: предоставление документов, получение доказательств за рубежом, разграничение юрисдикции, признание и исполнение иностранных судебных решений, признание и взыскание судебных издержек в соответствии с положениями международных документов о международном сотрудничестве по гражданско-правовым и хозяйственным вопросам, сторонами которых субъекты являются, и их внутренним правом.

Любое государство, которое подписало конвенцию или присоединилось к ней, к моменту вступления ее в силу автоматически становится членом Группы государств против коррупции (GRECO). GRECO осуществляет контроль за исполнением рассматриваемой конвенции, руководящих принципов борьбы с коррупцией и других соглашений или правовых документов, принятых Советом Европы в соответствии с Программой действий против коррупции.

Совет Европы проявляет особую заинтересованность в международной борьбе против коррупции, поскольку очевидной является исходящая от нее угроза не только международной торговле или международным финансовым интересам, но и основным принципам

самой организации, а именно: верховенству права, стабильности демократических институтов, правам человека, социальному и экономическому прогрессу. Это связано также с тем, что борьба с коррупцией – предмет, пригодный, по мнению экспертов, для международно-правового сотрудничества: с этой проблемой так или иначе сталкиваются практически все государства – члены Совета Европы, нередко в соответствующей сфере обнаруживаются транснациональные элементы.

Продолжительные дискуссии позволили выработать подход Совета Европы к теме коррупции, обусловленный междисциплинарным характером этого явления: оно может одновременно рассматриваться с точки зрения и уголовного, и гражданского, и административного права.

В соответствии с решениями и резолюциями конференций министров европейских стран 1994 г. (Мальта), 1997 г. (Чехия) и 1999 г. (Молдова), а также согласно Программе действий против коррупции, принятой Комитетом министров Совета Европы в ноябре 1996 г., осуществление политики, нацеленной на защиту общества от коррупции, становится первоочередной задачей и придает определенную направленность работе по содействию в осуществлении борьбы с коррупцией на региональном и национальном уровнях.

Широко признано, что коррупция негативно влияет на международную торговлю, препятствуя применению правил конкуренции и усложняя функционирование рыночной экономики. Существенным является и то, что государство могло бы привлечь к ответственности за коррупцию свои национальные компании, входящие в состав транснациональных компаний, если бы другие страны приняли на себя такие же обязательства. С другой стороны, в целях избежания создания помех для национальных компаний нескольких договаривающихся сторон, осуществляющих надлежащую по смыслу конвенций деятельность, эти документы требуют отражения их положений в национальных законодательствах одновременно как можно большего числа государств.

Конвенция 1998 г. имеет традиционную для международного договора структуру (преамбула и пять глав). Первая глава «Использование терминов» содержит определения понятий «публичное должностное лицо», «судья», «юридическое лицо». Во второй главе «Меры, которые должны быть приняты на национальном уровне» рассматриваются виды преступных деяний, связанных с коррупцией, а также раскрываются

вопросы сотрудничества национальных органов, защиты свидетелей, сбора доказательств, конфискации доходов и т.п. Третья глава посвящена контролю за выполнением конвенции. Четвертая глава затрагивает аспекты международного сотрудничества государств-участников (взаимная помощь, выдача, обмен информацией и др.). Пятая глава в силу своего содержания названа «Заключительные положения» (подписание и вступление в силу, присоединение к конвенции, оговорки и поправки, урегулирование споров и др.). Конвенция 1999 г. также состоит из преамбулы и следующих глав: «Меры, которые должны быть приняты на национальном уровне», «Международное сотрудничество и контроль за выполнением» и «Заключительные положения».

Следует остановиться на основных понятиях, содержащихся в рассматриваемых конвенциях. В частности, нас будут интересовать понятие «преступления, связанные с коррупцией».

В ходе подготовительной работы по определению подхода к разделению конвенций на уголовно-правовую и гражданско-правовую эксперты Совета Европы сформулировали предварительное общее определение коррупции. Согласно ему под коррупцией понимается взяточничество (подкуп) и любое другое поведение лица, наделенного ответственностью в публичном или частном секторе, которое нарушает свои обязанности, вытекающие из его публичного статуса как публичного лица, частного наемного работника, независимого агента или из другого статуса подобного рода, нацеленное на получение неправомερных преимуществ любого рода для себя или любого другого лица.

Особое место при подготовке конвенций было уделено дефинициям понятия «коррупция», использованным в документах других международных организаций, таких как Конвенция Европейского союза о борьбе против коррупции должностных лиц Европейского сообщества и должностных лиц государств – членов Европейского союза от 26 мая 1997 г. и Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при заключении международных коммерческих сделок от 17 декабря 1997 г. Поскольку выяснилось, что на сегодняшний день с определением коррупции нет полной ясности и в нем отсутствует правовая точность, было признано целесообразным в конвенции 1998 г. рассматривать понятие коррупции исходя из внутреннего

законодательства государств-участников, а в конвенции 1999 г. дать определение коррупции только для целей конвенции.

Действительно, коррупция, как отмечает В.В. Лунеев, сегодня является, скорее, не правовым, а синтетическим социальным или криминологическим явлением, поэтому ее необходимо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов деяний⁸. Именно поэтому в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1998 г. единое определение коррупции не приводится, а перечисляются некоторые преступные деяния, которые оцениваются экспертами Совета Европы как коррупционные преступления.

Практика последних лет показывает, что в процессе международного сотрудничества приходится сталкиваться с двумя видами трудностей при судебном преследовании, касающемся транснациональных коррупционных дел, в частности подкупа иностранных публичных должностных лиц.

Первая связана с определением коррупционного преступления, часто понимаемого неодинаково из-за различия содержания понятия «публичные должностные лица» в национальном праве разных стран.

Другая трудность обусловлена ограниченностью возможностей международного сотрудничества: из-за процедурных, а иногда и политических помех откладывается или осложняется судебное преследование за преступления интересующего нас рода. Стремясь гармонизировать толкование коррупционных преступлений, государства – участники конвенции должны соблюдать принцип, заключающийся в том, что деяние преследуется как по закону одного государства-участника, так и по закону другого государства-участника.

Исходя из целей конвенции 1998 г. понятие «публичное должностное лицо» определяется путем ссылки на определения «должностное лицо», «публичный служащий», «мэр», «министр» или «судья», существующие в национальном праве государства, в котором данное лицо осуществляет свои функции, и на то, как эти определения применяются в уголовном праве данного государства. При этом разработчики документа хотели охватить все возможные категории должностных лиц, которые могут быть замешаны в подкупе. Однако это не обязательно означает, что государства обязаны пересмотреть определения должностного лица в национальных законодательствах. Договаривающиеся стороны принимают на себя обязательства по конвенции только в

той мере, которая совместима с их конституциями и фундаментальными принципами правовой системы, включая принцип федерализма в тех случаях, где это необходимо.

Надо заметить, что понятие должностного лица охватывает судей. Термин «судья» в соответствии с целями конвенции обозначает прокуроров и лиц, занимающих судебные должности. Решающим фактором для включения этих лиц в названную категорию является не официальное наименование их должности, а юридическая природа осуществляемых ими функций. Прокуроры специально упоминаются в этом определении, хотя в некоторых государствах они и не признаются членами судебного корпуса. Члены судебного корпуса (по смыслу конвенции это судьи, а в некоторых странах и прокуроры) являются независимой и беспристрастной ветвью власти, отдельной от исполнительной. Их включение в перечень должностных лиц оправдано исключительно целями применения конвенции.

Конвенция также дополнительно предусматривает следующий момент: в случае судебного преследования какого-либо публичного должностного лица одного государства применение другим государством (осуществляющим судебное преследование) определения публичного должностного лица возможно лишь в той степени, в какой это определение не противоречит национальному праву.

В качестве мер, которые должны быть приняты на национальном уровне государствами – участниками конвенции 1998 г., используются законодательные и иные меры для признания преступлениями целого ряда деяний, которые конвенция связывает с коррупцией. Конвенцией выделяются два вида подкупа публичных должностных лиц: активный и пассивный.

Под активным подкупом публичного должностного лица понимается преднамеренное обещание, предложение или предоставление любым лицом прямо или косвенно любого неправомерного преимущества любому из публичных должностных лиц для самого этого лица или любого иного лица с тем, чтобы это публичное должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций.

Под пассивным подкупом публичного должностного лица понимается прямое или косвенное преднамеренное испрашивание или получение публичным должностным лицом любого неправомерного преимущества для самого себя или любого иного лица или же принятие, предложение или обеща-

ние такого преимущества с тем, чтобы это должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций.

В ст. 2–11 конвенции 1998 г. активный и пассивный подкупы более детально рассматриваются применительно к различным категориям публичных должностных лиц: национальным публичным должностным лицам; членам национальных публичных собраний; иностранным публичным должностным лицам; членам иностранных публичных собраний; лицам, которые руководят организациями частного сектора или работают в них в любом качестве; должностным лицам международных организаций; членам международных парламентских собраний; судьям и должностным лицам международных судов.

Кроме подкупа конвенция предлагает государствам-участникам признать в соответствии с их национальными законодательствами уголовно наказуемыми деяниями преднамеренное обещание, предоставление или предложение прямо или косвенно любого неправомерного преимущества любому лицу, которое утверждает или подтверждает, что оно может оказать неуместное влияние на принятие решения любым лицом из числа тех, о которых уже говорилось, за вознаграждение, независимо от того, предоставляется ли неправомерное преимущество ему самому или кому-либо еще, а также испрашивание, принятие или согласие с предложением или обещанием предоставить такое имущество в качестве вознаграждения за такое влияние, независимо от того, оказано или нет влияние и был ли получен в результате предположительно оказанного влияния ожидаемый результат (ст. 12 «Злоупотребление влиянием в корыстных целях»). Правонарушениями в области коррупции конвенция 1998 г. рекомендует государствам-участникам также считать следующие преднамеренные действия или бездействие с целью совершения, сокрытия или искажения, если они связаны с вышеупомянутыми деяниями:

- оформление или использование счета-фактуры или любого другого бухгалтерского документа или отчета, содержащего ложную или неполную информацию;
- противоправное невнесение в бухгалтерские книги сведений о платежных операциях.

Конвенция 1998 г. устанавливает ряд критериев, в соответствии с которыми государство-участник должно распространить свою юрисдикцию на вышеуказанные деяния. Юрисдикция традиционно основана

на принципах территориальности, национальной принадлежности и защиты национальных интересов. Конвенция предлагает каждому государству-участнику принять такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для установления его юрисдикции в отношении деяний, перечисленных выше, в случае, когда:

а) преступление совершено полностью или частично на его территории;

б) лицо, совершившее преступление, является одним из его граждан, одним из его публичных должностных лиц или членом одного из его национальных публичных собраний;

в) в преступление вовлечено одно из его публичных должностных лиц, или член его национального публичного собрания, или любое должностное лицо международных организаций (международных парламентских собраний, международных судов), которое при этом является одним из его граждан.

Конвенция не исключает осуществления государством-участником любой уголовной юрисдикции в соответствии с его национальным законодательством.

К новеллам европейского права можно отнести положение конвенции, касающееся ответственности юридических лиц в связи с коррупционными преступлениями. Его включение вызвано, в первую очередь, участвовавшими фактами участия юридических лиц в коррупционных действиях, особенно в сфере международных коммерческих сделок. Согласно ст. 18 конвенции национальным законодательством государств-участников может быть предусмотрена возможность привлечения юридических лиц к ответственности в связи с активным подкупом, злоупотреблением влиянием в корыстных целях и отмыванием доходов, полученных преступным путем, если они совершены в интересах юридического лица любым физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимающим руководящую должность в юридическом лице на следующих основаниях:

а) выполнение представительских функций от имени юридического лица;

б) осуществление права на принятие решений от имени юридического лица;

в) осуществление контрольных функций в рамках юридического лица.

Следует отметить, что в конвенции 1998 г. урегулированы вопросы соучастия в коррупционных преступлениях, подстрекательства к их совершению, а также защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, и свиде-

телей. Согласно ст. 23 банковская тайна не является препятствием для осуществления мер по содействию сбору доказательств и конфискации доходов от коррупции.

Для осуществления контроля за выполнением конвенции 1998 г. Комитет министров Совета Европы санкционировал создание контролирующего органа – Группы государств против коррупции (ГРЕКО), которая начнет функционировать с первого дня месяца, следующего после даты сдачи депозитарию (Генеральному секретарю Совета Европы) четырнадцатого документа о ратификации, принятии или одобрении конвенции 1998 г., то есть после ее вступления в силу. Конвенция 1998 г. предусматривает для государств общие принципы международного сотрудничества в области борьбы с коррупцией: максимально возможное использование имеющихся многосторонних и двусторонних международных договоров в уголовно-правовой сфере, в случае их отсутствия – имеющихся в конвенции 1998 г. положений об оказании взаимной правовой помощи, выдаче, обмене информацией, центральных органах и прямых контактах.

Также следует отметить ограничение конвенцией права государств-участников делать оговорки. Допустимы последние лишь к указанным в конвенции статьям (4–6, 8, 10, 12, 17 и 26), причем государство не может предпринять соответствующий шаг по более чем пяти упомянутым в них положениям. Никакие другие оговорки не допускаются. Таким образом достигается баланс между интересами государства-участника, стремящегося обеспечить адаптацию конвенционных обязательств к жизненным реалиям и необходимостью прогрессивного применения самого международно-правового инструмента.

После успешного завершения работы над конвенцией 1998 г. эксперты Совета Европы в рамках Междисциплинарной группы по коррупции сконцентрировали свои усилия на проекте Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, которая в итоге была принята Комитетом министров Совета Европы 9 сентября 1999 г. Конвенция 1999 г. представляет собой первый и уникальный документ, посвященный рассмотрению гражданско-правовых аспектов коррупции. Основное ее предназначение заключается в установлении на международно-правовом уровне эффективных средств правовой защиты лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, чтобы создать им возможности для защиты своих прав и интересов, включая возможность получения компенсации за ущерб.

Гражданско-правовую сущность конвенции 1999 г., как представляется, определяет ее направленность именно на возмещение ущерба от коррупции. Соответствующие механизмы создаются каждым государством-участником в соответствии с его внутренним правом и могут по своей правовой природе относиться к различным отраслям права.

Исключительно для целей конвенции 1999 г. в ней приводится определение коррупции, под которой понимается просьба, предложение, дача или получение прямо или косвенно взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или перспектив таковых, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, для получения ненадлежащего преимущества или перспектив таковых. Это связано с необходимостью четкого и ясного толкования термина «коррупция» в ее контексте. Тем самым конвенция 1999 г. очерчивает правовое поле, в рамках которого государства-участники принимают меры по противодействию последствиям коррупции в гражданско-правовой сфере.

Конвенция в качестве основного средства правовой защиты лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, предлагает государствам-участникам предусмотреть в своем национальном законодательстве нормы, закрепляющие право указанных лиц подать судебный иск с целью получения полного возмещения ущерба. В соответствии с документом 1999 г. полное возмещение ущерба охватывает возмещение как причиненного материального ущерба, так и упущенной выгоды и нематериального (морального) вреда.

К условиям наступления ответственности за причинение ущерба конвенция 1999 г. относит следующие:

а) ответчик совершил или санкционировал акт коррупции или не предпринял разумные шаги для предотвращения акта коррупции;

б) истец понес ущерб;

в) существует причинно-следственная связь между актом коррупции и нанесенным ущербом.

Применительно к случаям, когда за ущерб, причиненный актом коррупции, ответственны несколько ответчиков, то государства-участники должны предусмотреть в национальном законодательстве нормы солидарной и долевой ответственности. В отношении моментов, когда акт коррупции

совершен публичными должностными лицами государства, конвенция 1999 г. рекомендует установление государствами-участниками надлежащих процедур, позволяющих лицам, понесшим ущерб в результате акта коррупции, требовать возмещения ущерба от государства либо соответствующих органов международной организации.

В конвенции также регламентируются другие гражданско-правовые аспекты защиты лиц от коррупции: учет вины потерпевшего; вопросы юридической силы контрактов; защита служащих, которые сообщают об известных им актах коррупции; точность и достоверность отражения финансовых результатов деятельности компаний и аудиторских проверок; отдельные процессуальные вопросы получения судебных доказательств.

Порядок осуществления международного сотрудничества в рамках конвенции 1999 г. и контроля за ее выполнением (ГРЕКО) определен аналогично конвенции 1998 г., только с указанием на то, что государства-участники руководствуются международно-правовыми документами в гражданско-правовой и коммерческой сферах.

При сравнительно-правовом анализе двух представленных документов важно отметить различие в подходах к допустимости оговорок к ним. Если конвенция 1998 г. предусматривает право государств-участников делать оговорки к исчерпывающему перечню статей, то в отношении положений конвенции 1999 г. никакие оговорки не могут быть сделаны.

Рассмотренные конвенции, являющиеся частью разрабатываемой системы антикоррупционной борьбы в рамках Совета Европы, могли бы способствовать усилению борьбы с коррупцией в России, хотя использование их инициатив возможно, как представляется, только с учетом национальных интересов и исторического опыта нашей страны. Полагаем, что рекомендации государствам-участникам могут воплощаться в жизни только после глубокого и всестороннего анализа и адаптации к современным российским условиям.

Эксперты Совета Европы разработали общее определение коррупции. Коррупция – это взятничество, подкуп и любое другое поведение лица, наделенного ответственностью в публичном или частном секторе, которое нарушает свои обязанности, вытекающие из его публичного статуса как публичного лица, частного наемного работника, независимого агента или другого ста-

туса подобного рода, и нацелено на получение неправомερных преимуществ любого рода для себя или другого лица.

Рассматривая коррупцию как угрозу для правового государства, прав человека и справедливости, Комитет министров Совета Европы принял 11 мая 2000 г. Рекомендации о кодексах поведения для государственных служащих. Содержащиеся в них правила во многом воспроизведены в нашем законодательстве, но в недостаточной степени выполняются в реальной деятельности, поэтому необходимо приложение усилий в этом направлении.

В Европе меры по борьбе с коррупцией принимаются в рамках объединений государств. Так, ряд мер по улучшению международного сотрудничества в области борьбы с коррупцией и отслеживанию финансовых потоков, связанных с коррупцией, был предложен совещанием группы экспертов по коррупции и ее финансовым каналам (Париж, 30 марта – 1 апреля 1999 г.)⁹.

Совет Европы разработал три основных документа, которыми члены этой организации должны руководствоваться в борьбе с коррупцией. Два из них представляют собой уже известные нам конвенции, а один содержит не имеющие обязательной силы принципы – 20 руководящих принципов Совета Европы по борьбе с коррупцией. Совет Европы также создал механизм взаимной экспертизы для контроля над выполнением этих принципов и конвенций в 42 странах, включая Соединенные Штаты. Европейский союз (ЕС) принял несколько документов, которыми должны руководствоваться его члены: Конвенцию ЕС о борьбе с коррупцией, касающейся должностных лиц европейских сообществ или должностных лиц государств-членов (1997 г.) и Совместное решение ЕС о коррупции в частном секторе (1998 г.). Имеется также рамочное соглашение ЕС 2002 г. о борьбе с коррупцией в частном секторе. Выработанный в 2000 г. Пакт стабильности, который был подписан семью странами Юго-Восточной Европы, и созданный в результате его принятия механизм взаимной экспертизы известны под названием «Антикоррупционная инициатива Пакта стабильности».

Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 21 ноября 1997 г. была принята Конвенция о борьбе с подкупом иностранных государственных должностных лиц в международных коммерческих сделках. Она обязывает участников устанавливать в национальном законодательстве эффек-

тивные, соразмерные и оказывающие сдерживающее воздействие уголовные наказания за подкуп иностранных должностных лиц.

Конвенция ОЭСР по борьбе со взяточничеством должностных лиц иностранных государственных органов при проведении международных деловых операций (вступила в силу в феврале 1999 г.) посвящена конкретному вопросу – объявлению преступлением дачи взяток иностранным государственным чиновникам при осуществлении коммерческой деятельности.

ОЭСР имеет в рассматриваемой сфере ограниченные амбиции, касающиеся создания ровного «игрового поля» коммерции без коррупции. Подход к коррупции в основном ориентирован на «сторону предложений»: направлен на сокращение притока коррумпированных платежей на соответствующие рынки путем применения санкций к активным взятодателям и их соучастникам, а также посредством реализации системы превентивных мер. Очевидно, что такое решение является односторонним, недальновидным, зависимым от действий, предпринимаемых «стороной спроса».

Важность правовой инициативы ОЭСР, направленной на борьбу с коррупцией, определяется тремя моментами. Во-первых, она сокращает приток коррупционных платежей в страны как севера, так и юга. Это напрямую способствует созданию благоприятной атмосферы для осуществления надлежащего государственного управления и поддержания справедливых условий торговли. Во-вторых, она сыграла роль своего рода катализатора, стимулировавшего деятельность международных правительственных организаций, частного сектора и гражданского общества в целом, и способствовала существенному изменению политики в последние десять лет. В-третьих, она могла бы стать прецедентом разработки норм управления в глобальных масштабах.

Интересно, что, по данным исследований, проведенных Трансперенси Интернэшнл, 45% из 230 генеральных директоров большинства компаний Соединенных Штатов и других стран ничего не знают о конвенции ОЭСР. Из 55% респондентов, которые были хорошо осведомлены о деятельности ОЭСР, 43% заявили, что не собираются пересматривать деловую политику их компании в целом или отдельные инциденты дачи взяток, даже несмотря на то, что 33% из 779 опрошенных бизнесменов признают, что уровень взяточничества за последние пять лет значительно вырос. Таким образом, главной те-

мой дебатов по поводу коррупции является противоречие между глобальными принципами и локальной практикой¹⁰.

Тем не менее рассмотренная конвенция ОЭСР является предпосылкой к восстановлению атмосферы здоровой конкуренции в коммерческой среде. Благодаря этому договору, помимо решения проблемы справедливых условий торговли каждый, кто ведет бизнес за границей, получит выгоду от существенного сокращения крупных незаконных платежей, перечисляемых в ту или иную страну.

В Латинской Америке в 1996 г. была принята Межамериканская конвенция против коррупции. Она была заключена под эгидой Организации американских государств, которая в 2001 г. создала механизм взаимной экспертизы для контроля над исполнением документа. В настоящее время в этом соглашении участвуют 33 страны, в том числе Соединенные Штаты.

21 страна Азиатско-Тихоокеанского региона приняла пакт против коррупции, которым государства могут добровольно руководствоваться. Азиатский банк развития и Организация экономического сотрудничества и развития разработали план по борьбе с коррупцией, в рамках реализации которого в будущем предполагается проводить взаимную экспертизу. В 2004 г. лидеры Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества утвердили антикоррупционный курс действий, предусматривающий твердую приверженность выполнению Конвенции ООН против коррупции и работу на региональном уровне с целью отказа в убежище коррумпированным чиновникам и тем, кто их подкупает.

В Африке в июле 2003 г. на саммите Африканского союза, который проводился в Мапуту (Мозамбик), главами государств была принята Конвенция Африканского союза о предотвращении коррупции и борьбе с ней. Подписанный в 2001 г. Протокол Южноафриканского сообщества развития против коррупции содержит меры, утвержденные 14 странами-членами. В 1999 г. Глобальная коалиция для Африки выработала принципы борьбы с коррупцией, которые могут быть добровольно приняты входящими в нее странами. 11 государств-членов уже сделали это.

На Ближнем Востоке арабские государства работают через региональную сеть «Добросовестное управление в целях развития», чтобы оказать поддержку процессу реформ управления и модернизации государственного сектора и создать условия,

необходимые для экономического и социального развития во всем регионе. Борьба с коррупцией является одним из главных направлений их деятельности (особенно мероприятия по выполнению Конвенции ООН против коррупции).

37 стран, подписавших в 1997 г. Конвенцию Организации экономического сотрудничества и развития о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при международных деловых операциях, создали механизм взаимной экспертизы для контроля над ее выполнением. Этот документ имеет относительно узкую и конкретную сферу применения. Основной упор делается на использование внутреннего законодательства для обеспечения уголовной ответственности за подкуп иностранных должностных лиц.

Работа и принципы Специальной финансовой группы (ФАТФ) также вносят огромный вклад в решение международных задач по борьбе с коррупцией. В своих рекомендациях «40+9»¹¹ ФАТФ устанавливает глобальные стандарты борьбы с отмыванием денег и финансовыми преступлениями. Группа следит за тем, как страны реализуют ее предложения. В этот межправительственный орган входят представители органов надзора и регулирования и финансовых институтов. Они рассматривают злоупотребления в финансовой сфере, в том числе нарушения, вызванные коррупцией.

В последние годы «Большая восьмерка», объединяющая Великобританию, Германию, Италию, Канаду, Россию, США, Францию и Японию, обсуждая на своих встречах общие экономические и внешнеполитические вопросы, сделала одним из главных своих приоритетов борьбу с коррупцией. В числе поднятых вопросов значатся борьба с коррупцией на высоком уровне (клептократией), отказ в убежище коррумпированным чиновникам, координация действий по восстановлению незаконно приобретенных активов и улучшение подотчетности и прозрачности бюджета, закупок и льгот.

Меры против распространения коррупции принимают и такие специализированные организации, как Всемирная торговая организация (ВТО), Международная торговая палата (МТП).

ВТО занимается вопросами обеспечения открытости и соблюдения должных процедур государственных поставок, достижения прозрачности международного сотрудничества в области снабжения. В этой сфере действует Соглашение о государственных поставках 1996 г., однако не получившее

широкого признания (только 24 члена ВТО являются его участниками).

В рамках МТП действует свод юридически необязательных правил этики делового поведения 1996 г. Поскольку эти правила призывают организации международного публичного права типа Всемирного банка принимать меры по борьбе с коррупцией, они в основном касаются поведения участников корпораций. Запрещается коррупция в широком ее значении, которое включает вымогательство, взяточничество, вознаграждения, платежи агентам, превышающие соответствующее вознаграждение за оказание легитимных услуг, взносы и вклады в пользу политических партий, комитетов или отдельных политических деятелей, если они не заявлены и осуществлены в нарушение соответствующего закона. Правила также требуют соответствующей финансовой документации и аудита от предприятий, предусматривают контроль и проведение процедур оценки внутри каждого предприятия, чтобы гарантировать установление и применение к руководителю или служащему, несущему ответственность за нарушение правил, определенных санкций. Обосновывается необходимость принятия кодекса поведения для каждой отдельной компании (с предлагаемыми примерами). Предусмотрена координация действий между штаб-квартирой МТП и ее национальными комитетами по вышеупомянутому вопросу, а также в сфере распространения применения самих правил на национальном и международном уровнях.

Всемирный банк, уделяя значительное внимание проблеме коррупции и базируясь на собственных исследованиях, заявил о необходимости ее рассмотрения как «симптома фундаментальных проблем государства», а не как основного или единственного фактора, определяющего болезни общества. В связи с этим была представлена программа ключевых реформ, необходимых для совершенствования государственного управления и борьбы с коррупцией. В качестве основанных направлений трансформации государственного управления Всемирный банк выделяет:

- 1) развитие конкуренции и демонополизации рынка;
- 2) подотчетность политического руководства;
- 3) государственное администрирование, построенное на принципе меритократии и ориентированное на службу;
- 4) прозрачность и подотчетность в управлении государственными средствами;
- 5) обеспечение власти закона;
- 6) информированность граждан;
- 7) внедрение «культуры прозрачности».

По каждому из них разработан комплекс мер, направленных на достижение поставленной цели, однако все они носят характер рекомендательных инициатив.

Среди многосторонних соглашений можно особо отметить Соглашение от 25 апреля 2007 г. о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников СНГ в борьбе с коррупцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Della P., Donatella C., Meny I. *Democracy and Corruption in Europe*. L., 1997. P. 36.

² См.: Кузнецов И.К. Борьба с коррупцией в рамках Совета Европы // *Международное право – International Law*. 2007. № 4 (32). С. 129.

³ Швец Е.В. Некоторые аспекты международно-правового сотрудничества государств – членов Совета Европы в области борьбы с коррупцией // *Журнал российского права*. 2000. № 7.

⁴ См.: *Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: Сб. документов / Сост. В.С. Овчинский*. М., 2009. С. 297–315.

⁵ См.: Council of Europe: *European Treaty Series*. № 174.

⁶ См.: E/CN. 15/1999/10, *Official Gazette of the Council of Europe: Committee of Ministers part-volume*. No. V-May 2000. Recommendation R (2000) 10.

⁷ См.: *Official Journal of European Communities*. 1998. December, 31. № L. 358.

⁸ См.: Лунеев В.В. *Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции*. М., 1999. С. 271.

⁹ См.: E/CN. 15/1999/10. Разделы B, D, E.

¹⁰ См.: <http://www.coruptie.net/rus/3.html>

¹¹ См.: *Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов*. С. 478–498.

¹ См.: Della P., Donatella C., Meny I. *Democracy and Corruption in Europe*. L., 1997. P. 36.

² См.: Kuznetsov I.K. *Bor'ba s korrupciej v ramkah Soveta Evropy* // *Mezhdunarodnoe pravo – International Law*. 2007. № 4 (32). S. 129.

³ Shvec E.V. *Nekotorye aspekty mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva gosudarstv – chlenov Soveta Evropy v oblasti bor'by s korrupciej* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2000. № 7.

⁴ См.: *Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov: Sb. dokumentov / Sost. V.S. Ovchinskij*. M., 2009. S. 297–315.

⁵ См.: Council of Europe: *European Treaty Series*. № 174.

⁶ См.: E/CN. 15/1999/10, *Official Gazette of the Council of Europe: Committee of Ministers part-volume*. No. V-May 2000. Recommendation R (2000) 10.

⁷ См.: *Official Journal of European Communities*. 1998. December, 31. № L. 358.

⁸ См.: Лунеев В.В. *Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции*. М., 1999. С. 271.

⁹ См.: E/CN. 15/1999/10. Razdely B, D, E.

¹⁰ См.: <http://www.coruptie.net/rus/3.html>

¹¹ См.: *Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korrupciej i otmyvaniem prestupnyh dohodov*. S. 478–498.

Условное осуждение – форма условного наказания

Б.З. МАЛИКОВ – заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Башкирского института социальных технологий Академии труда и социальных отношений, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты института условного осуждения, его правовая природа, основание и условия применения, дается анализ негативов назначения и исполнения данной меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: уголовная ответственность; наказание; условное осуждение; мера уголовно-правового характера; усмотрение суда.

Conditional conviction as a form of conditional sentence

B.Z. MALIKOV – Head of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Bashkir Institute of Social Technologies of Academy of Labour and Social Relations, Professor, Doctor of Laws

The article is devoted to the theoretical and legal aspects of the institution of conditional conviction, its legal nature, grounds and conditions of its application. The analysis of negative issues of its application as a measure of penal character is also given in the article.

Key words: criminal responsibility; sentence; conditional conviction; a measure of penal character; discretion of the court.

Современный уровень развития уголовно-правовых средств противодействия преступности не может быть признан достаточно высоким без оптимизации в рамках политики государственного принуждения применения как карательных, так и исправительных мер. Известно, что наказание всегда отражало и отражает суть уголовной ответственности и содержание уголовно-правовых отношений. Однако в настоящее время наряду с наказанием уголовная ответственность может быть реализована и в форме применения мер уголовно-правового характера. При этом сущность ее остается прежней. Формально, то есть с позиции требований закона, преступление имеет свое правовое последствие – наказание.

Функционально наказание призвано:

1) характером и мерой кары обеспечивать защиту объектов уголовно-правовой охраны (ст. 2 УК РФ);

2) быть основным элементом принуждения в механизме реализации уголовной ответственности (ч. 1 ст. 43 УК РФ);

3) выступать мерой уголовной ответственности (ст. 14 и 15 УК РФ, санкции статей Особенной части УК РФ);

4) служить основанием для применения других мер уголовно-правового характера: условного осуждения (ч. 1 ст. 73 УК РФ), от-

срочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ч. 1 ст. 82 УК РФ);

5) выступать в качестве уголовно-правовой категории для выражения понятия «судимость» (ст. 86 УК РФ);

6) применительно к отбыванию конкретного вида наказания – являться основанием для условно-досрочного освобождения от его отбывания (ч. 1 ст. 79 УК РФ), замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 1 ст. 80 УК РФ). Кроме того, правовые условия исполнения и отбывания конкретных видов наказаний имеют свои механизмы индивидуализации применения кары по прогрессивной системе их отбывания (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 3 и 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1, ч. 4 ст. 58 УК РФ; ст. 78, 87 УИК РФ).

Итак, для определения правовой природы условного осуждения мы обратились к уточнению функционального предназначения наказания. Ведь первостепенное значение наказания заключается в его общепреventивной функции. Наказание карательной силой (характером и объемом правоограничений) должно удерживать лиц от совершения преступления, поэтому характер и степень кары должны соответствовать общественной опасности преступного посяга-

тельства. В этом соотношении проявляется законность, реальность, обоснованность и справедливость применения уголовно-правового воздействия. Еще Ч. Беккариа более 200 лет назад выдвигал идею о необходимости оправданной степени строгости наказания в целях предупреждения преступлений. Он отмечал: «Чтобы быть справедливым, наказание не должно превышать меру строгости, достаточную для удержания людей от преступлений. Нет такого человека, который обдуманно согласился бы на полную и вечную потерю своей свободы, какие бы выгоды ни сулило ему преступление». Однако ученый предупреждал, что чрезмерная строгость реально применяемого наказания снижает его эффективность либо приводит к обратному результату, поэтому наказание должно соразмеряться с преступлением в отношении не только своей тяжести, но и способа и выполнения¹. Это незыблемое принципиальное и классическое положение о сущности и механизме реализации уголовной ответственности, проявляющихся в соответствии наказания тяжести конкретного преступления, остается актуальным с точки зрения как стратегии уголовной политики, так и решения частных вопросов криминализации, либерализации ответственности и наказания за преступления.

Одной из форм реализации уголовной ответственности, а точнее одним из проявлений ее либерализации, выступает институт условного осуждения. Оно призвано в отличие от наказания при сохранении в своем содержании минимума уголовно-правовых ограничений не карать осужденного, а стимулировать его правопослушное поведение в целях исправления. Условное осуждение применяется судом после назначения наказания и вместо него (ч. 1 ст. 73 УК РФ) для достижения цели исправления. Однако наказание в этом случае не отменяется, а выступает побудительным средством к исправлению, в силу того что при наличии правонарушений со стороны осужденного оно может быть реально исполнено. Чтобы не утрачивался уголовно-правовой смысл ответственности при применении условного осуждения и не происходило отрыва осужденного ни от содеянного им преступления, ни от назначенного наказания, через применение и исполнение данной меры уголовно-правового характера важно сохранить в этом институте должные акценты на отношении виновного лица и к преступлению, и к наказанию.

Условное осуждение при нечетко выраженных основаниях и условиях его при-

менения, искажениях судебной практики, неудовлетворительной организации исполнения может восприниматься осужденным, а также отражаться в общественном сознании не как адекватная, учитывающая личность преступника, и важная форма некарательного исправления, а как удобная правовая форма, позволяющая нивелировать уголовную ответственность.

Исторически развитие уголовного права как политико-правового явления было обусловлено всем ходом цивилизации, важным итогом чего стало признание высшей социальной ценностью человека, его прав и свобод. Исходя из этих приоритетов произошло и определенное смещение акцентов в характере объектов и способов уголовно-правовой защиты. Более того, личность преступника и осужденного как гражданина государства стала рассматриваться в качестве субъекта правовых отношений, носителя неотъемлемых прав и законных интересов, а также обязанностей, запретов и ответственности. Поэтому переход в уголовном праве от идеи только воздаяния за преступление к идее исправительного принуждения был закономерен и сопровождался появлением наряду с наказанием иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим преступления. Одну из таких мер представляет собой условное осуждение (ст. 73 УК РФ).

В целом уголовная ответственность должна быть оправданно строгой и справедливой, когда это касается защиты интересов личности, общества и государства, да и самого осужденного. Вместе с тем с точки зрения процедуры реализации она должна быть достаточно универсальной, предоставлять широкие возможности для индивидуализации. Это требование актуально в плане формирования научно обоснованной, гуманной, эффективной и последовательной современной уголовной политики. Она должна быть нацелена на защиту личности, общества и государства от преступных посягательств, представлять собой государственное принуждение и неблагоприятные правовые ограничения для лиц, совершивших преступления, а механизм ее осуществления должен носить предупредительно-исправительный характер.

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации отличается достаточной строгостью своих санкций и порядком назначения наказания для реализации охранительной функции, так и частного карательно-предупредительного принуждения лиц, виновных в совершении преступлений.

Вместе с тем уголовная ответственность как политико-социальная и правовая, карательно-принудительная форма и проявление, видимо, не может и не должна размываться в процедуре ее реализации. Имеется в виду недопустимость ее девальвации путем искажения судебной практики, возможностью не всегда оправданного и достаточно широкого применения условного осуждения, что позволяют делать нормы ст. 73 УК РФ.

Надо отметить, что на протяжении последних двадцати лет в России уголовная политика была в определенной мере деформированной, так как система наказаний и конкретные санкции Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации не отражали заявленный ее характер и содержание. Из 13 видов наказаний 4 (обязательные работы, ограничение свободы, арест, конфискация имущества) либо длительное время не применялись, либо были изменены или переведены в разряд мер уголовно-правового характера. Это привело к чрезмерному применению судами лишения свободы. С другой стороны, в судебной практике была сформирована устойчивая тенденция преобладания в качестве альтернативы указанному наказанию условного осуждения. Например, в 2007 г. судами за совершение преступлений было осуждено 914 615 чел., из них условно к лишению свободы – 384 056 чел., условно к иным мерам – 25 519 чел.; в 2009 г. всего осуждено 914 541 чел., условно к лишению свободы – 355 177 чел., условно к иным наказаниям – 17 796 чел. Доля условно осужденных составляла более 40%².

Условное осуждение как мера уголовно-правового характера предполагает не просто замещение наказания исправительным принуждением, а именно освобождение осужденных преимущественно от отбывания одного из самых строгих видов наказания – лишения свободы. В связи с этим ежегодно в исправительные учреждения направляется более 300 тыс. осужденных. Казалось бы, такое проявление гуманизма и экономию бюджетных средств надо только приветствовать. Вместе с тем возникают проблемы другого порядка: насколько оправданно и справедливо осужденные не только освобождаются от отбывания строгого наказания, но и переводятся на процедуру усеченной формы уголовной ответственности? Ведь условное осуждение не предусматривает ни примирения с лицами, пострадавшими от преступления, ни деятельного раскаяния, ни других мер, направ-

ленных на снижение отрицательных последствий преступления. Более того, правовые основания применения условного осуждения настолько безграничны, что позволяют переводить в режим испытательного наблюдения осужденных, страдающих алкоголизмом, наркоманией, венерическими заболеваниями, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления (ч. 1 и 5 ст. 73 УК РФ).

Как показывает практика, в условиях свободы при достаточно примитивном контроле и исправительном воздействии рассматриваемая категория осужденных не очень обременена «доказыванием» своего исправления. Дело в том, что функции по организации контроля за условно осужденными возложены на уголовно-исполнительные инспекции (ч. 13 ст. 16 УИК РФ), которые во взаимодействии с органами внутренних дел пока не способны обеспечить должное исполнение своими подопечными возложенных на них обязанностей и запретов, а также надлежащее наблюдение. Из-за неэффективности контроля вне учета уголовной и административно-правовой статистики, а также за пределами соответствующего государственного реагирования остается часть правонарушений данной категории осужденных. Поэтому латентность такого рода правонарушений невозможно преодолеть, не изменив систему соответствующего контроля и реагирования. А, заметим, латентность правонарушений в сфере реализации акта правосудия просто недопустима, ибо она дискредитирует и данный институт, и правосудие, и уголовную политику государства.

Также практика исполнения условного осуждения заставляет признать, что не все осужденные оправдывают оказанное им судом и обществом в целом доверие: рецидив их преступлений составляет 16,4%³, совершение административных правонарушений – 7,5%⁴, уровень злостного уклонения от контроля – 25,5%⁵, отмена условного осуждения – 10,17%⁶.

Результаты нашего исследования показывают, что 74,4% условно осужденных не осознают, что являются субъектами уголовно-исполнительных правоотношений и в рамках процедуры исполнения приговора должны подтверждать свое исправление, 48,8% стремятся негатив своего поведения не делать достоянием контролирующих органов, 71,2% безразлично относятся к мерам, связанным с исполнением приговора, не понимая характера этой процедуры и своей роли в ней.

Согласно закону с истечением испытательного срока исчерпывается правовое последствие условного осуждения – судимость (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ). Тем самым в отношении условно осужденных уголовная ответственность носит усеченный характер.

С другой стороны, лицам, пострадавшим от преступлений, не всегда понятно применение судами условного осуждения, тем более без учета их мнения.

Отмеченные обстоятельства не позволяют оценивать условное осуждение с позиции требований принципа социальной справедливости и достижения цели исправления преимущественно в позитивном плане.

Условное осуждение – это не столько институт освобождения от отбывания наказания, как полагают ряд правоведов-исследователей⁷. По нашему мнению, в большей степени оно представляет собой специальную и достаточно «льготную» форму реализации уголовной ответственности, так как то, что назначенное наказание судом признается условным, не означает освобождения осужденного от него. При этом судом определяется испытательный срок, в течение которого наказание не приводится в исполнение. На основании приговора суда в режиме судимости в течение испытательного срока осужденный подвергается исправительному воздействию (наблюдению). Срок судимости не превышает испытательного срока. Указанные особенности условного осуждения существенно корректируют обычный формат уголовной ответственности. Он не карателен по своему характеру, специфичен с точки зрения механизма реализации правоограничений.

Однако правовые основания применения и исполнения условного осуждения по действующему уголовному и уголовно-исполнительному законодательству позволяют приводить в действие коррупционные схемы, а также принимать не в полной мере обоснованные судебные решения и получать неправомерные оценки органов, осуществляющих контроль за поведением осужденных.

Нам представляется, что концептуально уголовный закон должен строгостью своих санкций выражать не только позицию общества и государства о недопустимости преступных посягательств, но и волю к реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности в форме наказания или мер уголовно-правового характера либо в применении стимулирующих правомерное поведение мер (оснований) освобождения от уголовной ответственности и наказания.

В широком значении оптимизация уголовной политики России – это довольно сложный и долговременный процесс, который предполагает совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, судебной и уголовно-исполнительной деятельности, повышение правовой культуры и правового сознания населения.

Вместе с тем действующее уголовное законодательство в определенной мере позволяет решать как антикриминальный блок задач по противодействию преступности, так и индивидуализировать уголовную ответственность и наказание.

Индивидуализация уголовной ответственности всегда связана с оптимизацией применения мер государственного принуждения, необходимого для исправления лица, виновного в совершении преступления.

С учетом того что в основе индивидуализации уголовной ответственности лежит принцип экономии репрессии, уголовное законодательство позволяет к исправимым лицам применять вместо наказания меры уголовно-правового характера (не исполнять назначенное наказание) либо применять наказания, не связанные с изоляцией от общества.

Тем самым уголовно-правовая политика ориентирована на использование наиболее строгого карательного потенциала государственного принуждения в целях противодействия совершению тяжких и особо тяжких преступлений. Эта задача решается через закрепление в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации санкций в виде достаточно строгих видов наказаний: смертной казни, лишения свободы и пожизненного лишения свободы.

В то же время совершенствуется арсенал уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности за преступления средней и небольшой тяжести, а также индивидуализации наказания в процессе его исполнения вне зависимости от тяжести совершенного преступления. Это достигается путем установления альтернативных санкций, применения норм институтов освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 90 УК РФ), освобождения от наказания (ст. 80¹ УК РФ), условного осуждения (ст. 73 УК РФ), использования специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания (примечания к ст. 122, 126, 127.1, 204, 205, 205.1, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 282.1, 282.2, 291, 307 УК РФ), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замены неотбытой части наказания более мягким видом нака-

зания (ст. 80 УК РФ), амнистии (ст. 84 УК РФ), помилования (ст. 85 УК РФ), других оснований индивидуализации наказания.

Сбалансированность применения карательных и исправительных мер к осужденным обусловлена необходимостью удержания граждан от совершения преступлений путем установления относительно строгих санкций, специальных процедур исполнения наказаний, в рамках которых не только обеспечиваются права и законные интересы осужденных, но и реализуются средства принуждения по стимулированию правопослушного поведения (меры поощрения и взыскания, изменение вида исправительного учреждения, замена наказания в порядке пресечения злостного уклонения от его отбывания).

Особое место среди форм реализации уголовной ответственности занимает институт условного осуждения (ст. 73 УК РФ). Применить условное осуждение возможно к осужденным, которым назначено конкретное наказание с учетом всех требований, касающихся индивидуализации уголовной ответственности в досудебной и судебных стадиях до назначения наказания и индивидуализации наказания в процедуре его назначения.

Следует отметить, что, регламентируя механизм реализации условного осуждения, законодатель в полной мере не определил характер учета степени общественной опасности совершенного преступления для ограничения применения данного института. Существует лишь указание на строгость назначенного наказания в виде лишения свободы сроком не более восьми лет. По-

этому судам дано право устанавливать по своему усмотрению возможность применения условного осуждения за тяжкие и особо тяжкие виды преступлений.

Анализ нормы ч. 2 ст. 73 УК РФ показывает, что она ориентирует суды на повторный учет при назначении условного осуждения требований общих начал назначения наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Думается, правовое выражение оснований и процедуры применения условного осуждения должно быть несколько иным и больше сочетаться с общими оценочными характеристиками личности осужденного, предопределяющими как в целом характер уголовной ответственности, выбор назначенного наказания, так и возможность использования данной меры уголовно-правового характера.

В целом же институт условного осуждения является важной и востребованной формой реализации уголовной ответственности. Будучи неотъемлемым видом государственного принуждения, сопряженным с применением наказания, оно имеет и самостоятельное уголовно-правовое и уголовно-исполнительное значение. Поэтому задача правовой науки состоит в том, чтобы дать наиболее полный анализ всех аспектов применения и исполнения условного осуждения, дабы оно стало не только достаточно понятным для общества, осужденных и судейского корпуса, но и эффективным, обеспечивающим единство и последовательность уголовной и уголовно-исполнительной политики, а также четко выверенную и предсказуемую судебную практику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 312, 313, 320, 339.

² См.: Письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.02.2010 г. № СД-1/123 «О предоставлении статистических сведений в отношении условно осужденных».

³ См.: Письмо из Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.02.2010 г. № СД-1/123 «О предоставлении статистических сведений о количестве осужденных, совершивших преступления в период отбывания условного наказания»; Письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.02.2010 г. № СД-1/123 «О предоставлении статистических сведений в отношении условно осужденных».

⁴ Там же.

⁵ См.: Письмо ФСИН России от 31.08.2009 г. № 1126 «Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 1 полугодии 2009 года». С. 4–5.

⁶ См.: Там же. С. 6.

⁷ См.: Гельфер М. Условное осуждение в СССР // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. С. 42; Карпец И.И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. С. 27; Ривман Д.В. О юридической природе условного осуждения и участии общественности в перевоспитании условно осужденных // Вестник Ленинградского университета. Сер. экономики, философии и права. 1965. Вып. 4. № 23. С. 143–144; Суховеев А.С. Институт условного осуждения в Российской Федерации: тенденции и прогноз развития. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 10.

¹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 312, 313, 320, 339.

² См.: Письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.02.2010 г. № СД-1/123 «О предоставлении статистических сведений в отношении условно осужденных».

³ См.: Письмо из Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.02.2010 г. № СД-1/123 «О предоставлении статистических сведений о количестве осужденных, совершивших преступления в период отбывания условного наказания»; Письмо Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 09.02.2010 г. № СД-1/123 «О предоставлении статистических сведений в отношении условно осужденных».

⁴ Там же.

⁵ См.: Письмо ФСИН России от 31.08.2009 г. № 1126 «Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 1 полугодии 2009 года». С. 4–5.

⁶ См.: Там же. С. 6.

⁷ См.: Гельфер М. Условное осуждение в СССР // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. С. 42; Карпец И.И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. С. 27; Ривман Д.В. О юридической природе условного осуждения и участии общественности в перевоспитании условно осужденных // Вестник Ленинградского университета. Сер. экономики, философии и права. 1965. Вып. 4. № 23. С. 143–144; Суховеев А.С. Институт условного осуждения в Российской Федерации: тенденции и прогноз развития. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 10.

Субъективные признаки составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконную добычу водных животных

Ж.Б. ИВАНОВА – заведующая кафедрой Коми республиканской Академии государственной службы и управления, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются субъект и субъективная сторона незаконной охоты, добычи водных животных и рыбных ресурсов; проблемы квалификации преступлений такого рода и спорные вопросы, возникающие в следственно-судебной практике; доктринальные идеи развития природоохранного законодательства на современном этапе развития уголовного права.

Ключевые слова: благоприятная природная среда; экологическая безопасность; субъект; субъективная сторона; состав преступления; квалификация преступлений; браконьерство; естественная свобода.

Subjective signs of structures of the crimes providing responsibility for illegal extraction of water animals

J.B. IVANOVA – chief of the chair of Komi Republic Academy of state and management Candidate of Law, assistant professor

In article are considered the subject and the subjective party of illegal hunting, extraction of water animal and fish resources; problems of qualification of considered crimes and the questions at issue arising in it is investigatory-judiciary practice; genial's ideas for a development of the nature protection legislation at the present stage of development of criminal law.

Key words: favorable environment; ecological safety; person; the subjective party; crime structure; qualification of crimes; the poaching; natural freedom.

Согласно ст. 256, 258 УК РФ субъектом преступлений может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. В научной литературе высказывались мнения о необходимости снижения возраста уголовной ответственности за экологические преступления. Нам такая позиция представляется неубедительной: деяния, совершаемые подростками в области незаконной охоты и добычи водных животных, в редких случаях обладают достаточной степенью общественной опасности ввиду отсутствия необходимых навыков, специального транспорта, дорогостоящих средств и орудий; усложненность процесса участия в криминальном бизнесе в свою очередь сказывается на стремлении к совершению преступления. И.В. Лавыгина указывает, что практика применения уголовного закона в области охраны природы не подтверждает необходимости снижения возраста уголовной ответственности¹.

Не нашла поддержки и идея введения института уголовной ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений. Профессор А.М. Плешаков замечает, что «реализация научной идеи об установлении уголовной ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений связана с пересмотром всей концепции отечественного уголовного права и, в частности, общей теории учения о преступлении, о формах вины, соучастии, принципе субъективного вменения и т.п.»².

Преступления, предусмотренные ст. 256, 258 УК РФ, могут быть совершены и специальным субъектом, раскрывая природу которого в указанных статьях, законодатель определил признак, по классификации Р. Орымбаева, указывающий на должностное положение, характер выполняемой работы, профессию лица³. При этом использование субъектом своего служебного положения, предусмотренное в ч. 3 ст. 256

и ч. 2 ст. 258 УК РФ, является квалифицирующим признаком. Обозначение данной проблемы оправданно, ибо степень общественной опасности браконьерства, совершенного специальным субъектом, несравненно более высока.

Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» ответственность за преступления, совершенные с использованием служебного положения, по ст. 256 и 258 УК РФ предусматривается, когда виновным признается должностное лицо государственного предприятия, учреждения, организации или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации при наличии в действиях признаков злоупотребления должностными полномочиями или полномочиями лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Таким образом, специальным субъектом в данном случае может быть как должностное лицо, так и лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. В научной литературе дана подробная характеристика только первой группы специальных субъектов должностных лиц, об уголовно значимых признаках представителей второй группы речь идет далее⁴.

Что касается представителей власти, то тут, как указывает Ю.Н. Ерофеев, опасность заключается в возможности противодействия со стороны браконьеров, занимающих ответственные должности. Уличенные в браконьерстве, они нередко идут на злоупотребление служебным положением, пускают в ход все свои связи, стремясь опорочить инспектора⁵. Преступления, предусмотренные ст. 256 и 258 УК РФ, совершаемые должностными лицами, согласно разработанной в науке уголовного права классификации⁶ выделяются в группу с условным названием «альтернативно-должностные преступления».

Специальный субъект преступления (должностное лицо) будет признан таковым при условии, что браконьерство совершено с использованием служебного положения. С.А. Данилюк, В.Н. Суханов, С.П. Щерба предлагают следующую классификацию должностных лиц: должностные лица, в обязанности которых входит охрана животного мира (егери, рыбинспекторы и т.д.); должностные лица, функции которых не связаны

с охраной природы, однако они обладают полномочиями в отношении природоохранительных органов (главы администраций, начальники управлений Минсельхоза и т.д.) либо возможностями, облегчающими совершение браконьерства (наличие автотранспорта повышенной проходимости)⁷. Использование служебного положения должностным лицом при осуществлении незаконной добычи водных животных в научной литературе детальной разработки пока не имеет и следственно-судебной практикой не воспринято. Считаем, что характеристики данного признака должны совпадать с характеристиками субъекта ст. 201 УК РФ.

Как отмечает А.С. Курманов, для соблюдения принципа социальной справедливости следует отменить ч. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические преступления» и квалифицировать по совокупности деяния, предусмотренные ст. 256, 258, 285 или ст. 286, 201 УК РФ. Нарушение принципа социальной справедливости происходит в сфере явного несоответствия видов и размеров наказаний: например, санкция ч. 1 ст. 285 УК РФ предусматривает наказание до 4 лет лишения свободы, а ч. 2 ст. 258 УК РФ – до 2 лет лишения свободы. Такое положение дел позволяет коррумпированным охранникам живой природы избегать строгих наказаний⁸. Субъективная сторона – наименее изученный элемент составов преступлений, предусмотренных ст. 256 и 258 УК РФ. Незаконная охота и добыча водных животных действующим уголовным законом признаются преступлением лишь при умышленной форме вины.

Устоявшаяся судебная практика исходит из того, что лицу достаточно только в общих чертах осознавать, что совершаемое им действие (бездействие) причиняет вред личности, собственности, общественному порядку и другим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Понимание противоправности совершаемого деяния законодатель не включает в число признаков умышленной вины, оно не входит в содержание умысла и доказыванию при установлении вины не подлежит. Но в то же время о правозначимом осознании общественной опасности действия (бездействия) можно говорить только в том случае, если это предусмотрено законом, так как достаточно много общественно опасных

деяний не признаны законодателем преступлениями⁹.

Правоприменитель презюмирует осознание лицом не только общественной опасности, но и противоправности совершаемых им деяний. В реальной жизни такое осознание формируется в процессе социализации личности, приобретения жизненного опыта, получения образования и т.д. Как правило, сложностей не возникает в связи с традиционными общеуголовными деяниями: убийствами, изнасилованиями, кражами, грабежами. Но в случаях с деяниями, предусмотренными в ст. 256 и 258 УК РФ, именуемыми преступлениями со смешанной противоправностью¹⁰, все не так ясно. Учитывая бланкетный характер диспозиций указанных норм лицо наряду с уголовно-правовой противоправностью должно осознать нарушение административных правил, иначе возможно объективное вменение. Как отмечает Н.И. Пикуров, «взаимосвязь административно-правовой и уголовно-правовой квалификации нарушений специальных правил обуславливает необходимость установления всех признаков состава административного правонарушения, в том числе и признаков субъективной стороны»¹¹. Проблема заключается в том, что правила охоты и рыбной ловли разрабатываются отдельно для каждого региона, часто регламентируются и уточняются различными инструкциями, которые не кодифицированы и нередко противоречат друг другу, поэтому нарушить их можно легко.

Теория и судебная практика различают умысел определенный (конкретизированный), неопределенный (неконкретизированный) и альтернативный. Совершение незаконной добычи рыб и водных животных возможно с любой из перечисленных разновидностей умысла. Естественно, в первую очередь, это выражается через отношение к наступлению возможных последствий. В большей части исследованных нами уголовных дел присутствует конкретизированный умысел, при котором субъектом достоверно осознаются объективные признаки преступления, связанные с крупным ущербом.

Следственно-судебная практика обнаруживает, что много случаев браконьерства совершается с неконкретизированными и альтернативными видами умысла. Так, выхватив в ночное время суток светом прожектора светящиеся глаза животного и совершив несколько выстрелов в соответствующем направлении, браконьер в равной

мере предвидит и сознательно допускает (или даже желает) уголовно наказуемую добычу водного животного, а в случае промаха недобычу животного вообще. Содеянное квалифицируется по фактически наступившим последствиям, если субъект допускал любой из перечисленных вариантов. Считаем, что эта точка зрения приемлема только в случаях, когда лицом осознавался лишь вред вообще, в остальных ситуациях предвзятая позиция уязвима¹².

Сложность заключается в том, что при незаконной добыче водных животных ущерб природе как таковой не всегда возможно установить. Негативные последствия заключаются в выбывании из природной среды какого-либо животного, но если его туша не была обнаружена браконьерами, другими охотниками или егерями, то, с позиции теории ответственности, за фактически причиненные последствия субъект уголовной ответственности не несет, хотя реально вред животному миру может быть нанесен (гибель животного от ран через несколько суток, когда оно успело удалиться от места трагедии на определенное расстояние).

Кроме того, ответственность за умышленное преступление должна строиться в соответствии с содержанием и направленностью умысла. Квалификация по фактически наступившим последствиям вызывает затруднения при ненаступлении никаких преступных последствий и наступлении последствий значительно меньших, чем предполагалось, например при альтернативном умысле. В данном случае более правильно будет определить общественную опасность деяния наиболее тяжелым объективно возможным и отражавшимся в сознании субъекта последствием, и эта общественная опасность должна быть отражена в квалификации преступления¹³.

Отсутствует ясность и в вопросах неконкретизированности умысла по отношению к месту добычи или, скажем, предмету при формальных составах преступлений. Например, если лицу безразлично, где охотиться (на территории заповедника или нет), а задержано оно вне границ охраняемой зоны осуществляющим выслеживание, вряд ли будет правильным привлекать его к уголовной ответственности, хотя его умыслом и охватывалась такая возможность. Другие разновидности умысла: заранее обдуманной, внезапно возникшей, аффективной, общей и специальной – существенного значения при анализе субъектив-

ной стороны рассматриваемых составов не имеют¹⁴.

Невозможность совершения преступлений, предусмотренных ст. 256 и 258 УК РФ, с неосторожной формой вины признается большинством ученых¹⁵. Основной выдвигаемый ими в пользу данной позиции аргумент – это недостижение при неосторожности той степени общественной опасности, которая служила бы основанием рассмотрения деяния как преступления¹⁶. Однако данное утверждение, по мнению ряда авторов, неубедительно, согласиться с ним можно только при условии закрепления уголовно-правовой репрессии за неосторожные посягательства на животный мир в иной статье Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁷.

Большое количество животных гибнет при нарушении правил проектирования и строительства дорог, водоканалов, промышленных объектов, правил хранения и применения ядохимикатов в сельском хозяйстве, несоблюдении водителями правил дорожного движения. В этот же ряд деяний можно поставить причинение по неосторожности вреда животному миру при незаконной охоте и добыче водных животных. Количество уничтожаемых по неосторожности особей огромно, и вред от данных деяний довольно значителен. Человеческая безалаберность может привести к непоправимым последствиям. Поэтому в Уголовном кодексе Российской Федерации должна быть включена отдельная статья, предусматривающая ответственность за причинение вреда животному миру по неосторожности.

Основанием применения наказания предлагается считать наступление особо крупного ущерба. Полагаем, что не должны остаться без уголовно-правовой оценки действия лица, уничтожившего при незаконной охоте или добыче водных животных по неосторожности редчайшего представителя фауны или огромное количество охраняемых особей. Учитывая объективную сторону ст. 256 и 258 УК РФ, случаи совершения данных видов преступлений только по неосторожности довольно редки. Но если ущерб от деяния определен как особо крупный, оно требует уголовно-правовой оценки. Если анализируемая статья будет носить объединяющий характер применительно к неосторожным составам преступлений против животного мира, перспектива стать мертворожденной ей не грозит. Особо крупный ущерб должен стать критерием, отделяющим преступное неосторожное деяние от непроступного.

Перспективным направлением развития ответственности за неосторожное причинение вреда животному миру могут выступить двойная или смешанная формы вины. Двойная форма вины характеризуется двумя общественно опасными последствиями (причем каждое из этих последствий предусмотрено диспозицией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации), при условии что психическое отношение лица к первому (первичному, главному, базовому) последствию выступает в форме умысла, а ко второму (вторичному, производному от первичного, дополняющему его) – в форме неосторожности. Следовательно, в результате умышленного преступления наступаютотягчающие обстоятельства, по отношению к которым вина лица выступает в форме неосторожности. Такие ситуации довольно часты на практике. Например, лицо умышленно охотится на территории заповедника, но по неосторожности причиняет крупный или особо крупный ущерб. В соответствии с действующим законодательством наступившие последствия не будут вменяться в вину исполнителю. Если криминализовать только браконьерство по неосторожности, то двойная форма вины – это оптимальный вариант.

Если конструировать статью для нескольких способов причинения вреда животному миру, то за основу следует брать смешанную форму вины: в отличие от преступлений с двойной формой вины в данном случае преступление признается в целом совершенным по неосторожности. Вина, по отношению к первичному последствию (созданию опасности причинения вреда) хотя и умышленная, но взятая безотносительно к неосторожной вине по отношению к вторичному последствию (причинению вреда), характеризует не преступление, а, скажем, административное правонарушение. В итоге получаем статью с бланкетной диспозицией (аналог ныне действующих ст. 256 и 258 УК РФ, изменится только отношение к последствиям в виде крупного или особо крупного ущерба), где будут содержаться ссылки на различные правила, приказы, законы и т.д., при нарушении которых могут возникнуть указанные последствия.

Факультативные признаки субъективной стороны незаконной добычи водных животных (мотив, цель, эмоции) основной частью авторов, занимавшихся данной проблематикой, не исследуются вообще. Некоторые криминалисты не относят их к конструктив-

ным признакам указанных составов преступлений¹⁸. Мотив, цель становятся обязательными только тогда, когда в диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении их имеется прямое указание, чего нет в ст. 256 УК РФ. При этом не нужно забывать о бланкетном характере диспозиций указанных статей¹⁹.

Доказывание цели добычи необходимо, если лицо задержано на стадии преступной деятельности, ей предшествующей: именно по данному признаку субъективной стороны преступная охота или ловля рыбы будут отличаться от фотоохоты. По нашему мнению, для констатации вины лица, занимавшегося браконьерством, даже при формальном составе необходимо доказывание цели изъятия животных из природной среды.

Браконьерство может осуществляться как в одиночку, так и целыми командами, бригадами и даже нелегальными организациями. Огромные экономические выгоды теневого бизнеса в данной сфере, особенно продажа икры, рыбы ценных пород, иных разновидностей морепродуктов и пушнины, позволяют преступникам вовлекать в свою сеть все новых и новых людей. Происходит это на стадиях как добычи и переработки, так и сбыта браконьерской продукции. Нередко в таких преступлениях принимают участие лица, обязанные по роду своей деятельности охранять животный мир. Браконьеры, не состоящие в преступных организациях, но совершающие рассматриваемые деяния в составе группы, приносят природе не меньший вред. Важность разработки данной проблемы обусловлена и тем, что культивируемые в настоящее время виды охот и рыболовства нередко предполагают совместное участие нескольких лиц.

Законодатель, осознавая повышенную общественную опасность и распространенность незаконной охоты и добычи водных животных при соучастии, предусмотрел в ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве квалифицирующих обстоятельств ст. 256 и 258 совершение преступлений группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. По результатам проведенного исследования вынесенных судами первой инстанции приговоров, такие преступления составляют 53,7% от общего числа случаев браконьерства²⁰.

Реальная цифра допущенных преступлений, конечно, выше даже среди выявленных деяний, но сложности в дифференциации

группы лиц и группы лиц по предварительному сговору, а также преступлений, совершаемых в соучастии и индивидуально, в отграничении незаконной охоты и добычи водных животных от прикосновенности к браконьерству на практике не позволяют дать объективную оценку совершаемых деяний. Так, В. Малкова и А. Шалимова утверждают, что 75% от общего количества преступлений (незаконной охоты) совершаются двумя и более лицами²¹. Разъяснений по вопросам соучастия в преступлениях, предусмотренных ст. 256 и 258 УК РФ, не содержит ни постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ни специальная литература.

Квалификация группового способа незаконной охоты и добычи водных животных имеет специфические особенности. Как известно, данные преступления объединяют формальный (усеченный) и материальный составы. Проблемы соучастия актуальны и для тех, и для других, но по содержанию они различны, как, разумеется, и рекомендации по их устранению. Рассмотрим вначале соучастие в формальных составах. В них законодатель не требует для квалификации содеянного наступления какого-либо последствия, поэтому нет необходимости в установлении причинно-следственной связи между деянием конкретного лица и причинением ущерба, в нашем случае крупного.

При квалификации соисполнительства браконьеров достаточно выявить признаки соучастия, выработанные общей теорией уголовного права. Во-первых, это участие двух и более лиц, способных нести уголовную ответственность. Особых проблем данный признак при установлении не вызывает, и в исследованных нами приговорах и проведенных опросах не обнаружено ни одного связанного с ним затруднения. Во-вторых, совместность и согласованность действий. Для этого соисполнители должны так или иначе выполнять объективную сторону составов преступлений, предусмотренных ст. 256 и 258 УК РФ. Например, при совместной охоте на территории заповедника ее участники должны не просто продвигаться по лесу с целью производства выстрелов в любое случайно появившееся животное, а объединить свои усилия на получение преступного результата²². При этом каждый из соучастников, являясь исполнителем, должен преследовать или добывать животных. Совместность действий в формальном составе заключается в стремлении к единому для всех результату или единым, допускае-

мым всеми преступным способом, орудиями, средствами, или в отношении определенных животных (занесенных в Красную книгу), или в определенном месте. Соучастие будет иметь место и в случае, если только один из соисполнителей выполняет конкретизирующий признак, обуславливающий преступность деяния, а остальные дают на это согласие.

При соучастии у соисполнителей должен быть умысел на совместное совершение преступления. При соучастии в формальных составах, предусмотренных ст. 256 и 258 УК РФ, с разделением ролей существенно меняется признак совместности действий. Для организатора, подстрекателя и пособника он обуславливается причинной связью с совершенным исполнителем преступлением. При этом важной особенностью рассматриваемых составов преступлений является то, что дифференциацию простого соисполнения и соучастия с разделением ролей следует производить по объективной стороне незаконной добычи водных животных. Иными словами, необходимо проверить, выполнял ли соучастник действия (бездействие), предусмотренные понятием «добыча», или нет.

Затруднения вызывает терминологическая размытость. В квалификации сложного соучастия при формальном составе браконьерства проблематично определение действий пособников, так как они могут быть идентичны и для уголовно наказуемого деяния, и для административного проступка, поэтому при оценке участия необходимо устанавливать направленность умысла. Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» заранее обещанное приобретение добытой заведомо преступным путем продукции либо систематическое приобретение ее от одного и того же правонарушителя лицом, которое сознавало, что своими действиями дает возможность правонарушителю рассчитывать на содействие в сбыте этой продукции, должно квалифицироваться как соучастие в преступлении в форме пособничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лавыгина И.В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 16.

² Плешаков А.М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями (теоретический и прикладной аспекты): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 18.

Формальный состав преступления может реализовать как группа лиц без предварительного сговора, так и как группа лиц по предварительному сговору, а также организованная группа лиц, поэтому совместность действий всех участников заключается в едином для них результате и наличии причинной связи между действиями каждого соучастника и наступившими последствиями. Оговоримся, что соучастие в таких составах преступлений возможно, как и в формальных составах, до момента фактического окончания преступления, а не юридического. Главной проблемой в материальных составах браконьерства при соучастии как раз и является часто невозможность установления причинно-следственной связи в привычном ее понимании между действиями всех соучастников и наступившими последствиями, ведь при ее отсутствии привлечь соучастников к уголовной ответственности чрезвычайно трудно. В.Б. Малинин считает позицию об обязательном существовании причинной связи при соучастии непоколебимой²³.

При расследовании уголовных дел с признаками сложного соучастия при незаконной добыче водных животных затруднена квалификация преступного бездействия должностных лиц, вступивших в сговор с браконьерами. Представляется, что между деянием должностных лиц и действием исполнителей также необходимо устанавливать обуславливающе-опосредованную связь, поскольку именно бездействие чиновников является условием успешного совершения преступления браконьерами. Д.А. Безбородов утверждает, что пассивный соучастник может рассматриваться исключительно как пособник и не более того²⁴.

В заключение заметим, что охраняемыми дикими животными в настоящей статье признаются животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, перечисленные в территориальном кадастре и имеющие положительную таксовую стоимость. Попутно подчеркнем, что лицо, добровольно вернувшее в состояние естественной свободы охраняемых диких животных, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

¹ См.: Lavygina I.V. Jekologicheskie prestuplenija: ugovolno-pravovaja harakteristika i problemy otvetstvennosti: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2002. S. 16.

² Pleshakov A.M. Ugolovno pravovaja bor'ba s jekologicheskimi prestuplenijami (teoreticheskij i prikladnoj aspekty): Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1994. S. 18.

³ См.: Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб., 2001. С. 200.

⁴ См.: Курманов А.С. Незаконная охота: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 107.

⁵ См.: Ерофеев Ю.Н. Эффективность уголовной ответственности за незаконную охоту // Проблемы борьбы с преступностью и пути развития уголовного законодательства: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1984. С. 73.

⁶ См.: Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятия и классификация. М., 1994. С. 53.

⁷ См.: Данилюк С.А., Суханов В.Н., Щерба С.Н. Расследование дел о незаконной охоте. М., 1990. С. 19.

⁸ См.: Курманов А.С. Незаконная охота: Уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 109.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Пикуров Н.И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией. Волгоград, 1985. С. 10.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² См.: Курманов А.С. Незаконная охота: Уголовно-правовые и криминологические аспекты. С. 115.

¹³ См.: Там же. С. 116.

¹⁴ См.: Там же. С. 117.

¹⁵ См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М. 2000. С. 327.

¹⁶ См., напр.: Богомягков Ю.С. Уголовно-правовая охрана животного мира. Тюмень, 1990. С. 22.

¹⁷ См.: Храмов В. Письма читателей // Охота и охотничье хозяйство. 2002. № 12. С. 42.

¹⁸ См.: Курманов А.С. Незаконная охота: Уголовно-правовые и криминологические аспекты. С. 119.

¹⁹ См.: Богомягков Ю.С. Уголовно-правовая охрана животного мира. С. 22.

²⁰ См.: Курманов А.С. Незаконная охота: Уголовно-правовые и криминологические аспекты. С. 122.

²¹ См.: Плешаков А.М. Ответственность за экологические преступления, совершенные группой лиц // Проблемы совершенствования законодательства, регулирующего деятельность ОВД. М., 1991. С. 36–37.

²² См.: Российское уголовное право: Курс лекций / Под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 1. Преступление. С. 497.

²³ См.: Калинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 171.

²⁴ См.: Безбородов Д.А. Виды соучастников преступления: Лекция. Тюмень, 2001. С. 8.

³ См.: Pavlov V.G. Sub'ekt prestuplenija. SPb., 2001. S. 200.

⁴ См.: Kurmanov A.S. Nezakonnaja ohota: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: Dis. ... kand. jurid. nauk. Cheljabinsk, 2002. S. 107.

⁵ См.: Erofeev Ju.N. Jeffektivnost' ugovolnoj otvetstvennosti za nezakonnuju ohotu // Problemy bor'by s prestupnost'ju i puti razvitija ugovolnogo zakonodatel'stva: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Sverdlovsk, 1984. S. 73.

⁶ См.: Zdravomyslov B.V. Dolzhnostnye prestuplenija. Ponjatija i klassifikacija. M., 1994. S. 53.

⁷ См.: Daniljuk S.A., Suhanov V.N., Werba S.N. Rassledovanie del o nezakonnoj ohote. M., 1990. S. 19.

⁸ См.: Kurmanov A.S. Nezakonnaja ohota: Ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: Dis. ... kand. jurid. nauk. Cheljabinsk, 2002. S. 109.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Pikurov N.I. Primenenie sledovatelem ugovolno-pravovyh norm s blanketnoj dispoziciej. Volgograd, 1985. S. 10.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² См.: Kurmanov A.S. Nezakonnaja ohota: Ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. S. 115.

¹³ См.: Там же. С. 116.

¹⁴ См.: Там же. С. 117.

¹⁵ См., напр.: Ugovolnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaja chast'. / Pod red. B.V. Zdravomyslova. M. 2000. S. 327.

¹⁶ См., напр.: Bogomjagkov Ju.S. Ugovolno-pravovaja ohrana zhivotnogo mira. Tjumen', 1990. S. 22.

¹⁷ См.: Hramcov V. Pis'ma chitatelej // Ohota i ohotnich'e hozjajstvo. 2002. № 12. S. 42.

¹⁸ См.: Kurmanov A.S. Nezakonnaja ohota: Ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. S. 119.

¹⁹ См.: Bogomjagkov Ju.S. Ugovolno-pravovaja ohrana zhivotnogo mira. S. 22.

²⁰ См.: Kurmanov A.S. Nezakonnaja ohota: Ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. S. 122.

²¹ См.: Pleshakov A.M. Otvetstvennost' za jekologicheskie prestuplenija, sovershennye gruppoj lic // Problemy sovershenstvovanija zakonodatel'stva, regulirujuwego dejatel'nost' OVD. M., 1991. S. 36–37.

²² См.: Rossijskoe ugovolnoe pravo: Kurs lekcij / Pod. red. prof. A.I. Korobeeva. Vladivostok, 1999. T. 1. Prestuplenie. S. 497.

²³ См.: Malinin V.B. Prichinnaja svjaz' v ugovolnom prave. SPb., 2000. S. 171.

²⁴ См.: Bezborodov D.A. Vidy souchastnikov prestuplenija: Lekcija. Tjumen', 2001. S. 8.

Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте

П.В. ГОЛОДОВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются проблемы применения системы стимулирования осужденных к законопослушному поведению (системы «социального лифта») в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Излагаются принципы построения и анализируются основные компоненты данной системы применительно к решению задач социализации осужденных.

Ключевые слова: социальный лифт; несовершеннолетний осужденный; воспитательная колония; воспитательный центр; мотивирование; стимулы; законопослушное поведение; социализация.

The issues of «social elevator system» enforcement among young juveniles in penal institutions

P.V. GOLODOV – the Office of Science Management Chief, the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, Cand. Sc. (Law), associate professor

The article deals with the issues of the incentives system application for juvenile offenders' law-abiding behavior («social elevator») in correctional institutions. The building-up principles and main elements of the system for the purpose of prisoners' socialization are considered.

Key words: social elevator; juvenile offender; juvenile correctional facility; juvenile correctional center; motivation; stimuli; orderliness; socialization.

Проводимая на современном этапе уголовно-исполнительная политика направлена на гуманизацию исполнения наказания. Ее цель – изменение концепции исправительного учреждения, преобразование его в эффективную реабилитационную систему. Достижение искомого результата во многом связано с совершенствованием системы стимулирования осужденных к законопослушному поведению в условиях исправительного учреждения, а также с формированием у них мотивов к позитивному социально активному и ответственному поведению в обществе после освобождения.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в сфере социальной, психологи-

ческой и воспитательной работы с осужденными предусматривает создание «справедливой и эффективной системы стимулов осужденных к законопослушному поведению, включая совершенствование порядка замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, обновление механизма условно-досрочного освобождения, учитывающего при его применении в отношении осужденного тяжесть совершенного преступления, отбытый срок наказания, рецидив преступления и возмещение ущерба потерпевшим»¹.

В целях реализации данного положения концепции Федеральной службой исполнения наказаний были разработаны методические рекомендации по использованию

системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России в условиях действующего законодательства². В них система «социальных лифтов» определяется как «механизм изменения условий отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочного освобождения посредством оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденных с помощью определенных критериев». Целями применения данной системы являются социализация осужденного, профилактика рецидивной преступности и создание условий для позитивного формирования личности. Следовательно, смысл системы «социального лифта» здесь определен более широко, нежели только стимулирование осужденных к законопослушному поведению. Она также направлена на приращение социальной личности осужденного, формирование внутренней мотивации к позитивному социально активному и ответственному поведению в обществе.

Однако возможности достижения указанной цели в настоящее время существенно ограничены, поскольку использование системы «социального лифта» предлагается в условиях действующего законодательства и в отсутствие целостного эффективно действующего механизма постпенитенциарной реабилитации и адаптации лиц, отбывших лишение свободы. Кроме того, приведенное в методических рекомендациях определение системы «социального лифта», на наш взгляд, не в полной мере отражает ее цель. Приходится констатировать, что изменению и описанию подверглись лишь критерии оценки осужденных, условия их перехода с одного уровня «социального лифта» на другой, а не сами эти уровни. Научное обоснование уже внедряемой повсеместно системы, ее уровней и других элементов в настоящее время отсутствует. В связи с этим требуются более тщательная проработка ее содержательной части, описание и последующая юридическая институализация.

Представляется, что существующие в действующем законодательстве и уголовно-исполнительной практике отдельные элементы, связанные с применением «социального лифта», не образуют целостной и последовательной системы. Так, согласно модели воспитательного центра перевод осужденного в льготные условия отбывания наказания (реабилитационный центр) возможен не ранее, чем за шесть месяцев до наступления срока условно-досрочного ос-

вобождения или окончания срока наказания, что не позволяет, по нашему мнению, говорить о данном виде условий отбывания наказания как о полноценном элементе (уровне) системы «социального лифта», стимулирующем законопослушное поведение осужденного³. Его цель состоит главным образом в подготовке осужденного к освобождению.

То же самое можно сказать и об институте передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения (ст. 96 УИК РФ), применение которого обуславливается характером выполняемой ими работы и рассматривается в первую очередь как способ обеспечения производственно-хозяйственной деятельности исправительного учреждения за его пределами. Вместе с тем бесконвойное передвижение должно стать, по нашему мнению, одним из этапов прогрессивной системы исполнения наказания, элементом системы «социального лифта», важным средством социальной адаптации и ресоциализации осужденного, стимулирования его законопослушного поведения.

Не решают обозначенную проблему и установленные уголовно-исполнительным законодательством регламентированные выходы (выезды) осужденных к лишению свободы за пределы воспитательной колонии (ст. 97, 134 УИК РФ), поскольку они представляют собой разовые меры, применяемые к осужденному вне прямой зависимости от уровня его социализации (в связи с исключительными личными обстоятельствами, необходимостью предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства после освобождения, на время ежегодного оплачиваемого отпуска либо в качестве меры поощрения за хорошее поведение, добросовестное отношение к труду и учебе, активное участие в работе самостоятельных организаций осужденных и воспитательных мероприятиях). Передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения, а также продолжительность выходов за пределы воспитательной колонии устанавливаются начальником исправительного учреждения и не требуют комиссионной оценки личности и поведения осужденного (п. 3 ст. 96, п. 3 ст. 135 УИК РФ).

Отсутствует логика и однозначность и в построении самой системы «социального лифта», конструировании ее основных элементов. Например, в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством предоставление осужденным к лишению свободы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания возможно

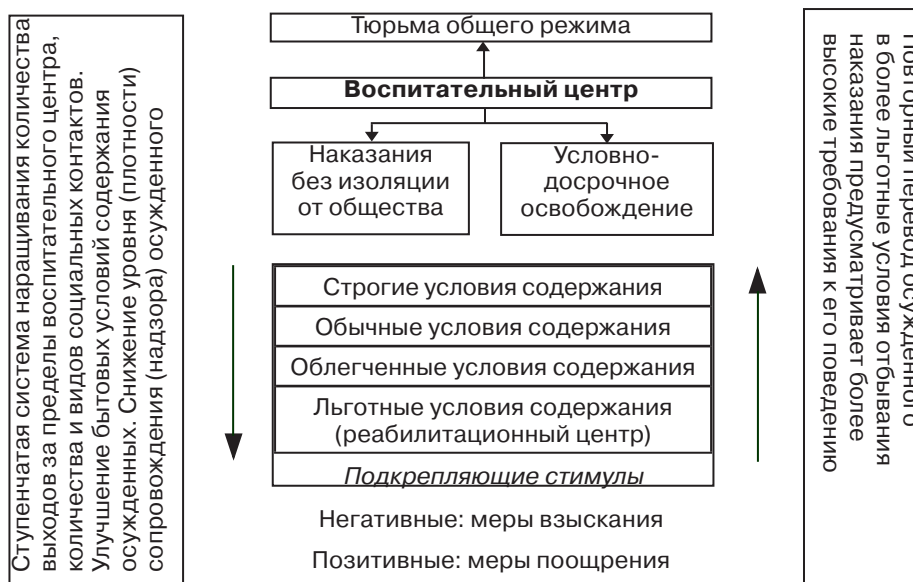
независимо от условий отбывания наказания, в которых они находятся. Представляется, что на условно-досрочное освобождение должны претендовать только те осужденные, которые находятся на верхнем уровне пенитенциарного этапа «социального лифта», то есть в наиболее льготных (открытых) условиях отбывания наказания (в воспитательном центре – льготные условия). То же самое условие, по нашему мнению, должно удовлетворяться при решении вопроса о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания.

В качестве другого примера можно привести тот факт, что согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству минимальные сроки, установленные для нахождения осужденного на определенном виде условий отбывания наказания, практически не зависят от его поведения в воспитательной колонии. Такие различия определены лишь для осужденных, впервые отбывающих лишение свободы и ранее отбывавших данный вид наказания (п. 4 ст. 132 УИК РФ), а также в отношении лиц, отбывающих наказание в льготных условиях и признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, при решении вопроса об их повторном переводе из облегченных условий в льготные (п. 8 ст. 132 УИК РФ).

Лишение свободы особенно негативно сказывается на уровне социального раз-

вития несовершеннолетних осужденных, поскольку именно в раннем возрасте идет активное усвоение основ социального поведения, формируются механизмы внутреннего контроля, складываются навыки разрешения различного рода проблем. К сожалению, исправительные системы (не только в нашей стране) больше полагаются на внешний контроль, который не влияет на внутренние установки человека и не решает полностью задачу ресоциализации осужденных⁴.

Как показало проведенное нами исследование, внедрение в деятельность исправительных учреждений для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, системы «социального лифта» сопровождается рядом содержательных и организационно-правовых проблем. Во многом это связано с тем, что система «социального лифта», представленная правовыми основаниями и критериями поведения осужденных, учитываемыми при решении вопросов их перевода с одних условий отбывания наказания на другие, условно-досрочного освобождения, изменения вида исправительного учреждения или замены неотбытой части наказания более мягким, по сути, является формальной, пассивной и не обеспечивает в полной мере успешной ресоциализации несовершеннолетнего осужденного. Наше видение пассивного компонента системы «социального лифта» представлено на рис. 1.

Решение о переводе осужденных из одних условий отбывания наказания в другие принимается комиссионно (в отношении осужденных за особо тяжкие преступления – внешней комиссией с участием прокурора, представителей общественной наблюдательной комиссии; в остальных случаях – внутренней комиссией). Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочное освобождение реализуются судом только в отношении осужденных, содержащихся на льготных условиях отбывания наказания.

Рис. 1. Система «социального лифта» в воспитательном центре (пассивный компонент)

Учитывая негативные характеристики лиц, отбывающих в настоящее время наказания в воспитательных колониях⁵, можно предположить, что многие из них склонны приспосабливаться к существующим там условиям и требованиям внутреннего распорядка, а потому постараются использовать возможности системы «социального лифта» в целях улучшения своего положения, получения дополнительных прав и привилегий, не стремясь при этом к реальным позитивным изменениям в социальном и личностном плане. Существует и другая сторона этой проблемы: искреннее стремление части осужденных к исправлению, создание для них улучшенных условий содержания может привести к тому, что будет приведен в действие другой, альтернативный официальному, неформальный «социальный лифт», и положение данных осужденных в общем коллективе значительно ухудшится, особенно если они вернуться обратно на более низкий уровень официального «социального лифта». Это обусловлено прежде всего тем, что функционирование неформального «социального лифта», основанного на стратификации осужденных по принципам криминальной субкультуры, является более действенным, поскольку приводит к реальному и существенному изменению социального статуса осужденного в микросоциуме, в то время как в результате применения официального «социального лифта» значимые изменения социального статуса осужденного практически отсутствуют.

Самые большие затруднения вызывает необходимость адекватной трансформации форм и методов работы с осужденными в целях оказания реального воздействия на личность, учитывающего их внутреннюю мотивацию и реальное поведение, стимулирующие соответствующие позитивные социальные изменения. Иными словами, стремление

осужденных к законопослушному поведению должно формироваться не только под влиянием правовых норм, позволяющих улучшить положение осужденного в зависимости от его поведения в процессе исполнения наказания и отношения к средствам исправления, но и средствами социальной, воспитательной и психологической работы, позволяющей развить у осужденных социально активную и ответственную позицию, задействовать все позитивные внутренние ресурсы каждой конкретной личности. Представляется, что решение задач социализации должно обеспечиваться позитивной социальной активностью самого воспитанника, что практически недостижимо без соответствующего психолого-педагогического воздействия на его личность со стороны администрации.

«Социальный лифт» как систему, действующий механизм социализации осужденного необходимо, на наш взгляд, рассматривать не только с внешней, формальной стороны, как некий каркас, состоящий из этажей-уровней (виды условий отбывания наказания и др.), критериев оценки поведения осужденных, регламента работы комиссии исправительного учреждения по оценке поведения осужденных и определению условий отбывания наказания, но и прежде всего с точки зрения ее внутреннего активного движущего компонента, обеспечивающего работу «социального лифта», решение задач социализации осужденных (см. рис. 2). Данная система должна быть ориентирована прежде всего на личность воспитанника. В связи с этим следует понимать, что первичным является процесс и уровень социализации осужденного, уровень его мотивации к социально позитивным изменениям, в то время как изменение условий отбывания наказания либо вида самого наказания вторично.

Формирование положительных мотивов поведения осужденных

Формирование объективных стимулов (внешний тип мотивирования)	Социальная работа с осужденными
	Общее и профессиональное образование, профессиональная подготовка, труд
Воздействие на мотивационную структуру человека (внутренний тип мотивирования)	Воспитательная работа с осужденными
	Психологическая работа с осужденными

Подкрепляющие стимулы:
 Негативные: меры взыскания
 Позитивные: меры поощрения

Рис. 2. Система «социального лифта» в воспитательном центре (активный компонент)

Комментируя представленное на рис. 1 и 2, следует указать, что в зависимости от решаемых задач выделяют два основных типа мотивирования.

Первый состоит в том, что «путем внешних воздействий на человека вызываются к действию определенные мотивы, которые побуждают человека осуществлять определенные действия, приводящие к желательному для мотивирующего субъекта результату»⁶ (внешний тип мотивирования).

Например, средствами пенитенциарной социальной работы выявляются и решаются социальные проблемы осужденного, формируются его различные социально значимые роли, прививается многообразный успешный социальный опыт, опыт самостоятельного преодоления собственных проблем и самосовершенствования, восстанавливаются социально полезные связи, что в свою очередь создает объективные стимулы к законопослушному поведению после освобождения из исправительного учреждения.

Профессиональное образование, профессиональная подготовка и труд также относятся к внешнему типу мотивирования, поскольку дают возможность осужденному найти работу, приносящую стабильный заработок, повысить свой социальный статус. Вместе с тем изучение уголовно-исполнительной практики показывает, что профессиональное образование осужденных не всегда в достаточной степени ориентировано на результаты их исправления и ресоциализации. Такой подход слабо стимулирует развитие индивидуальности и позитивные личностные изменения⁷. Отсюда можно сделать вывод о том, что отсутствие преемственности между системой «социального лифта» и постпенитенциарной действительностью, с которой столкнется каждый конкретный осужденный после освобождения из исправительного учреждения, приводит к формальности данной системы, неспособности решать возложенные на нее задачи.

К средствам внешнего типа мотивирования можно отнести и представленный выше пассивный компонент системы «социального лифта» (рис. 1).

Второй тип мотивирования своей основной задачей видит формирование определенной мотивационной структуры человека или устойчивых интересов личности (внутренний тип мотивирования). В этом случае основное внимание обращается на то, чтобы «развить и усилить желательные для субъекта мотивирования мотивы действий человека и, наоборот, ослабить те мотивы, которые мешают эффективному управле-

нию человеком»⁸. Данная задача решается средствами социально-педагогической (воспитательной) и психологической работы с осужденными, позволяющими влиять на ценностные ориентации осужденных, осуществлять коррекцию их личности и поведения в необходимом направлении. Желательный исправительный эффект может быть получен только при условии сочетания рассмотренных типов мотивирования.

Организуя и направляя мотивационный процесс как активный инструмент системы «социального лифта», необходимо принимать во внимание, что ведущие движущие мотивы поведения несовершеннолетних осужденных не всегда очевидны, могут существенно различаться у разных осужденных и их групп, изменяться в зависимости от ситуации и под воздействием других лиц. Мотивационная структура несовершеннолетних осужденных в значительной степени определяется особенностями подросткового возраста, индивидуальными особенностями, уровнем социализации и интеллектуального развития, имеющимися социальными и психологическими проблемами. Все это привносит некоторый элемент непредсказуемости в мотивационный процесс, обуславливает сложность прогнозирования его результатов.

Например, как показали результаты исследования⁹, переход с обычных (строгих) на облегченные (обычные) условия отбывания наказания для многих осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, не является определяющим стимулом поведения, особенно в период, предшествующий переводу в исправительное учреждение для взрослых преступников. В то же время возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы расценивается большинством как наиболее значимый, ценный элемент системы «социального лифта». Кроме того, специфика трудной жизненной ситуации осужденного состоит в том, что она потенциально может возникнуть только после освобождения, может осознаваться осужденным, а может не осознаваться, может быть значимой, а может быть незначимой в сравнении с другими проблемами, имеющимися на этапе отбывания наказания в воспитательной колонии.

В любом случае, несмотря на неоднородность, непредсказуемость и изменчивость мотивационной структуры осужденных, можно выделить основополагающие принципы построения системы их стимулирования к законопослушному поведению в условиях исправительного учреждения, а также

формирования у них мотивов к позитивному социально активному и ответственному поведению в обществе после освобождения (системы «социального лифта»). Основываясь на результатах теоретико-правовых исследований, учитывая отечественный и зарубежный опыт пенитенциарной деятельности, к числу таких принципов можно отнести следующие:

– принцип законности, суть которого состоит в исчерпывающей правовой регламентации системы «социального лифта», а также ее соответствии действующему законодательству, исключении каких бы то ни было нарушений прав и законных интересов осужденных и иных лиц, возможностей злоупотребления правом и манипулирования системой со стороны администрации учреждения и осужденных;

– принцип прозрачности и справедливости, позволяющий обеспечить полное, четкое и однозначное понимание построения, действия и процедур системы, исключающий их двоякое толкование, возможность дискриминации отдельных осужденных либо предоставления им каких-либо привилегий;

– принцип объективности, который предполагает обеспечение адекватной оценки личности и поведения осужденных на основе сбора и анализа достаточной и достоверной информации, применения научно обоснованных критериев, показателей, процедур и методов;

– принцип прогрессивности прямого хода в системе «социального лифта», предусматривающий переход от закрытых к более открытым условиям отбывания наказания и условно-досрочному освобождению от отбывания наказания, наращивание количества регламентированных выходов осужденных за пределы воспитательной колонии (воспитательного центра), числа и видов их социальных контактов, улучшение бытовых условий содержания осужденных, снижение уровня (плотности) сопровождения (надзора) осужденных со стороны администрации исправительного учреждения;

– принцип регрессивности обратного хода в системе «социального лифта», который наряду с ужесточением условий отбывания наказания предусматривает установление более высоких требований к поведению осужденных при принятии решения о возможности повторного перевода в более льготные (открытые) условия отбывания наказания, а также применительно к осужденным, ранее отбывавшим лишение свободы;

– принцип активизации, основывающийся на сочетании внешнего и внутреннего типов

мотивирования, наличии активного компонента в системе «социального лифта» (активное участие администрации и самих осужденных в решении задач социализации);

– принцип свободы действия. Признавая безусловную необходимость юридической институализации системы «социального лифта» в уголовно-исполнительном законодательстве, следует указать, что создание полноценной системы «социального лифта» и ее эффективная реализация невозможны без юридического закрепления гарантий допустимости администрации исправительного учреждения идти на правомерный риск при принятии решений о перемещении осужденных на более открытые условия отбывания наказания¹⁰. Одним из возможных путей организации процесса является создание внешней комиссии, принимающей решение о переводе осужденного на более открытые условия отбывания наказания (например, в Латвии председателем аттестационной комиссии назначается должностное лицо Управления мест заключения Министерства юстиции Латвийской Республики, в Швейцарии вопрос о послаблении режима для осужденных за тяжкие преступления разрешает внешняя комиссия с участием ювенального прокурора). Содержание принципа свободы действия выражается также в установлении достаточных правовых рамок административного усмотрения оценке личности и поведения осужденного, дифференциации материально-бытовых условий содержания в зависимости от уровня системы «социального лифта»¹¹;

– принцип эффективности, обеспечивающий адекватность и действенность входящих в систему «социального лифта» стимулов, их должную дифференциацию в зависимости от уровня, соответствие индивидуальным личностным особенностям осужденного, особенностям его жизненной ситуации. Так, согласно данному принципу представляется возможным выделять общие (применимы и актуальны для основной массы осужденных: выходы за пределы учреждения, условно-досрочное освобождение и др.) и специальные (применимы и актуальны для отдельных категорий осужденных и ситуаций: увеличение количества свиданий, решение вопросов трудового и бытового устройства после освобождения, приобретение профессии, восстановление социально полезных связей и др.) стимулы, основные и подкрепляющие;

– принцип инициации, предусматривающий проведение различного рода меро-

приятий-ритуалов, знаменующих переход осужденного с одного уровня системы «социального лифта» на другой и позволяющих создавать ситуации глубокого эмоционального переживания и закрепления данного события;

– принцип безопасности, направленный на обеспечение безопасности (защищенности) осужденных, персонала и иных лиц при применении системы «социального лифта», исключение какого-либо риска для их жизни и здоровья, риска совершения осужденными преступлений и иных правонарушений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Методические рекомендации по использованию системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России в условиях действующего законодательства (Указание директора ФСИН России от 25.03.2011 г. № 15-5093-01).

³ См.: Модель воспитательного центра для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. http://fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=12732

⁴ См.: Они приходят ниоткуда и уходят в никуда. Проблемы социальной реабилитации несовершеннолетних заключенных. М., 2003. С. 23.

⁵ Психические отклонения характерны для 55% несовершеннолетних осужденных; наркоманией страдает 10,6%, столько же алкоголизмом, то есть 10,6%. Почти полностью отсутствует поддержка со стороны родственников. Несовершеннолетний осужденный не считает содеянное тяжким преступлением и не испытывает чувства вины и сочувствия к потерпевшему, но при этом проявляет озабоченность собственной судьбой. Сравнительно легко и быстро усваивает внутригрупповые асоциальные нормы. При этом его поведение часто носит демонстративно-приспособленческий характер. Характерны агрессивность, бравада, неповиновение, враждебность и злопамятность, высокая чувствительность по отношению к действительной или ложно понимаемой несправедливости. При этом стремится избегать ошибок и ищет надежное покровительство у более сильных и авторитетных лиц (см.: Характеристика несовершеннолетних осужденных к лишению свободы (по материалам исследования 2009–2010 гг.). М., 2011. С. 8–9).

⁶ Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: Учеб. М., 2003. С. 135.

⁷ См.: Профессиональное образование осужденных как фактор их ресоциализации: Моногр. Рязань, 2010. С. 67–68.

⁸ Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. С. 135.

⁹ Исследование проводилось в 2010–2011 гг. на базе Алексинской воспитательной колонии УФСИН России по Тульской области и Брянской воспитательной колонии УФСИН России по Брянской области.

¹⁰ Риск можно считать правомерным в том случае, если он является единственно возможным средством решения тех или иных задач. Обоснованный риск, если он не оправдался, то есть привел к негативным последствиям, должен исключать ответственность руководителя, идущего на риск (см.: Архипова Н.И., Кульба В.В. Управление в условиях чрезвычайных ситуаций: Учеб. пособие. М., 1994. С. 141). В данном случае понятие «правомерный риск» употребляется с некоторой долей условности, поскольку администрация исправительного учреждения, принимая решение о переводе осужденного на более открытые условия отбывания наказания, ориентируется прежде всего на цели социализации осужденного, а не на цели минимизации каких-либо возможных негативных последствий принятого решения, применяя при этом законодательно закрепленный механизм системы «социального лифта», не прибегая к каким-либо особым чрезвычайным мерам.

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что наряду с созданием и применением системы различного рода стимулов большое значение имеет целенаправленное воздействие на мотивационную структуру осужденного, формирование устойчивых социально одобряемых интересов его личности. Система «социального лифта» должна быть ориентирована прежде всего на личность воспитанника. При этом первична реальная социализация осужденного, а изменение вида и условий отбывания наказания вторично.

¹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Metodicheskie rekomendacii po ispol'zovaniju sistemy «social'nyh liftov» v ispravitel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii v uslovijah dejstvujucego zakonodatel'stva (Ukazanie direktora FSIN Rossii ot 25.03.2011 g. № 15-5093-01).

³ См.: Model' vospitatel'nogo centra dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste. http://fsin.su/document/index.php?ELEMENT_ID=12732

⁴ См.: Они приходят ниоткуда и уходят в никуда. Problemy social'noj rehabilitacii nesovershennoletnih zakljuchennyh. М., 2003. С. 23.

⁵ Psihicheskie otklonenija harakterny dlja 55% nesovershennoletnih osuzhdennyh; narkomaniej stradaet 10,6%, stol'ko zhe alkogolizmom, to est' 10,6%. Pochti polnost'ju otsutstvuet podderzhka so storony rodstvennikov. Nesovershennoletnij osuzhdennyj ne schitaet sodejannoe tjazhkim prestupleniem i ne ispytyvaet chuvstva viny i sochuvstvija k poterpevshemu, no pri jetom projavljaet ozabochennost' sobstvennoj sud'boj. Sravnitel'no legko i bystro usvaivaet vnutrigruppovyje asocial'nye normy. Pri jetom ego povedenie chasto nosit demonstrativno-prisposoblencheskij harakter. Harakterny agressivnost', bravada, nepovinovanie, vrazhdebnost' i zlopamjatnost', vysokaja chuvstvitel'nost' po otnosheniju k dejstvitel'noj ili lozhno ponimaemoj nespravedlivosti. Pri jetom stremitsja izbegat' oshibok i ishet nadezhnoe pokrovitel'stvo u bolee sil'nyh i avtoritetnyh lic (sm.: Harakteristika nesovershennoletnih osuzhdennyh k lisheniju svobody (po materialam issledovanij 2009–2010 gg.). М., 2011. С. 8–9).

⁶ Vihanskij O.S., Naumov A.I. Menedzhment: Ucheb. М., 2003. С. 135.

⁷ См.: Professional'noe obrazovanie osuzhdennyh kak faktor ih resocializacii: Monogr. Rjazan', 2010. С. 67–68.

⁸ Vihanskij O.S., Naumov A.I. Menedzhment. С. 135.

⁹ Issledovanie provodilos' v 2010–2011 gg. na baze Aleksinskoj vospitatel'noj kolonii UFSIN Rossii po Tul'skoj oblasti i Brjansknoj vospitatel'noj kolonii UFSIN Rossii po Brjansknoj oblasti.

¹⁰ Risk mozžno schitat' pravomernym v tom sluchae, esli on javljaetsja edinstvenno vozmozhnym sredstvom reshenija teh ili inyh zadach. Obosnovannyj risk, esli on ne opravdalsja, to est' privek k negativnym posledstvijam, dolzhen iskljuchat' otvetstvennost' rukovoditelja, iduwego na risk (sm.: Arhipova N.I., Kul'ba V.V. Upravlenie v uslovijah chrezvychajnyh situacij: Ucheb. posobie. М., 1994. С. 141). V dannom sluchae ponjatie «pravomernyj risk» upotrebljaetsja s nekotorej dolej uslovnosti, poskol'ku administracija ispravitel'nogo uchrezhdenija, priminaja reshenie o perevode osuzhdennogo na bolee otkrytye uslovija otbyvanija nakazanija, orientiruetsja prezhde vsego na celi socializacii osuzhdennogo, a ne na celi minimizacii kakih-libo vozmozhnyh negativnyh posledstvij prinjatogo reshenija, primenjaja pri jetom zakonodatel'no zakreplennyj mehanizm sistemy «social'nogo lifta», ne pribegaja k kakim-libo osobym chrezvychajnym meram.

¹¹ Известно, что отсутствие правового регулирования компетенции в уголовно-исполнительной сфере отрицательно сказывается на деятельности администрации исправительного учреждения, создает элемент неопределенности в работе, дает почву для субъективизма и различных форм злоупотребления правом. Однако правовыми нормами нельзя предусмотреть всего разнообразия обстановки и условий деятельности, учитываемых при принятии решений. Поэтому нужны соответствующие легальные средства гибкого реагирования на постоянно возникающие конкретные ситуации и проблемы. Такое реагирование призвано обеспечить административное усмотрение, представляющее собой «мотивированный выбор для принятия правомерных решений и совершения действий управомоченным субъектом в рамках его компетенции для выполнения управленческих и иных задач» (см.: Тихомиров Ю.А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4. С. 70–79).

¹¹ Izvestno, chto otsutstvie pravovogo regulirovaniya kompetencii v ugovovno-ispolnitel'noj sfere otricatel'no skazyvaetsja na dejatel'nosti administracii ispravitel'nogo uchrezhdenija, sozdaet jelement neopredelennosti v rabote, daet pochvu dlja sub#ektivizma i razlichnyh form zloupotreblenija pravom. Odnako pravovymi normami nel'zja predusmotret' vsego raznootbrazija obstanovkii uslovij dejatel'nosti, uchityvaemyh pri prinjatii reshений. Pojetomu nuzhny sootvetstvujuwie legal'nye sredstva gibkogo reagirovaniya na postojanno vznikajuwie konkretnye situacii i problemy. Takoe reagirovanie prizvano obespechit' administrativnoe usmotrenie, predstavljajuwie soboj «motivirovannyj vybor dlja prinjatija pravomernyh reshений i sovershenija dejstvij upravomochennym sub#ektom v ramkah ego kompetencii dlja vypolnenija upravlencheskih i inyh zadach» (sm.: Tihomirov Ju.A. Administrativnoe usmotrenie i pravo // Zhurnal rossijskogo prava. 2000. № 4. S. 70–79).

Понятие и правовая природа поощрительных институтов уголовно-исполнительного права

С.Л. БАБАЯН – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, докторант Академии управления МВД России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются поощрительные институты как средства позитивного стимулирования правопослушного поведения осужденных, определяются неотъемлемые признаки поощрительных институтов уголовно-исполнительного права, устанавливаются основные показатели поощрений, предусмотренных поощрительными институтами, разъясняются различия между поощрительными институтами и льготами, поощрительными институтами и мерами поощрения, анализируется правовая природа поощрительных институтов уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: поощрительный институт уголовно-исполнительного права; институт поощрения осужденных; поощрительная норма; меры поощрения, применяемые к осужденным.

Concept and the legal nature of incentive institutes of the criminally-executive right

S.L. BABAYAN – doctor of law, deputy chief of laboratory Scientific Research institute of Federal Penitentiary Service, colonel interior service

In article incentive institutes as means of positive stimulation legislative behavior condemned, the basic signs of incentive institutes of the criminally-executive right, the basic indicators of the encouragements provided by incentive institutes are considered. Distinctions between incentive institutes and privileges condemned, incentive norms and encouragement measures are explained. Are analyzed the legal nature of incentive institutes of the criminally-executive right.

Key words: incentive institute of the criminally-executive right; institute of encouragement of the condemned; incentive norm; the measures of encouragement applied to the condemned.

Реформирование уголовно-исполнительной системы России, широкое применение принципа гуманизма при исполнении наказаний, повышение роли стимулирующих

средств в исправлении осужденных создали объективные условия для дальнейшего развития в уголовно-исполнительном праве поощрительных институтов, применяемых к

осужденным к лишению свободы. Выполняя роль позитивного стимула, они эффективно влияют на мотивацию правопослушного поведения осужденных, обеспечивают необходимый простор для социально активной деятельности по ресоциализации и реабилитации после освобождения.

Раскрыть понятие поощрительных институтов уголовно-исполнительного права невозможно без предварительного их рассмотрения сквозь призму стимулирования. Какие же средства входят в категорию «стимулирование»? Мнения ученых по этому вопросу разделились. Одна группа исследователей-юристов полагает, что к стимулирующим институтам относятся только позитивные средства: поощрения, льготы, преимущества. Так, Н.А. Стручков считает, что «меры обеспечения дисциплины и порядка слагаются из мер поощрения, призванных стимулировать требуемое от осужденных поведение»¹. По мнению В.И. Курилова, процесс стимулирования осуществляется исключительно путем применения мер поощрения². С ними солидарен Г.В. Хныпин, который определяет стимул именно как поощрение³.

Другая группа ученых придерживается той точки зрения, что к стимулирующим институтам относятся не только перечисленные позитивные средства, но и меры принуждения: взыскания, запреты, наказания. Так, А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков отмечают, что «применение средств стимулирования... поощрений и взысканий требует знания и соблюдения норм права»⁴. По мнению В.М. Баранова, «если ответственность является негативной стороной метода стимулирования, то поощрение представляет его позитивную сторону»⁵. Вторая позиция представляется более предпочтительной, так как рассматривает понятие стимулирования правопослушного поведения осужденных в более широком плане, включая в него как поощрительные институты (позитивное стимулирование), так и институт юридической ответственности (негативное стимулирование).

Позитивное стимулирование в виде применения поощрительных норм и институтов, как мы считаем, является приоритетным в процессе исправительного воздействия на осужденных по сравнению с негативным. Интересным представляется замечание Ю.В. Голика, который, рассматривая общетеоретические вопросы стимулирования человеческого поведения, в том числе связь изменения поведения с негативным и позитивным стимулированием, сформулировал вывод о «беспредельности» позитивного

стимулирования в отличие от лимитированности негативного стимулирования и, следовательно, о больших возможностях позитивного стимулирования в коррекции человеческого поведения⁶. Позитивное стимулирование правопослушного поведения осужденных, воплощенное в поощрительных институтах, является наиболее перспективным направлением развития отечественной уголовно-исполнительной политики. Это подтверждается положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Так, согласно ч. 1 раздела III данного программного документа и в рамках совершенствования уголовно-исполнительной политики планируется дополнить систему поощрений осужденных иными стимулами к правопослушному поведению, а в соответствии с ч. 4 того же раздела в сфере социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными предполагается создание справедливой и эффективной системы стимулов осужденных к законопослушному поведению, включая совершенствование порядка замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, обновление механизма условно-досрочного освобождения⁷.

Третья группа исследователей считает, что к стимулирующим институтам относятся не только средства поощрения и взыскания, но и иные правовые институты уголовно-исполнительного права, которые побуждают осужденных к правопослушному поведению. Так, В.Н. Кудрявцев отмечает, что «стимулирующее действие права выражается в юридическом признании, обеспечении и защите правомерных поступков, полезных для общества»⁸. В.В. Оксамытный рассматривает «право как стимулятор развития общественных отношений»⁹. А.Ф. Сизый указывает, что в понятие юридического стимулирования входят различные правовые категории, позитивно воздействующие на поведение осужденных¹⁰. В связи с этим к совокупности понятия стимулирования можно отнести институт правового положения осужденных; институты, регулирующие исправление осужденных (в том числе основные средства исправления); институты материально-бытового и медико-санитарного обеспечения осужденных и многие другие.

Очевидно, функцию стимулирования правомерного поведения осужденных невозможно реализовать только с помощью одних поощрительных институтов и мер принуждения. Оно осуществляется в широком смысле слова посредством всего уго-

ловно-исполнительного законодательства, а в узком – через комплекс методов и форм исправительного воздействия. Неслучайно стимулирование правопослушного поведения осужденных получило свое закрепление в качестве принципа уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8 УИК РФ). Думается, что следует расширить содержание принципа стимулирования правопослушного поведения осужденных путем включения в него указания на их социально активное поведение, поскольку требование лишь правопослушности нивелирует смысл социальной адаптации осужденных к условиям жизни в обществе как важного фактора ресоциализации. Таким образом, стимулирование в уголовно-исполнительном праве – это емкая категория, далеко выходящая за рамки поощрительных институтов.

Правовое стимулирование тесно связано с понятием «стимул», которое определяется как побудительная причина, толчок, заинтересованность в совершении чего-нибудь¹¹. Очевидно, что стимул выступает одним из элементов правовой категории стимулирования. К стимулам можно отнести правовые нормы и институты, уполномочивающие субъекта на совершение определенных положительных действий, наступление которых ведет к предоставлению благ материального или морального характера, удовлетворению его интересов и потребностей, либо на воздержание от негативных, противоправных действий, осуществление которых влечет за собой применение мер ответственности.

Поощрительные институты представляют собой важную разновидность правовых стимулов в уголовно-исполнительном праве и являются средством юридического одобрения добровольного заслуженного и осознанного поведения осужденного. Реализация норм поощрительных институтов влияет на изменение правового статуса осужденных, существенно улучшая условия отбывания наказания с предоставлением определенных благ, освобождением от обязанностей, и связана со всесторонней и объективной оценкой их поведения. Поощрительные институты затрагивают основные социальные потребности осужденных, играют важную роль в процессе исправительного воздействия на осужденных к лишению свободы и широко используются в деятельности исправительных учреждений (ИУ).

По мнению В.Д. Филимонова и О.В. Филимонова, сущность институтов уголовно-исполнительного права обуславливается той функцией, которую они призваны выпол-

нять¹². М.П. Мелентьев совершенно обоснованно утверждает, что институт поощрения находит свое выражение в поощрительных нормах, которые представляют собой особую разновидность стимулирующих норм¹³. Действительно, важнейшую роль в осуществлении функции стимулирования поведения осужденных выполняют поощрительные нормы. Соответственно, совокупность поощрительных норм, регулирующих видовые общественные отношения, связанные с установлением и применением поощрений к осужденным, образует институт поощрения в уголовно-исполнительном праве.

Кроме того, в соответствии с теорией права институт является важным структурным элементом системы права. С.С. Алексеев, отмечая, что институт как структура права имеет «однолинейное значение», в то же время указывает на исключение из этого правила, представленное такими правовыми феноменами, как «комплексные отраслевые и межотраслевые институты, выражающие известное удвоение структуры на данном ее уровне»¹⁴. В рамках внутриотраслевых комплексных институтов происходит как бы вторичная перегруппировка норм данной отрасли, охватываемых разными отраслевыми институтами. В связи с этим институт поощрения уголовно-исполнительного права можно также рассматривать как внутриотраслевой комплексный институт, который включает в себя соответствующие поощрительные институты: изменение условий отбывания наказания осужденных, изменение вида ИУ, выезды (краткосрочные и длительные) осужденных к лишению свободы за пределы ИУ и многие другие. Кроме того, данный институт можно представить и как предметный, так как предметом его регулирования являются поощрительные отношения, возникающие в связи с установлением и применением к осужденным поощрений, которые различаются по видам, но схожи по типу. Одинаков и метод регулирования данных отношений – поощрительный. Основу отраслевого комплексного института поощрения образуют однотипные поощрительные нормы, предусматривающие меры поощрительного воздействия.

По мнению А.С. Михлина, правовые институты уголовно-исполнительного права, применение которых связано с облегчением участи осужденного, предоставлением ему определенных благ, освобождением от обязанностей, можно отнести к числу поощрительных¹⁵. Установление и применение поощрения в виде облегчения участи осужденного, предоставления ему опре-

деленных благ является одним из важных показателей поощрительных институтов. В основе действия поощрительных институтов лежит поощрение за определенную конкретную работу, добросовестное выполнение осужденным задания администрации ИУ. Данные институты направляют деятельность осужденных и определяют, какое поведение получит одобрение администрации учреждения, а следовательно, государства, представителем которого выступает данное учреждение. Таким образом, поощрительные институты ориентируют осужденных к лишению свободы на правопослушное поведение и поэтому являются важным средством исправления.

В уголовно-исполнительном праве в отношении осужденных к лишению свободы предусмотрено действие следующих поощрительных институтов: перевод из одного вида ИУ в другое с изменением условий содержания в лучшую сторону (ст. 78 УИК РФ); перевод из одних условий отбывания наказания в другие с облегчением участи осужденного (ст. 87 УИК РФ); выезды осужденных к лишению свободы (краткосрочные и длительные) за пределы ИУ (ч. 3 ст. 97 УИК РФ); проживание за пределами ИУ осужденного, находящегося в облегченных или льготных условиях отбывания наказания (ч. 3 ст. 121, ч. 4 ст. 133 УИК РФ); проживание осужденного со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение (п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ); передвижение осужденного без конвоя или сопровождения (ч. 1 ст. 96 УИК РФ); условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ч. 1, 2 ст. 175 УИК РФ и ст. 79 УК РФ); замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 3 ст. 175 УИК РФ и ст. 80 УК РФ); меры поощрения (ст. 113, 134 УИК РФ) и др.

Необходимо отметить, что меры поощрения являются одним из важных элементов поощрительных уголовно-исполнительных норм, которые направлены на стимулирование правопослушного (социально полезного) поведения осужденных. Поощрительная норма призывает к определенному одобряемому поведению и устанавливает характер и объем поощрения (устранение некоторого обременения или предоставление какого-либо блага) для лиц, которые последуют этому призыву¹⁶. Тем не менее следует различать понятия «мера поощрения» и «поощрение, предусмотренное поощрительной нормой (институтом)». Первое –

более узкое, с ним, например, соотносятся нормы, установленные ч. 1, 2 ст. 113 и ст. 134 УИК РФ и определяющие исчерпывающий перечень мер поощрения осужденных к лишению свободы¹⁷. Второе – широкое, и им охватываются, например, поощрительные институты, существенно изменяющие условия содержания осужденных в сторону улучшения в пределах исправительного учреждения и путем перевода в иное исправительное учреждение.

К сожалению, в уголовно-исполнительном законодательстве встречаются случаи смешения понятий «поощрительный институт» и «мера поощрения». Так, в ст. 113 УИК РФ «Меры поощрения, применяемые к осужденным к лишению свободы» ч. 4 регламентирует возможность представления положительно характеризующихся осужденных к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания после фактического отбытия указанной в законе части срока наказания. Но замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания не относится к мерам поощрения, а является межотраслевым институтом, включающим нормы уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. При такой замене поощренные осужденные продолжают отбывать совершенно другое уголовное наказание. Также ч. 4 ст. 113 УИК РФ фактически дублирует ч. 3 ст. 175 УИК РФ, которой устанавливается, что «в отношении положительно характеризующегося осужденного, которому неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания, учреждение или орган, исполняющие наказание, вносят в суд представление о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания». Кроме того, Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ из данной нормы (ч. 4 ст. 113 УИК РФ) было исключено положение об условно-досрочном освобождении (УДО) в связи с тем, что УДО не представляет собой меру поощрения, а является межотраслевым институтом, стремление к УДО есть законный интерес осужденного, и поэтому он обращается в суд напрямую, без рассмотрения этого вопроса на комиссии исправительного учреждения. В связи с вышеизложенным целесообразно удалить ч. 4 из ст. 113 УИК РФ.

Для глубокого анализа правовой природы поощрительных институтов уголовно-исполнительного права необходимо рассмотреть их основные признаки. Одним из важных и обязательных признаков поощрительного института является указание зако-

на на поведение осужденного, которое одобряется или поощряется соответствующей нормой. Например, в соответствии с ч. 6 ст. 97 УИК РФ разрешение на выезд за пределы ИУ дается начальником учреждения с учетом характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения осужденного. Также согласно ч. 3 ст. 175 УИК РФ в представлении учреждения или органа, исполняющего наказание, о замене неотбытой части наказания более мягким его видом должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении к совершенному деянию. Поэтому не являются поощрительными институты освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью или с наступлением психического расстройства, препятствующего отбыванию наказания (ч. 5, 6 ст. 175 УИК РФ), отсрочки отбывания наказания осужденным беременным женщинам (ст. 177 УИК РФ). Болезнь или наступление беременности не обусловлены поведением осужденного и степенью его исправления.

Кроме того, как нам представляется, не относится к поощрительным институтам система норм, связанных с предоставлением льгот наиболее уязвимым с точки зрения моральных или физических признаков категориям осужденных (женщины, несовершеннолетние, инвалиды). Например, женщинам и лицам, содержащимся в воспитательных колониях, разрешается получение посылок, передач и бандеролей без ограничения количества (п. «а» ч. 1 ст. 90 УИК РФ). Также согласно ч. 6 ст. 99 УИК РФ осужденным беременным женщинам, осужденным кормящим матерям, несовершеннолетним осужденным, а также больным осужденным и осужденным, являющимся инвалидами первой или второй группы, создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания. В данных случаях основанием для получения льгот являются состояние здоровья, возраст, наличие ребенка у кормящей матери. Эти льготы не относятся к поощрительным институтам, так как их предоставление не может стимулировать осужденных к правопослушному поведению. Они являются актом реализации принципа гуманизма уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, лишить этих льгот осужденного нельзя, так как они предоставлены законом и являются его правом.

Следующим основным признаком и, безусловно, предназначением поощрительных институтов является установление поощрения. При этом поощрения, предусмотрен-

ные соответствующими институтами уголовно-исполнительного права, включают в себя следующие основные показатели:

1. Поощрения связаны с заслуженным поведением, так как заслуга осужденного в местах лишения свободы характеризуется, во-первых, социально активным образом действий, который не противоречит нормам уголовно-исполнительного законодательства, во-вторых, добросовестным отношением лица к своим обязанностям, в-третьих, связана со «сверхисполнением» лицом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного полезного результата, в-четвертых, является основанием для применения поощрений точно так же, как основанием для применения мер наказания выступают правонарушения.

2. Поощрение непосредственно соотносится с понятием «добровольность поступка», что подразумевает социальную активность осужденного, то есть поощрительный институт в своем регулирующем воздействии на личность жестко не предписывает ей тот или иной вид социально одобряемого поведения, а оказывает непринужденное, стимулирующее влияние благодаря привлекательности и выгоды закрепленных в установленной норме последствий.

3. Поощрение юридически и морально одобряет позитивные действия осужденного, выступая формой вознаграждения со стороны общества и государства. Поощрительный институт – это разновидность юридического одобрения.

4. Взаимовыгодность акта реализации поощрения определяется наступлением позитивных последствий как для общества, так и для осужденного, к которому оно применяется.

5. Поощрение, реализуемое поощрительным институтом, можно рассматривать как вид правового стимула, причем, как правило, достигающего наибольшего эффекта.

Таким образом, поощрительные институты относятся к разновидности правовых стимулов в уголовно-исполнительном праве и являются средством юридического одобрения добровольного заслуженного социально активного поведения осужденного, в результате чего последний получает благоприятные последствия, которые взаимовыгодны обществу и ему. Данные институты оказывают исправительное и общепрофилактическое воздействие на основную массу осужденных.

Анализ правовой природы поощрительных институтов приводит к выводу, что не

всем из них присущи перечисленные основные признаки. Так, институт передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения и институт выезда осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений, с одной стороны, связаны с производственной необходимостью или смертью (тяжелой болезнью) близкого родственника осужденного, а с другой – применяются в зависимости от поведения осужденного. Мы согласны с А.С. Михлиным, который утверждает, что эти институты имеют смешанную правовую природу¹⁸.

Поощрительные институты изменения вида исправительного учреждения и изменения условий отбывания наказания осужденных явно соотносятся с элементами прогрессивной системы отбывания наказания. Она представляет собой одну из форм реализации института дифференциации наказания, которую иногда называют ступенчатой системой отбывания наказания¹⁹. Прогрессивная система предполагает постепенное последовательное улучшение условий отбывания наказания в зависимости от степени исправления осужденного вплоть до изменения вида исправительного учреждения. Содержание прогрессивной системы в большой степени образуют поощрительные институты, изменяющие условия отбывания наказания в лучшую сторону. Поощрительные институты, являясь составной частью прогрессивной системы, наполняют ее своим содержанием и в данных рамках имеют приоритетное значение.

Институты, изменяющие вид исправительного учреждения и условия содержания в сторону улучшения, несут в себя два основных признака поощрительных институтов: во-первых, они предоставляют осужденным определенные дополнительные блага, которых лишены другие осужденные, и, во-вторых, они реализуются в зависимости от поведения осужденных. Таким образом, их также можно отнести к поощрительным институтам со смешанной правовой природой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стручков Н.А., Шупилов В.П. Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах (США, Япония). М., 1978. С. 62.

² См.: Курилов В.И. Социально-правовые средства формирования поведения работников в сфере несамостоятельного труда // Правоведение. 1998. № 2.

³ См.: Хныпин Г.В. Правовые стимулы повышения трудовой активности рабочих и служащих // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. ВНИИСЗ. М., 1983. Вып. 25. С. 157.

⁴ Исправительно-трудовая психология: Учеб. / Под ред. К.К. Платонова, А.Д. Глоточкина. Рязань, 1985. С. 261.

Одним из дискуссионных является вопрос о субъективном праве осужденных на поощрение. Так, А.Ф. Сизый утверждает, что субъективное право на поощрение у осужденных возникает после достижения ими определенных успехов или показателей, которые порождают обязанность администрации учреждения поощрять лиц и публично отмечать их правопослушное поведение²⁰. Считаем возможным согласиться с С.И. Кургановым в том, что ни одна поощрительная норма действующего уголовно-исполнительного законодательства не предоставляет осужденному право на поощрение, и, следовательно, он не наделяется достаточным основанием требовать такового²¹. Думается, что право требовать возникает у осужденного, если в отношении его нарушены субъективные права, которые реализуются в форме использования. Например, осужденный вправе требовать от администрации исправительного учреждения предоставления льгот (например, инвалидам должна оказываться социальная поддержка). Но данное субъективное право отличается от поощрения тем, что оно не связано с поведением осужденного и оценкой данного поведения со стороны администрации. Соответственно, поощрительные институты и поощрения в целом не могут относиться к субъективным правам осужденных, а являются их законными интересами.

Поощрительные институты, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в исправительном учреждении, как составная часть процесса исправительного воздействия представляют собой достаточно гибкий механизм, в рамках которого получают реализацию принципы уголовно-исполнительного законодательства, основные средства исправления, а также методы воздействия на осужденных. Целесообразно в дальнейшем совершенствовать их правовое регулирование и практику применения как важных средств позитивного стимулирования правопослушного поведения осужденных.

¹ Struchkov N.A., Shupilov V.P. Ispolnenie ugolovnogo nakazaniya v kapitalisticheskikh stranah (SShA, Japonija). M., 1978. S. 62.

² См.: Kurilov V.I. Social'no-pravovye sredstva formirovaniya povedeniya rabotnikov v sfere nesamostojatel'nogo truda // Pravovedenie. 1998. № 2.

³ См.: Hnypin G.V. Pravovye stimuly povysheniya trudovoj aktivnosti rabochih i sluzhawih // Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva: Tr. VNIISZ. M., 1983. Vyp. 25. S. 157.

⁴ Ispravitel'no-trudovaja psihologija: Ucheb. / Pod red. K.K. Platonova, A.D. Glotochkina. Rjazan', 1985. S. 261.

- ⁵ Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 6.
- ⁶ См.: Голик Ю.В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 5.
- ⁷ См.: СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
- ⁸ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 32.
- ⁹ См.: Оксамытный В.В. Социологические методы исследования правовых явлений // Методологические проблемы юридической науки: Сб. науч. тр. Киев, 1990. С. 54.
- ¹⁰ См.: Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных (проблемы теории и практики): Дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 1995. С. 31.
- ¹¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990. С. 766.
- ¹² См.: Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. СПб., 2011. С. 227.
- ¹³ См.: Мелентьев М.П. Функции советского исправительно-трудового права. Рязань, 1984. С. 30; Он же. Структура советского исправительно-трудового права. Рязань, 1981. С. 15.
- ¹⁴ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 121.
- ¹⁵ См.: Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение. М., 1993. С. 11.
- ¹⁶ См.: Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права. Хабаровск, 1984. С. 10–11.
- ¹⁷ См.: Курганов С.И. О природе поощрительных норм уголовно-исполнительного права // УИС: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 3.
- ¹⁸ См.: Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве. С. 20.
- ¹⁹ См.: Стручков Н.А. Проблемы науки исправительно-трудового права в свете нового исправительно-трудового законодательства. М., 1972; Натасhev А.Е. Непримиримость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961. С. 246–251; Курганов С.И. Дифференциация исполнения наказания в виде лишения свободы и «прогрессивная система» // Проблемы исполнения наказания в воспитательно-трудовых колониях и предупреждения преступности молодежи. М., 1989. С. 102–110; Бриллиантов А.В. Проблемы классификации осужденных к лишению свободы в целях дифференциации условий отбывания наказания. М., 1995. С. 8–10.
- ²⁰ См.: Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (проблемы теории и практики): Моногр. Рязань, 1994. С. 121.
- ²¹ См.: Курганов С.И. О природе поощрительных норм уголовно-исполнительного права. С. 4.
- ⁵ Baranov V.M. Poowritel'nye normy sovetskogo socialisticheskogo prava. Saratov, 1978. S. 6.
- ⁶ Sm.: Golik Ju.V. Pozitivnye stimuly v ugovnom prave (ponjatije, sodержanie, perspektivy): Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1994. S. 5.
- ⁷ Sm.: SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.
- ⁸ Kudrjavcev V.N. Pravovoe povedenie: norma i patologija. M., 1982. S. 32.
- ⁹ Sm.: Oksamytnyj V.V. Sociologicheskie metody issledovanija pravovyh javlenij // Metodologicheskie problemy juridicheskoi nauki: Sb. nauch. tr. Kiev, 1990. S. 54.
- ¹⁰ Sm.: Sizyj A.F. Poowritel'nye normy ugovolno-ispolnitel'nogo prava kak sredstva formirovanija pravomernogo povedenija osuzhdennyh (problemy teorii i praktiki): Dis. ... d-ra jurid. nauk. Rjazan', 1995. S. 31.
- ¹¹ Sm.: Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka / Pod red. N.Ju. Shvedovoj. M., 1990. S. 766.
- ¹² Sm.: Filimonov V.D., Filimonov O.V. Institut prava. Institut ugovolnogo prava. Institut ugovolno-ispolnitel'nogo prava. SPb., 2011. S. 227.
- ¹³ Sm.: Melent'ev M.P. Funkcii sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava. Rjazan', 1984. S. 30; On zhe. Struktura sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava. Rjazan', 1981. S. 15.
- ¹⁴ Sm.: Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava. M., 1975. S. 121.
- ¹⁵ Sm.: Mihlin A.S. Poowritel'nye instituty i ih mesto v ugovolno-ispolnitel'nom prave // Reforma ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i ee pravovoe obespechenie. M., 1993. S. 11.
- ¹⁶ Sm.: Eleonskij V.A. Poowritel'nye normy ugovolnogo prava. Habarovsk, 1984. S. 10–11.
- ¹⁷ Sm.: Kurganov S.I. O prirode poowritel'nyh norm ugovolno-ispolnitel'nogo prava // UIS: pravo, jekonomika, upravlenie. 2005. № 5. S. 3.
- ¹⁸ Sm.: Mihlin A.S. Poowritel'nye instituty i ih mesto v ugovolno-ispolnitel'nom prave. S. 20.
- ¹⁹ Sm.: Struchkov N.A. Problemy nauki ispravitel'no-trudovogo prava v svete novogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva. M., 1972; Natashev A.E. Neprimirimost' «progressivnoj sistemy» otbvanija lishenija svobody // Problemy razvitija sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva. Saratov, 1961. S. 246–251; Kurganov S.I. Differenciacija ispolnenija nakazanija v vide lishenija svobody i «progressivnaja sistema» // Problemy ispolnenija nakazanija v vospitatel'no-trudovyh kolonijah i preduprezhdenija prestupnosti molodezhi. M., 1989. S. 102–110; Brilliantov A.V. Problemy klassifikacii osuzhdennyh k lisheniju svobody v celjah differenciacii uslovij otbvanija nakazanija. M., 1995. S. 8–10.
- ²⁰ Sm.: Sizyj A.F. Poowritel'nye normy ugovolno-ispolnitel'nogo prava (problemy teorii i praktiki): Monogr. Rjazan', 1994. S. 121.
- ²¹ Sm.: Kurganov S.I. O prirode poowritel'nyh norm ugovolno-ispolnitel'nogo prava. S. 4.

Идеология пенитенциарного сообщества в системе формирования общественного сознания осужденных

И.А. УВАРОВ – доцент кафедры управления учреждениями и органами УИС Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается феномен идеологии пенитенциарного сообщества и определяется степень его влияния на формирование общественного сознания осужденного в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: субкультура осужденных; пенитенциарное сообщество; идеология пенитенциарного сообщества.

Ideology of penitentiary community in system of formation of public consciousness of the condemned

I.A. UVAROV – the employee Academy of Federal Agency of execution of punishments of Russia, the candidate of jurisprudence, the senior lecturer

In article consider a phenomenon of ideology of penitentiary community and degree of its influence on formations of public consciousness of the punishment condemned in serving in the form of imprisonment.

Key words: subculture condemned; penitentiary community; ideology of penitentiary community.

Одной из негативных характеристик современной ситуации в России является рост преступности – регистрируемая преступность достигла трехмиллионного рубежа. Существенные изменения, которые произошли в ее структуре, проявились в увеличении доли тяжких и особо тяжких преступлений. По данным независимых экспертов, дальнейший прогноз развития также неутешителен. «Сложившееся положение вызывает обоснованную тревогу криминологов, которые отмечают, что истинное положение дел в сфере противостояния преступности и государства обстоит гораздо хуже, чем даже в не очень оптимистических официальных оценках»¹. Противостоять преступности стало сложнее в силу ее организованности, изощренности, устойчивости антиобщественных установок преступников.

Традиционно в криминологии принято говорить о влиянии криминальной субкультуры на формирование антиобщественных установок потенциальных преступников. Применительно к пенитенциарным учреждениям выделяют в качестве самостоятельного вида субкультуру «тюремную»², или «пенитенциарную»³, как феномен «сформированный в результате слияния различных субкультур как криминального,

так и некриминального характера, являющийся компромиссом между микросредой осужденных и обществом и направленный на сохранение ценностей преступного мира и выживание в экстремальных условиях лиц, преступивших уголовно-правовые запреты»⁴.

Из приведенного определения складывается представление, что субкультура всего лишь призвана упорядочить отношения в среде осужденных. С таким утверждением трудно согласиться, прежде всего потому, что из содержания понятия «культура»⁵, равно как и «субкультура»⁶, следует, что они не предполагают решения такого рода задач. Субкультура в местах лишения свободы, исходя из набора ее структурных элементов, может характеризоваться лишь внешними проявлениями. А для тех аспектов, которые способны образовывать внутреннее содержание любых процессов и явлений, нужно определенное мировоззрение.

Рассматривать формирование такого мировоззрения необходимо начиная с изучения условий исполнения наказания в виде лишения свободы. Это связано с тем, что данное наказание назначается за наиболее тяжкие преступления и, следовательно, получило признание в качестве

наиболее эффективного средства воздействия. Особую актуальность это приобрело после того, как на исполнение смертной казни был объявлен мораторий. Сложилась ситуация, когда закон может воздействовать на личность осужденного, только лишив его свободы.

Фактически государство искусственно создало новое социальное образование – пенитенциарное сообщество⁷. Для понимания данного социального образования необходимо его рассмотрение со следующих двух сторон:

а) формальное сообщество осужденных – это все лица, находящиеся в местах лишения свободы (в пенитенциарной педагогике его принято называть коллективом осужденных)⁸;

б) неформальное сообщество осужденных – это объединение, образованное с учетом специфических условий мест лишения свободы.

Лица, содержащиеся в местах лишения свободы, не одинаковы, но у них есть один общий существенный признак – изолированность от «большого общества». Поскольку в условиях лишения свободы они вынуждены жить совместно, то, по мнению А.Н. Олейника, образование так называемого «малого общества» является объективным процессом. Его характеризуют следующие черты:

а) отношения не институционализированы;

б) отсутствует непосредственная связь с формальной властью (администрацией);

в) политическое представительство членов в руководящем слое полностью отсутствует⁹.

«Малое общество» так или иначе самоорганизуется. Эта самоорганизация основывается на двух видах норм поведения: а) установленных официальной властью и контролируемых администрацией и б) созданных самими заключенными для элементарной организации своей внутренней жизни. Нормы официальные и неофициальные большей частью находятся между собой в глубоком противоречии¹⁰.

По мнению профессора Г.Ф. Хохрякова, основной, главенствующий принцип сообщества связан с базовыми ценностями. Он направлен на защиту и сохранение ценности «я» и «мы». Этот принцип воплощается в ряде норм:

а) каждый осужденный имеет право на неприкосновенность личности, и поэтому лишение жизни, причинение вреда здоровью и т.п. оцениваются отрицательно;

б) каждый осужденный имеет право на неприкосновенность имущества, и поэтому воровство, грубый произвол при приобретении чужого имущества, обманное завладение им, спекуляция, невозвращение долга относятся к числу тяжких проступков и влекут применение суровых санкций¹¹.

Пенитенциарное сообщество защищает себя. Как и всякая общность, оно ставит общий интерес выше индивидуального. Таким общим интересом является свобода.

Свобода выступает наиважнейшей ценностью для любого человека, и осужденные не являются исключением. Более того, обычные граждане в повседневной жизни не осознают ее в качестве таковой, тогда как для осужденных она в буквальном смысле слова является базовой, поскольку в условиях изоляции приобретает характер условия для реализации других важных ценностей. Отношение к ней определяет и отношение к другим ценностям.

Такая мировоззренческая позиция может быть представлена как своеобразная идеология пенитенциарного сообщества, отставляющая внутреннюю свободу личности в условиях изоляции. Закон лишает свободы только тело человека. Идеология же пенитенциарного сообщества формирует внутреннюю свободу – свободу духа. Сила духа, свобода мыслей – вот что отличает «истинного арестанта» от всех остальных граждан. Он не боится закона (он его уже нарушил), он не боится вышестоящего начальства (его у него просто нет), и, самое главное, он знает, за что страдает.

Понятно, что формирование пенитенциарного сообщества («мы») происходит наряду с оформлением в сознании феномена «они». Администрация относится к последним. Своими действиями она воплощает все ограничения, которым подвергаются осужденные. Отсюда проистекает важный принцип поведения: «Старайся поступать таким образом, чтобы администрация не нашла повода вмешаться в наши дела. Обращайся к администрации для решения только тех вопросов, которые никак нельзя решить без нее, но не упуская случая потребовать от администрации расширения своих прав или досадить ей каким-то другим образом». В этой связи появляются другие требования к поведению:

а) сотрудничество с администрацией рассматривается как предательство интересов общности и преследуется;

б) обращение за помощью к администрации в разрешении конфликтов относится к запретным деяниям;

в) доносы и ябедничество представляют собой запрещенные и наказуемые поступки.

Когда речь заходит о внутренних интересах общности, то актуальными становятся иные требования к поведению, направленные в первую очередь на консолидацию:

а) помощь товарищам, оказавшимся в трудных условиях, считается добродетелью;

б) стремление избежать ответственности путем переложения вины на другого, если он не пособник администрации, относится к порицаемым поступкам¹².

Таким образом, объединение на основе противопоставления помогает понять осужденным их неформальное положение в пенитенциарном сообществе, где все равны. Появляется осознание равной ответственности за сохранение общих интересов.

Общность интересов и равенство всех осужденных в плане соблюдения неформальных норм поведения, принятых сообществом, составляют основу пенитенциарной идеологии. Исключением являются «отверженные», которые по причине своего статуса находятся вне закона.

В то же время любое общество независимо от форм организации не свободно от различного рода внутренних противоречий. Исправительные учреждения и содержащиеся в них осужденные этого также не избежали. Социальная структура пенитенциарного сообщества (как формальная, так и неформальная, как в совокупности, так и каждая отдельно) создает определенные условия для различного рода конфликтов. Необходимо, чтобы был человек, который бы разрешал их. В качестве такового выступает осужденный, занимающий максимально высокое положение в неформальной иерархии. Он должен выполнять роль третейского судьи в урегулировании всех проблемных ситуаций независимо от условий, в которых противостояние возникло.

В соблюдении требований, предъявляемых к порядку разрешения конфликтов, заключается большой смысл. Решение сопровождается вынесением наказания, по которому потерпевшая сторона получает удовлетворение (оно может быть не только материальным, но и моральным). Тот, кто принимает решение, наделен пенитенциарным сообществом определенными властными полномочиями, поэтому использование такой власти воспринимается как справедливое. С одной стороны, осужденный, ко-

торый персонифицирует власть в пенитенциарном сообществе, выносит решение, которое обладает силой закона, а с другой – сам подчиняется его требованиям.

Таким образом, создается иллюзия равенства всех осужденных в сфере действия неформальных норм поведения. Разница состоит лишь в том, что один должен правильно применить «закон», а другой подчиниться правильно примененному «закону». Отступление от правил игры нарушает представление о справедливости неформального закона и влечет за собой негативные последствия для виновного, поэтому все участники «процесса» вынуждены соблюдать нормы поведения, принятые в сообществе.

Заинтересованность осужденных в неукоснительном соблюдении неформальных установок несет самостоятельную идеологическую нагрузку – демонстрирует несправедливому свободному обществу справедливость несвободного сообщества осужденных. В специальной литературе по этому вопросу встречаются утверждения, что «групповых правил осужденные придерживаются охотнее»¹³ или делают это «без принуждения»¹⁴. Это «обеспечивает осужденному определенные гарантии личной защиты в ближайшем окружении»¹⁵. Такое положение может сохраняться и после освобождения. Выйдя на свободу, «истинный арестант» всегда будет иметь кусок хлеба, крышу над головой, то есть все то, что не может гарантировать государство положительно характеризовавшемуся лицу.

Лидеры пенитенциарного сообщества при решении возложенных на них задач последовательно соблюдают принцип неотвратимости наказания за любой вред, причиненный сообществу. На особом учете стоят такие нарушения неформальных норм, которые посягают на наиболее значимые для пенитенциарного сообщества интересы.

Таким образом, естественные противоречия, которые возникают между осужденным и государством (уголовно-исполнительной системой), попадают в сферу воздействия идеологии пенитенциарного сообщества. Последняя призвана упорядочить систему соответствующих отношений посредством придания устойчивого характера тем антиобщественным взглядам и установкам, которые уже есть у осужденного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корецкий Д. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 2.

² См.: Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 6.

³ См.: Яковлев Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 7.

⁴ Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб., 2006. С. 30.

⁵ См., напр.: Малый энциклопедический словарь: В 4 т. СПб., 1909. Т. 3. С. 234.

⁶ См., напр.: Большой энциклопедический словарь. М., 2004. С. 396.

⁷ В.Н. Кудрявцев употребляет другое название – «тюремное общество» (см.: Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. М., 2003. С. 157). По нашему мнению, правильнее все же использовать термин «пенитенциарное» как относящееся ко всем осужденным, находящимся в местах лишения свободы. Тюрма – всего лишь один из видов исправительного учреждения, и содержащиеся там осужденные тоже являются весьма специфической частью лиц, лишенных свободы.

⁸ См., напр.: Исправительно-трудовая (пенитенциарная) педагогика / Под ред. А.И. Зубкова. Рязань, 1993; Литвишков В.М. Пенитенциарная педагогика. М., 2004.

⁹ См.: Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001. С. 16.

¹⁰ См.: Там же. С. 18.

¹¹ См.: Хохряков Г.Ф. Криминология / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 2000. С. 304.

¹² См.: Он же. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. С. 65–66.

¹³ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. С. 45.

¹⁴ См.: Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. С. 39.

¹⁵ Подгурецкий А. Очерки социологии права. М., 1974. С. 200.

¹ Koreckij D. Ideologicheskie problemy bor'by s prestupnost'ju // Zakonnost'. 2004. № 5. S. 2.

² Sm.: Tulegenov V.V. Kriminal'naja subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2003. S. 6.

³ Sm.: Jakovlev N.A. Tjurenajna (penitenciarная) subkul'tura kak krimonogenij faktor i perspektivy nejtralizacii ee negativnogo vlijanija: Avtorf. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2006. S. 7.

⁴ Koreckij D.A., Tulegenov V.V. Kriminal'naja subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie. SPb., 2006. S. 30.

⁵ Sm., napr.: Malyj jenciklopedicheskij slovar': V 4 t. SPb., 1909. T. 3. S. 234.

⁶ Sm., napr.: Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. M., 2004. S. 396.

⁷ V.N. Kudrjavcev upotrebljaet drugoe nazvanie – «tjurennoe obvestvo» (sm.: Kudrjavcev V.N. Strategija bor'by s prestupnost'ju. M., 2003. S. 157). Po nashemu mneniju, pravil'nee vse zhe ispol'zovat' termin «penitenciarное» kak odnosjawsja ko vsem osuzhdennym, nahodjajimsja v mestah lishenija svobody. Tjur'ma – vsego lish' odin iz vidov ispravitel'nogo uchrezhdenija, i sodержawiesja tam osuzhdennye tozhe javljajutsja ves'ma specificheskij chast'ju lic, lishennyh svobody.

⁸ Sm., napr.: Ispravitel'no-trudovaja (penitenciarная) pedagogika / Pod red. A.I. Zubkova. Rjazan', 1993; Litvishkov V.M. Penitenciarная pedagogika. M., 2004.

⁹ Sm.: Olejnik A.N. Tjurenajna subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoj zhizni do gosudarstvennoj vlasti. M., 2001. S. 16.

¹⁰ Sm.: Tam zhe. S. 18.

¹¹ Sm.: Hohrjakov G.F. Kriminologija / Otv. red. V.N. Kudrjavcev. M., 2000. S. 304.

¹² Sm.: On zhe. Paradoksy tjur'my. M., 1991. S. 65–66.

¹³ Pirozhkov V.F. Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminal'naja subkul'tura). Tver', 1994. S. 45.

¹⁴ Sm.: Hohrjakov G.F. Paradoksy tjur'my. S. 39.

¹⁵ Podgureckij A. Ocherki sociologii prava. M., 1974. S. 200.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Режим законности и принцип разумности в сфере исполнения наказаний и способы их обеспечения

■ **Л.М. КОЛОДКИН** – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье рассматривается проблема реализации принципа разумности в современной юридической науке в целом и в сфере исполнения уголовных наказаний в частности. Автор обосновывает вывод о необходимости теоретической разработки понятия разумности правоприменения в сфере исполнения наказаний в виде лишения свободы, видя в этом условии эффективного осуществления реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип законности; принцип разумности; уголовно-исполнительная система; государственное управление.

The legality mode and the rationality principle in the penal sphere and the ways to ensure them

■ **L.M. KOLODKIN** – a professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Work with Personnel, Academy of Home Affairs Management Department of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation

The article deals with the problem of realization of the rationality principle in modern law science in whole and in the penal sphere particularly. The author gives proof of the necessity to work out theoretically the concept of rational enforcement in the penal sphere in the form of imprisonment. It is a condition for efficient reforming of the criminal and executive system of the RF.

Key words: legality mode; rationality principle; criminal and executive system (penal system); state administration.

Кардинальные изменения, происшедшие в последние годы в России, детерминируют необходимость по-новому интерпретировать проблему законности и разумности в правоприменении. Приняв в 1993 г. Конституцию, Российская Федерация провозгласила себя государством, приступила к его формированию. В связи с этим особую актуальность приобрели режим законности и принцип разумности.

Если законность является фундаментальной категорией правовой науки и правприме-

нительной практики, то о принципе разумности говорится только в Гражданском кодексе Российской Федерации в контексте института злоупотребления правом («шикана»). Законность выступает неотъемлемым атрибутом демократически организованного общества и обязательна для всех сфер государственного управления, включая исполнение уголовного наказания, тогда как разумность, хотя и сопровождает правовые явления на протяжении всей истории государства и права, остается «аксессуарным» понятием пре-

зумпции разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, предусмотренной ч. 3 ст. 10 ГК РФ.

Проблема разумности в праве в последнее время привлекает внимание ученых-правоведов: достаточно назвать кандидатские диссертации Ю.В. Виниченко «Разумность в гражданском праве Российской Федерации»¹, М.А. Милкина-Скопца «Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование»², монографию В.И. Емельянова «Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами» 2002 г.³ и ряд других публикаций. Такой всплеск интереса объясняется все расширяющимся использованием термина «разумность» в законодательстве и судебной практике.

В нормативных актах гражданско-процессуального характера можно встретить выражения «разумные сроки», «разумная мера», «разумное ведение дел». В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г.⁴ предлагается шире использовать оценочный критерий разумности путем введения в Гражданский кодекс Российской Федерации новых понятий «разумная степень достоверности» и «разумная замена».

Категория разумности и ее производные широко используются в нормах международного права, в силу ст. 15 Конституции Российской Федерации включенных в российскую правовую систему: в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980)⁵; Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 1974) и многих других актах употребляются термины «разумность», «понимание, свойственное разумным лицам», «разумность применения обычаев» и другие комбинации⁶.

Требование разумности содержится в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. Европейский Суд по правам человека в своих решениях довольно часто отмечает нарушение требований п. 1 ст. 6 Конвенции о проведении судебного разбирательства в разумные сроки⁷.

Судебные органы России также часто обосновывают свои решения ссылками на разумность или неразумность действий по делам самых разных категорий по различным поводам⁸. В зарубежной судебной практике проблеме разумности традиционно уделяется большое внимание.

Какое отношение имеет проблема законности и разумности правоприменения к

исполнению уголовного наказания? Самое прямое и выходящее за пределы норм частного права и гражданского законодательства⁹.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства России 14.10.2010 г. № 1772-р¹⁰ и ориентированной на радикальное реформирование института исполнения наказаний в период до 2020 г., буквально в каждом разделе – от реформирования системы учреждений исполнения наказания в виде лишения свободы до развития международного сотрудничества с пенитенциарными системами зарубежных государств – презюмируется, что запланированные мероприятия могут быть успешно реализованы и дать ожидаемый социальный результат только при обеспечении режима законности и принципа разумности. При этом понятие законности нельзя сводить только к соблюдению закона. Некоторые законы не отличаются с позиции здравого смысла достаточной степенью разумности. Их строгое исполнение влечет за собой только негативные последствия. Достаточно привести пример о необходимости проведения антикоррупционной экспертизы законопроектов и законодательных актов.

В современных условиях законность во всех сферах государственного управления и правоприменения следует понимать в самом широком смысле – как принцип деятельности государственных органов и политико-правовой режим общественной жизни. При этом законность – это не только наличие достаточного развития законодательства, строгое соблюдение его всеми субъектами права, но и разумное соответствие законов объективно существующим социальным явлениям и процессам, правильное отражение в них общественных потребностей, направленность на обеспечение созидательной деятельности людей, качества жизни и безопасности всех членов общества.

Требование законности и разумности глобально проявляется в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы. Вряд ли можно считать отвечающим требованиям законности игнорирование нормы ст. 37 Конституции Российской Федерации о праве каждого на труд, свободное распоряжение своими способностями и выбор рода деятельности в отношении полумиллиона граждан России, находящихся в местах лишения свободы и не обеспеченных возможностью трудиться. Разумно ли при этом

получать с учреждений УИС почти полтора миллиарда рублей налогов в федеральный бюджет? Можно ли считать разумным рост числа отбывающих лишение свободы при статистической стабилизации преступности, рост числа содержащихся под стражей до суда при неразвитости пенитенциарной инфраструктуры, что влечет за собой превышение лимита содержания до 40%? О каких уровнях европейских стандартов обращения с лишенными свободы можно вести речь? Разумно ли возлагать на систему исполнения наказания обязанность минимизировать недостатки в сфере здравоохранения, профессионального обучения, образования, социального обеспечения? Разве можно считать разумным то, что в местах лишения свободы 90% больны, каждый четвертый имеет инвалидность, четыре пятых не имеют трудовых навыков, а более чем каждый двадцатый не получил обязательного общего образования? Перечень вопросов можно продолжать. Для обеспечения законности и разумности применения законов необходимо прямое нормативное указание субъектом правоприменения осуществлять свою деятельность на основе законности и инструментальности, ориентированности на определенный социально позитивный результат.

Места лишения свободы не должны быть инкубатором рецидивной преступности и очагом зарождения организованных преступных группировок.

Законность предполагает высокий уровень юридической техники, позволяющий разумно реализовать нормативные установления в четком соответствии с их целями. При этом разумным правоприменением следует считать такое, которое не зависит от прихоти какой-либо личности, случайного стечения обстоятельств, а детерминировано общей тенденцией развития уголовно-исполнительной политики.

Как режим законности, так и принцип разумности требуют знания законодательства, владения процедурными (процессуальными) методами и формами правоприменения. При этом разумность предполагает самоограничение интересов правоприменителя как в ситуации конфликта интересов, так и в области следования золотому прави-

лу нравственности. Разумность правоприменения во всех сферах и отраслях права, включая правоотношения, складывающиеся при исполнении наказаний в виде лишения свободы, не противостоит и не должна противостоять законности, может осуществляться только в условиях урегулированности общественных отношений, исключающих произвол и беспредельное усмотрение.

Это предполагает наличие у персонала уголовно-исполнительной системы необходимой профессионально-этической культуры и компетентности. Наконец, важным элементом обеспечения законности и разумности правоприменения выступают надзор и контроль.

Представляется крайне продуктивной точка зрения группы ведущих специалистов в области административного права о том, что в процессе контроля проверяется законность, целесообразность, а также и разумность деятельности персонала государственного управления.

Разумность является ограничителем произвола в правоприменении, представляет собой требование законности и справедливости во взаимоотношениях субъектов правоотношений уголовно-исполнительного характера, служит важным средством воспитательного воздействия на лиц, осужденных к лишению свободы.

В заключение следует отметить, что проблема разумности в праве за пределами цивилистики является новым направлением в российской правовой науке, обеспечивает процесс повышения эффективности уголовно-исполнительной политики государства и нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Разумность правоприменения в сфере исполнения наказаний в виде лишения свободы является необходимым теоретическим условием успешного осуществления реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Разумность и законность не могут реализоваться только на этапе исполнения наказания, они должны быть неотъемлемым свойством, существенным признаком деятельности всех структур уголовной юстиции и всех органов государственной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Винниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 190 с.

² См.: Милкин-Скопец М.А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 170 с.

¹ См.: Vinnichenko Ju.V. Razumnost' v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: Dis. ... kand. jurid. nauk. Irkutsk, 2003. 190 s.

² См.: Milkin-Skopec M.A. Princip razumnosti v libertarno-pravovom diskurse. Istoriko-pravovoe issledovanie: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. 170 s.

³ См.: Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, не-злоупотребление гражданскими правами. М., 2002. 160 с.

⁴ См.: Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

⁵ См.: Там же. 1994. № 1. С. 64–88.

⁶ См.: Там же. 1993. № 9. С. 110–120

⁷ См.: СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁸ См.: Определение Верховного Суда РФ от 11.01.2011 г. № 5-Г10-275.

⁹ См.: Милкин-Скопец М.А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

³ Sm.: Emel'janov V.I. Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami. M., 2002. 160 s.

⁴ Sm.: Vestnik VAS RF. 2009. № 11.

⁵ Sm.: Tam zhe. 1994. № 1. S. 64–88.

⁶ Sm.: Tam zhe. 1993. № 9. S. 110–120

⁷ Sm.: SZ RF. 1998. № 20. St. 2143.

⁸ Sm.: Opređenje Verhovnogo Suda RF ot 11.01.2011 g. № 5-G10-275.

⁹ Sm.: Milkin-Skopec M.A. Princip razumnosti v libertarno-pravovom diskurse. Istoriko-pravovoe issledovanie: Avtoref. ... kand. jurid. nauk. M., 2010. S. 8.

¹⁰ Sm.: SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

Проблемы применения ст. 125 УПК РФ

В.Б. МАЛИНИН – профессор Санкт-Петербургской юридической академии, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматриваются проблемы применения ст. 125 УПК РФ «Судебный порядок рассмотрения жалоб», в частности возможность обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного дела, иных решений и действий (бездействий), способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право; суд; судебное производство; судебный порядок рассмотрения жалоб.

The problem of application of article 125 of the Code of criminal procedure of the Russian Federation

V.B. MALININ – the professor of the St. Petersburg legal academy, the doctor of jurisprudence, the professor

The paper considers the problem of application of Article 125 of the Code, «The Trial, the complaints procedure», in particular, the possibility of appealing against the decision not to institute criminal proceedings, an order of pre-reduction of the criminal case, other decisions and actions (omissions), the method-GOVERNMENTAL cause damage to constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings, or hamper access to justice.

Key words: criminal procedural law; the court; the court production; judicial complaints procedure.

Осуществленные в Российской Федерации экономические и политические реформы привели к смене акцентов в правоприменительной деятельности государства в целом и в уголовно-процессуальной сфере в частности: на первое место вышли вопросы правовой защиты и гарантий прав и свобод человека. Расширилась судебная юрисдикция, устоявшиеся правила судопроизводства подверглись изменению. Посредством интенсивного законодательства в России началось становление независимой судебной власти.

Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации внес важные коррективы в действовавшую систему правосудия: суд был признан гарантом обеспечения конституционных прав и свобод личности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, где законом предусмотрены значительные ограничения таковых со стороны компетентных органов государства. В связи с этим были расширены контрольные функции суда, в компетенцию которого в соответствии с ч. 3 ст. 29 УПК

РФ вошло рассмотрение в досудебном производстве жалоб на действия (бездействия) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя. Судебный порядок такого рассмотрения установлен в ст. 125 УПК РФ.

Судебная практика показывает, что, несмотря на существование обжалования действий и решений должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях, еще в период действия УПК РСФСР, эта судебная процедура до сих пор остается несовершенной. Дважды с момента вступления в действие нового Уголовно-процессуального кодекса в ст. 125 вносились изменения: была уточнена подсудность жалоб, их рассмотрение было передано только районным (городским) судам независимо от категории уголовного дела (федеральный закон от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ), было расширено действие гласности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (федеральный закон от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ), однако это не устранило множества проблем в означенной сфере. При этом заметим, что от своевременного и правильного разрешения жалоб нередко зависит эффективность защиты прав личности в уголовном процессе.

Вопросы возникают уже при подаче жалобы, поскольку в законе не установлены требования, которым она должна соответствовать, и не определены действия судьи при отсутствии в жалобе необходимых для ее разрешения сведений.

Кроме того, к жалобе следует прикладывать документы – иначе как оценивать изложенные в ней доводы? Практика свидетельствует о разных вариантах разрешения ситуации упущения данного момента. Одни судьи постановлением оставляют без движения подобные жалобы, другие возвращают их письмом заявителю. Оба подхода заслуживают внимания и могут применяться до тех пор, пока закон не определит конкретные действия судьи на данном этапе. Так, вынесение постановления дает заявителю возможность его обжалования, но такое постановление незаконно как не предусмотренное законом, ведь аналогия права в уголовном судопроизводстве не должна применяться. Вместе с тем по уголовному делу частного обвинения согласно ст. 319 УПК РФ допускается возврат заявления лицу, его подавшему, для приведения в соответствие с указанными в законе требованиями. Направление заявления письмом тоже приемлемо, если в письме изложены

причины этого. Кроме того, такой возврат не препятствует повторному обращению в суд. И если в суд вновь поступает жалоба без требуемых изменений или доработанная частично, то у председательствующего при ее рассмотрении имеется возможность учесть, что заявителю предоставлялась возможность донести до суда необходимый перечень информации, чего не было сделано.

Помимо обращения по причине необходимости проверки действий (бездействий) должностных лиц, вытекающих из уголовно-процессуальной деятельности, заявители, их представители, адвокаты подозреваемых и обвиняемых могут обращаться с жалобой в суд в порядке ст. 125 УПК РФ без законных оснований. Следовательно, определение предмета обжалования при рассмотрении жалоб крайне важно, но бывает достаточно сложным из-за нечеткости в законе соответствующих критериев.

Кроме буквального толкования ч. 1 ст. 125 УПК РФ, указывающей на возможность обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного дела, иных решений и действий (бездействий), способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, необходимо учитывать практику Конституционного суда Российской Федерации, признавшего своими решениями допустимость обжалования в данном порядке постановлений прокурора об отмене постановления следователя о прекращении уголовного дела и возобновлении производства по делу; постановлений о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица; действий и решений органов дознания, следователя или прокурора, связанных с производством обыска, наложением ареста на имущество; постановлений о приостановлении производства по уголовному делу и продлению срока предварительного расследования; решений об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде; действий (бездействий) и решений органов расследования об отказе в выдаче документов и материалов, необходимых для использования по другим делам, а также непредоставления свиданий с близкими родственниками и ограничения права.

В настоящее время практика судов сложилась таким образом, что не подлежат рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ решения и действия, связанные со сбором доказательств и формулированием обви-

нения. Это правильно, так как они не порождают последствий, выходящих за рамки уголовно-процессуальных отношений, и не ограничивают конституционные права и свободы граждан, а также доступ к правосудию. При этом суд не вправе предрешать вопросы, которые могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу.

Тому, что законодателем не установлен конкретно предмет обжалования, есть объяснение. Во всяком случае это не позволяет оставить за пределами судебного контроля то, что иногда невозможно однозначно включить в исчерпывающий перечень. С другой стороны, прокурор, ответственный за реализацию уголовного преследования, находясь под постоянной опекой суда, теряет самостоятельность на стадии предварительного следствия. Наверное, это не совсем плохо, если учесть, что он согласно гл. 6 УПК РФ объявлен стороной обвинения, что не может не сказаться на объективности прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием.

Однако ст. 29 федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации» определяет предметом надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, соблюдение прав и свобод человека и гражданина непосредственно в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, противоречивое определение функций и задач прокурора в Уголовно-процессуальном кодексе по сравнению с федеральным законом «О Прокуратуре Российской Федерации» не только способствует фактическому превращению прокурора в посредника между следователем и судьей, но и смешивает процессуальные функции расследования и судопроизводства, что, несмотря на необходимость наличия норм гл. 16 УПК РФ, создает немало препон для действительного правосудия, одновременно увеличивая и без того немалый объем судебных разбирательств (иногда рассмотрение жалобы в соответствии со ст. 125 УПК РФ требует большего времени, чем впоследствии рассмотрение уголовного дела, из которого она вытекает).

Изложенное выше по поводу определения предмета обжалования свидетельствует о необходимости установления в законе круга действий и решений, не подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. Это позволит найти некую границу в использова-

нии на стадии предварительного следствия и дознания возможности контроля со стороны прокурора за действиями следователя и дознавателя и передать суду только исключительные моменты, подлежащие ревизии в судебном порядке. Но такие изменения в законе следует осуществлять одновременно с переосмыслением роли прокурора в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с ч. 5 ст. 125 УПК РФ по результатам рассмотрения жалобы судьей должно быть вынесено одно из следующих постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) оставлении жалобы без удовлетворения.

Вместе с тем на практике судьями принимаются и другие решения. Например, когда заявитель ошибается в предмете обжалования, судья или отказывает в принятии жалобы, или прекращает производство по ней в процессе рассмотрения. Выносятся также постановления об оставлении жалобы без рассмотрения. Судами второй инстанции такие решения в большинстве своем поддерживаются. Бесспорно, логика в этих действиях есть, однако они не предусмотрены законом. Кроме того, прекращение производства по жалобе должно в определенных ситуациях предусматривать невозможность повторного обращения с аналогичной жалобой, что тоже не определено законом. Следовательно, при существующих требованиях закона должно выноситься постановление об оставлении жалобы без удовлетворения, как то предписано, ведь оснований для ее удовлетворения судом нет.

К сожалению, процессуальные вопросы рассмотрения жалобы, помимо обозначенных выше, то и дело встают в процессе производства по ней.

Каковы, например, сроки подачи жалобы? Если рассмотреть жалобу после принятия решения по уголовному делу, в пределах которого она заявлена, то возможны взаимоисключающие решения по одному и тому же обстоятельству.

Надо ли выносить постановление о назначении жалобы? Решая положительно этот вопрос, нельзя забывать, что, например, постановления о назначении судебного заседания по уголовному делу подлежат обжалованию. Как быть в этом случае, если учесть, что судья допускает отказы в приеме жалобы к производству и также выно-

сит постановления об этом? Логично предположить, что противоположная заявителю сторона может не согласиться с принятым решением о назначении жалобы к слушанию и вправе требовать обжалования соответствующего постановления.

Какие права необходимо разъяснять участвующим в судебном процессе сторонам и кто, наконец, эти стороны, кроме заявителя? Очевидно, что в любом случае следует привлекать всех заинтересованных лиц, в первую очередь потерпевшего, если он имеется. В то же время должностные лица, чьи решения или действия обжалуются, не могут привлекаться к участию в деле. В силу ч. 1 ст. 37 УПК РФ к участию в процессе должен привлекаться прокурор, осуществляющий надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, действия которых обжалуются.

Допрашивать ли свидетелей? Скорее всего, в исключительных случаях это возможно, но такие свидетельства должны приниматься в форме пояснений, без предупреждения допрашиваемого об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний.

Исходя из каких критериев определен пятидневный срок рассмотрения жалобы?

Кроме того, не предусмотрена форма жалобы. Возникают ситуации, когда в одной жалобе обжалуется несколько решений и действий. Есть случаи подачи жалоб несколькими заявителями.

И, наконец, кто должен осуществлять контроль за исполнением судебных постановлений, рассмотренных в порядке ст. 125 УПК РФ?

Итак, подводя итог, хотелось бы обратить внимание на то, что применение ст. 125 УПК РФ на практике вызывает много вопросов. Это особенно заметно на примере исследования одной небольшой главы кодекса.

Понятно, что при издании кодекса изучались особо актуальные вопросы уголовного судопроизводства, а более частные моменты ушли из поля зрения. Но при этом многочисленные и нередкие изменения в законе порождают много ошибок при его применении.

Поэтому, не оспаривая очевидную необходимость совершенствования многочисленных положений нового кодекса, хотелось бы сориентировать законодателей на фундаментальное принятие решений по внесению изменений в закон, по возможности без допущения неоднократных корректировок тех или иных норм. ■

Суд присяжных в системе деятельности органов, осуществляющих предварительное следствие и судебное разбирательство

А.А. ИЛЬУХОВ – докторант кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук

В статье исследованы отдельные аспекты участия присяжных заседателей при рассмотрении судами уголовных дел, рассмотрена их роль в постановлении приговора, общей системе деятельности органов, осуществляющих производство по уголовному делу, и деятельности суда по осуществлению правосудия без элементов обвинительного уклона.

Ключевые слова: присяжные заседатели; суд; органы предварительного расследования; судебное разбирательство.

Jury trial in the system of the bodies carrying out preliminary investigation and hearing

A.A. ILYUKHOV – a person working for doctor's degree of the chair of management of crime investigating bodies of the Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The author examines some aspects of jury's participation in the hearing process of criminal cases by a court, the jury's role in passing a sentence and in the whole system of the criminal investigative bodies in order to improve their performance quality and courts in the process of administering justice without accusatorial elements.

Key words: jury; a court; bodies of preliminary investigation; trial.

Исследуя деятельность суда присяжных заседателей в ходе уголовного судопроизводства, следует отметить наличие определенной степени его влияния на эффективность функционирования органов предварительного следствия. Это объясняется тем, что объективность вынесенного вердикта достигается лишь при условии минимизации со стороны органов предварительного следствия допущения нарушений уголовно-процессуального законодательства и ошибок, возникновение которых приводит к признанию доказательств недопустимыми.

Ошибки эти носят разноплановый характер и проявляются в следующем: возбуждение уголовного дела, когда следователь не получил соответствующего согласия руководителя следственного органа; непринятие официально уже возбужденного уголовного дела к производству и его расследование; нарушение права обвиняемого пользоваться услугами защитника или переводчика; непроведение обязательной по конкретному уголовному делу экспертизы;

неознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела или неразрешение заявленных ходатайств, а также предъявление обвинения с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства (неточная формулировка, допущение расхождений между описанием фактических обстоятельств содеянного и юридических признаков инкриминируемого обвиняемому деяния); допущение расхождения между содержанием обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и содержанием обвинения вводной, а особенно резолютивной частей обвинительного заключения; неполучение подписи прокурора на обвинительном заключении и т.д. Наличие указанных нарушений в деятельности следователя указывает на низкий уровень расследования, что в свою очередь напрямую влияет и на качество отправления правосудия в суде с участием присяжных заседателей.

Как свидетельствует следственная и судебная практика, недостаточное развитие

научных методов сбора, проверки и оценки доказательств, низкое профессиональное мастерство следователей, дознавателей, порой их нежелание качественно выполнять свои профессиональные обязанности и добиваться положительных результатов в расследовании преступлений является причиной вынесения присяжными заседателями оправдательных приговоров. Поэтому функционирование суда с участием присяжных заседателей является своего рода индикатором эффективности работы органов предварительного расследования, что порой вызывает неоднозначную оценку его деятельности со стороны правоохранительных органов. Помня, что присяжные являются не профессиональными судьями, а судьями «факта», следователь для формирования у них объективного понимания всех обстоятельств исследуемого события должен максимально полно и доступно изложить имеющуюся информацию даже не с юридических позиций, а в контексте обывательского представления о данной конкретной ситуации.

По поводу распространенного среди сотрудников правоохранительных органов мнения о том, что суды присяжных осложнили борьбу с преступностью, председатель Кассационной палаты Верховного Суда Российской Федерации А.П. Шурыгин справедливо заметил, что «новая форма судопроизводства осложнила борьбу с преступностью только тем, кто борется с нею не умеючи, то есть не зная либо сознательно нарушая действующие уголовно-процессуальные нормы закона, считая их пустой формальностью»¹.

Высказанное мнение подтверждается статистическими данными. В частности, в директиве МВД России от 13.10.2008 г. «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел МВД России в 2009 г.» указывается, что «за период 2007–2008 гг. ухудшилась работа по раскрытию преступлений. Отрицательная динамика по установлению лиц, причастных к совершению преступлений, отмечается в работе как дознавателей, так и следователей органов внутренних дел». С учетом вышеизложенного в качестве одного из приоритетных направлений деятельности системы МВД России в 2009 г. было определено повышение результативности работы органов предварительного расследования в системе МВД России².

В целом, по статистическим данным МВД России за 2006–2009 гг., почти половина только зарегистрированных преступлений

осталась нераскрытой³, лица, их совершившие, не были наказаны, конституционное право граждан на защиту от преступных посягательств в большинстве случаев оказалось незащищенным.

Все это позволяет констатировать, что, несмотря на то, что центральной стадией в уголовном судопроизводстве является суд, предварительное следствие выступает той основой, которая формирует доказательственную базу в суде, посредством которой государственный обвинитель отстаивает свою позицию относительно виновности подсудимого.

Сказанное лишним раз подтверждает аксиому о необходимости полного, всестороннего, качественного исследования всех обстоятельств уголовного дела, что требует как от следователя, так и от профессионального судьи не только знания права, но и владения методикой получения и исследования доказательств с ориентацией на непрофессиональных судей. В противном случае суд с участием присяжных заседателей, выявив недостатки и ошибки, допущенные в ходе предварительного следствия, придет к выводу об отсутствии достаточных оснований для вынесения обвинительного вердикта. В отличие от коронных судов, где нередко присутствует обвинительный уклон, суд присяжных не связан никакой корпоративной этикой и морально-нравственными стереотипами, лишаящими судей объективности при принятии того или иного решения.

В ходе разрешения вопросов о виновности в условиях информационного равновесия обвинительный уклон судьи проявляется в том, что он нередко руководствуется не презумпцией невиновности, а презумпцией достоверности материалов и выводов предварительного следствия, которые отражены в обвинительном заключении.

Еще ученый-юрист дореволюционного России профессор Л.Е. Владимиров писал: «Чтение актов предварительного следствия предубеждает судью. Помимо своей воли он составляет себе определенное убеждение о деле. Такой судья невольно будет рассматривать судебное следствие не как самостоятельное исследование истины, а только как повторение, проверку следствия предварительного, судья не может не иметь известного убеждения о деле, когда он приступает к судебному следствию»⁴.

Отличительная же особенность деятельности суда с участием присяжных состоит в том, что в соответствии с презумпцией невиновности возможно принятие им только

одного правильного и справедливого решения – оправдание подсудимого, признание его невиновным. Свое решение присяжные базируют на «человеческой» оценке легальных доказательств, осуществляемой с позиций здравого смысла и житейского опыта. Причем в отличие от профессиональных судей они не знакомятся с материалами предварительного расследования, и их мнение формируется только на основе результатов судебного следствия.

Формированию и закреплению у профессионального судьи обвинительного уклона при оценке доказательств способствует и такой мощный социально-психологический фактор, как личный опыт, свидетельствующий о том, что в подавляющем большинстве случаев лица, которых следствие обвинило в совершении преступления, фактически оказываются преступниками. В сознании судьи возникает условно-рефлекторная связь между двумя явлениями: подсудимым и преступником.

Представленное мнение подтверждается и историческими данными. В России XV–XIX вв. основная роль отводилась той стороне, которая обвиняла, так как именно на ее долю приходилась сборка и представление доказательств, которые были необходимы суду для принятия решения о виновности либо невиновности лица. Обвиняемому надлежало изыскивать доказательства своей невиновности, в случае отсутствия либо недостаточности которых считалось, что он виновен. Причем доказательствами призна-

вались не факты, относящиеся к событию преступления, а действия сторон: ордалии, поединки, ритуальная присяга. Судебные решения основывались на существовавших в те времена предрассудках. Налицо был не демократический, а инквизиционный процесс, который просуществовал вплоть до Судебной реформы 1864 г. С этого момента в России стал действовать так называемый смешанный (континентальный) уголовный процесс, заключающийся в сочетании инквизиционного (розыскного) и состязательного типов процессов, который сохранился до настоящего времени. Именно реформа 1864 г. создала предпосылки для возникновения в России суда с участием присяжных заседателей, способного максимально полно реализовать состязательные начала уголовного судопроизводства.

По сути, суд с участием присяжных заседателей обладает двойственной природой: во-первых, он является коллегиальным органом отправления правосудия с участием представителей народа; во-вторых, представляет собой своеобразный орган социального контроля общественности за судебной властью⁵.

Таким образом, необходимость суда с участием присяжных заседателей объясняется его особой ролью в общей системе деятельности как органов, осуществляющих производство по уголовному делу (служит целям повышения качества их работы), так и суда (осуществление правосудия без элементов обвинительного уклона).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчет председателя Кассационной палаты Верховного Суда Российской Федерации А.П. Шурыгина о деятельности судов общей юрисдикции за 2007 г. М., 2008. С. 27.

² См.: Директива МВД России от 13.10.2008 г. № 218 «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России, ФМС России в 2009 г.».

³ См.: <http://www.mvd.rustats>

⁴ Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Харьков, 1877. С. 61.

⁵ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. М., 1996. Т. 1. С. 113.

¹ Otchet predsedatelja Kassacionnoj palaty Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii A.P. Shurygina o dejatel'nosti sudov obwey jurisdikcii za 2007 g. M., 2008. S. 27.

² Sm.: Direktiva MVD Rossii ot 13.10.2008 g. № 218 «O prioritetnyh napravlenijah dejatel'nosti organov vnutrennih del i vnutrennih vojsk MVD Rossii, FMS Rossii v 2009 g.».

³ Sm.: <http://www.mvd.rustats>

⁴ Vladimirov L.E. Sud prisjazhnyh. Har'kov, 1877. S. 61.

⁵ Sm.: Fojnickij I.Ja. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. M., 1996. T. 1. S. 113.

Проблемы правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений УИС с иными органами, осуществляющими ОРД

А.В. КУДРЯВЦЕВ – заместитель начальника кафедры организации оперативной работы Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы с другими правоохранительными органами. Автор анализирует проблемы правового характера, возникающие в рамках данной деятельности. На основе анализа делается вывод о целесообразности изменения и дополнения ряда нормативных правовых актов.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; взаимодействие; уголовно-исполнительная система.

Problems of legal regulation of interaction of operative divisions of criminally-executive system with other bodies which are carrying out operatively-search activity

A.W. KUDRYAWTSEV – candidate of legal science, associate professor of Vladimir institute of law of the Ministry of justice.

The questions of legal regulation of cooperation of penal subdivisions and law machinery are examined in the article. The author analyses legal problems arising in this activity. On basis of the analysis the author draws a conclusion of reasonability of alteration and supplement of several legal texts.

Key words: operative-research activity; penal system; cooperation.

Использование понятия «взаимодействие» характерно для многих наук, как технических, так и гуманитарных и общественных. Это прежде всего связано с тесной интеграцией различных научных знаний через постановку общих задач и выработку общего понятийного и категорийного аппарата, выработку общего языка и терминологии, с широким использованием достижений, накопленных фундаментальными науками, например философией, более «молодыми», но бурно развивающимися научными направлениями.

В науке управления распространена точка зрения о том, что взаимодействие – это одна из форм управления как направленного воздействия, осуществляемого для достижения конкретной цели. При взаимодействии системные образования взаимно дополняют друг друга, создают условия для успешного функционирования всей системы¹.

Также взаимодействие рассматривается как взаимное согласование действий двух

и более служб, отдельных, не подчиненных друг другу участников управления, совместно решающих какую-либо общую задачу².

В теории ОРД существует несколько понятий взаимодействия, однако их анализ показывает, что в них имеются общие признаки, характеризующие сущность данного термина.

Во-первых, к ним можно отнести такое качество, как согласованность этой деятельности по задачам, направлениям и времени³. Во-вторых, эта деятельность основывается на законах и подзаконных нормативных правовых актах. В-третьих, взаимодействие последовательно характеризуется наличием единой цели согласованных действий, предполагающей своевременное предупреждение, быстрое и полное раскрытие преступлений, розыск скрывшихся преступников.

В.М. Аتماжитов существенно дополняет эти характеристики, отмечая, что взаимодействие многоаспектно, оно может носить уголовно-процессуальный, оперативно-

розыскной, административный, организационно-управленческий характер, оно осуществляется с «применением наиболее целесообразного сочетания присущих взаимодействующим субъектам сил, средств и методов»⁴.

А.Г. Лекарь под взаимодействием понимает «совместные или согласованные по времени, месту и целям действия двух или более аппаратов (органов) по решению конкретных задач борьбы с преступностью»⁵.

Д.В. Гребельский в своей работе указывает, что при этом взаимодействующие органы осуществляют управление в одной отрасли государственной деятельности (борьба с преступностью), функционирующей с одной общей целью⁶.

А.Ю. Шумилов, давая понятие взаимодействия субъектов ОРД, отмечает, что оно заключается в совместной согласованной по целям, задачам, лицам, месту и времени деятельности (сотрудничестве) самостоятельных в организационном отношении субъектов ОРД⁷.

Необходимо отметить, что вопросы организации взаимодействия в правоохранительных органах подвергались специальным исследованиям. В публикациях довольно подробно освещены сущность, формы, направления и виды взаимодействия. Кроме того, данная деятельность по своему содержанию является сложной и многогранной, поэтому в научной литературе встречается несколько критериев ее классификации: по характеру связей, времени, функциям, отношению к системе, степени конспирации, этапам осуществления, субъектам. Все эти, а также другие аспекты взаимодействия отражены и в теории ОРД⁸.

Однако на современном этапе развития УИС взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России с иными органами, осуществляющими ОРД, нуждается в дополнительном изучении.

Необходимость указанного взаимодействия, по мнению ученых и практиков, обусловлена рядом объективных факторов. Так, среди прочих Е.Н. Билоус и Н.Н. Васильев выделяют следующие: реформирование уголовно-исполнительной системы и передачу ее из МВД в Минюст России, наличие набора криминогенных факторов⁹.

Проведенный нами опрос оперативных работников УИС позволил сделать ряд наблюдений. При ответе на вопрос «Возможно ли, по Вашему мнению, эффективное осуществление ОРД в УИС без взаимодействия с оперативными подразделениями иных

органов?» 79,8% респондентов указали на невозможность осуществления данной деятельности, 13,6% опрошенных не считают взаимодействие с оперативными подразделениями иных органов необходимым для качественного осуществления ОРД в УИС, 6,6% респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос.

Кроме того, необходимость осуществления взаимодействия оперативных подразделений органов и учреждений УИС и иных правоохранительных органов закреплена в целом ряде нормативных правовых актов.

Так, ст. 14 федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает, в частности, обязанность органов, уполномоченных на осуществление ОРД, по информированию других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность на территории России, о ставших им известными фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов, и оказанию этим органам необходимой помощи.

В соответствии со ст. 13 федерального закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» учреждения, исполняющие наказания, обязаны в пределах своей компетенции оказывать содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

В соответствии с требованиями ст. 84 УИК РФ одной из задач оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях является содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

В соответствии с п. 6 Положения о ФСИН России¹⁰ данный орган осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями. В качестве полномочий ФСИН России данный нормативный правовой акт называет в пп. 4 п. 7 организацию взаимодействия территориальных органов ФСИН России с территориальными органами других федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, правоохранительными

органами, а также с общественными и религиозными объединениями.

Основной проблемой правового характера в сфере правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений в целом и оперативных подразделений УИС в частности является, на наш взгляд, явная недостаточность и фрагментарность правовых норм, регламентирующих данный процесс как на федеральном, так и на ведомственном (межведомственном) уровнях.

По нашему мнению, закон «Об ОРД» должен более детально регламентировать столь важную составляющую оперативно-розыскной деятельности, коей является взаимодействие оперативных подразделений. Пункт 4 ст. 14 данного закона, во-первых, четко указывает лишь на одну из форм совместной деятельности оперативных подразделений, а именно на обмен информацией о ставших им известными фактах противоправной деятельности. Во-вторых, в нем чересчур размыто указывается на необходимость оказывать этим органам необходимую помощь, не конкретизируя, в каких случаях может возникнуть подобная необходимость и в чем может заключаться указанная помощь. Подобный подход законодателя к содержательной стороне этой нормы не может быть признан удовлетворительным и требует изменения.

Федеральный закон «Об ОРД» как базовый нормативный правовой акт, регламентирующий данную деятельность, как нам представляется, должен содержать в своей конструкции отдельную статью «Взаимодействие органов, осуществляющих ОРД», в которой целесообразно закрепить определение понятия совместной деятельности, ее принципы, цели и задачи, а также иные существенные аспекты.

Ранее нами обосновывалась необходимость включения в редакцию УИК РФ главы, регламентирующей осуществление оперативно-розыскной деятельности в УИС¹¹. Считаем целесообразным включить в нее статью, регламентирующую взаимодействие оперативных подразделений УИС с иными субъектами ОРД. Данная норма конкретизирует предлагаемую выше статью закона «Об ОРД» применительно к УИС, указав цели и задачи совместной деятельности в рамках исполнения уголовных наказаний, назвав основные формы и направления данной деятельности, общие подходы к компетенции взаимодействующих субъектов и т.п.

Что касается ведомственного регулирования взаимодействия в сфере ОРД, то главной проблемой правового обеспечения взаимодействия, поднимаемого практически всеми исследователями, является отсутствие до настоящего времени единого подзаконного акта (приказа, инструкции, наставления и т.п.), который регулировал бы в рамках оперативно-розыскной деятельности взаимодействие всех ее участников¹².

Сейчас каждый государственный орган, уполномоченный на осуществление оперативно-розыскной деятельности, принимает свои нормативные акты, регламентирующие ее организацию и тактику, в которых отражаются ведомственные традиции и подходы. Эти нормативные акты между собой не согласованы и, вполне естественно, по-разному регламентируют проведение одних и тех же действий и мероприятий. На практике это означает существование ведомственных подходов к толкованию законодательных норм, что вряд ли оправданно.

Совершенствование ведомственного нормативного регулирования данной деятельности должно, на наш взгляд, идти по пути унификации, то есть приведения к единообразию тех нормативных актов, которые регулируют взаимодействие субъектов ОРД. Для придания указанному взаимодействию целенаправленного, системного характера, по нашему глубокому убеждению, необходима разработка и введение в действие единой межведомственной инструкции по взаимодействию оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД. В рамках ее разработки необходимо обязательное обсуждение ее содержания полномочными представителями всех заинтересованных служб, известных ученых – специалистов в сфере оперативно-розыскной деятельности. Введение в действие такой инструкции позволит в дальнейшем успешно преодолевать ведомственную разобщенность, которая сейчас имеет место на практике, усовершенствовать правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, проблемы правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России с иными органами, осуществляющими ОРД, должны найти свое разрешение с тем, чтобы существенным образом повысить эффективность данного направления оперативно-розыскной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Туманов Г.А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972. С. 93.

² См.: Основы управления в органах внутренних дел: Учеб. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.П. Коренева. М., 2001. С. 84.

³ См.: Дедюхин В.В., Канцарин Ф.Г. Взаимодействие частей и служб исправительно-трудовых учреждений в борьбе с правонарушениями среди осужденных. М., 1978. С. 4.

⁴ См.: Аتماжитов В.М. Проблемы взаимодействия аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений: Учеб. пособие. М., 1981. С. 16.

⁵ Лекарь А.Г. Предотвращение преступлений органами охраны порядка: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. С. 308.

⁶ См.: Гребельский Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности ОВД. М., 1977. С. 90.

⁷ См.: Оперативно-розыскная энциклопедия / Авт.-сост. А.Ю. Шумилов. С. 33.

⁸ См., напр.: Аتماжитов В.М. Проблемы взаимодействия аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений; Кулаков В.С. Правовые и организационно-тактические вопросы взаимодействия оперативных подразделений криминальной милиции и органов, исполняющих уголовные наказания, в раскрытии преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; Лукашов В.А. Организация взаимодействия оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел. Омск, 1982 и др.

⁹ См.: Билоус Е.Н., Васильев Н.Н. Новым условиям – новый уровень взаимодействия // ОРР. 2000. № 2. С. 79–80.

¹⁰ Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1314 «Вопросы ФСИН России».

¹¹ См.: Кудрявцев А.В. Оперативно-режимное обеспечение отбывания наказания в виде лишения свободы: Моногр. / Под общ. ред. К.К. Горяинова. Владимир, 2009. С. 38.

¹² См.: Емельянов С.Н., Баландин Д.А. Взаимодействие оперативных аппаратов учреждений УИС с оперативными подразделениями: Учеб.-метод. пособие. М., 2004.

¹ См.: Tumanov G.A. Organizacija upravljenja v sfere ohrany obvestvennogo porjadka. M., 1972. S. 93.

² См.: Osnovy upravlenija v organah vnutrennih del: Učeb. / Pod red. dra jurid. nauk, prof. A.P. Koreneva. M., 2001. S. 84.

³ См.: Dedjuhin V.V., Kancarin F.G. Vzaimodejstvie chastej i sluzhb ispravitel'notrudovyh uchrezhdenij v bor'be s pravonarushenijami sredi osuzhdennyh. M., 1978. S. 4.

⁴ См.: Atmazhitov V.M. Problemy vzaimodejstvija apparatov ugolovnogo rozyska s drugimi sluzhbami gorrajorganov vnutrennih del pri raskrytii prestuplenij: Učeb. posobie. M., 1981. S. 16.

⁵ Lekar' A.G. Predotvrazenie prestuplenij organami ohrany porjadka: Dis. ... dra jurid. nauk. M., 1967. S. 308.

⁶ См.: Grebel'skij D.V. Teoreticheskie osnovy i organizacionno-pravovye problemy operativnorozysknoj dejatel'nosti OVD. M., 1977. S. 90.

⁷ См.: Operativnorozysknaja jenciklopedija / Avt.-sost. A. Ju. Shumilov. S. 33.

⁸ См., напр.: Atmazhitov V.M. Problemy vzaimodejstvija apparatov ugolovnogo rozyska s drugimi sluzhbami gorrajorganov vnutrennih del pri raskrytii prestuplenij; Kulakov V.S. Pravovye i organizacionnotakticheskie voprosy vzaimodejstvija operativnyh podrazdelenij kriminal'noj milicii i organov, ispolnjajuvih ugolovnye nakazanija, v raskrytii prestuplenij: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1996; Lukashov V.A. Organizacija vzaimodejstvija operativnorozysknyh apparatov organov vnutrennih del. Omsk, 1982 i dr.

⁹ См.: Bilous E.N., Vasil'ev N.N. Novym uslovijam – novyj uroven' vzaimodejstvija // ORR. 2000. № 2. S. 79–80.

¹⁰ Utverzhdeno Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.10.2004 g. № 1314 «Voprosy FSIN Rossii».

¹¹ См.: Kudrjavcev A.V. Operativnorezhimnoe obespechenie otbyvanija nakazanija v vide lishenija svobody: Monogr. / Pod obw. red. K.K. Gorjainova. Vladimir, 2009. S. 38.

¹² См.: Emel'janov S.N., Balandin D.A. Vzaimodejstvie operativnyh apparatov uchrezhdenij UIS s operativnymi podrazdelenijami: Učeb.metod. posobie. M., 2004

Место прокуратуры в современном государственном аппарате России

И.А. ТЕРЕНТЬЕВ – аспирант кафедры административного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина

Статья посвящена рассмотрению проблемы определения места прокуратуры Российской Федерации в современном государстве как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Автором делается достаточно оригинальный вывод об отнесении прокуратуры к президентской власти.

Ключевые слова: прокуратура; разделение властей; Президент; органы исполнительной власти; государственный аппарат.

Public prosecutor's office place in modern Russian state machinery

I.A. TERYTYEV – graduate student of chair of administrative law of the Moscow state legal academy of a name of O.E. Kutafin.

Article is devoted to investigation of the public prosecutor's office place in modern Russian state machinery. They study both theoretical and practical aspects of the problem. They do rather original conclusion that the public prosecutor's office is a part of presidential power.

Key words: public prosecutor's office; separation of powers; President; bodies of executive power; state machinery.

Вопрос о роли прокуратуры в современном государстве вызывал и продолжает вызывать немало споров. Представляется необходимым законодательно закрепить место этого органа среди других элементов государственного аппарата с тем, чтобы дать ему возможность полноценно действовать в соответствии с обозначенными целями. Однако предвзятый подобный шаг должна серьезная теоретическая проработка проблемы.

Ключевым моментом при определении места государственного органа в составе всего государственного аппарата практически в любом современном исследовании на подобную тематику является опора на теорию разделения властей. Исходя из функционального назначения органов государства, а также их политической взаимозависимости выделяются различные ветви власти, которые с учетом характера полномочий элементов государственного аппарата, в них входящих, самостоятельно функционируют в пределах собственной компетенции, но при этом уравнивают друг друга и взаимодействуют между собой¹. Такой подход отражен в ст. 10 Конституции Российской Федерации: «Государственная власть

в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

Несмотря на то, что на сегодняшний день Конституция Российской Федерации содержит ст. 129, гласящую, что прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации, а также указывающую на установление федеральным законом полномочий, организации и порядка деятельности прокуратуры, должной ясности в обозначенной сфере нет. Более того, в сравнении с Конституцией РСФСР, принятой в 1978 г. и сохранившей отдельную гл. 22 «Прокуратура», названная норма вносит больше разногласий. К примеру, ст. 179 Конституции РСФСР 1978 г. четко устанавливала рамки независимости прокуратуры относительно иных органов государственной власти: «Органы прокуратуры Российской Федерации составляют единую систему и осуществляют свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь

только Генеральному прокурору Российской Федерации». Сам же Генеральный прокурор назначался на должность Верховным Советом, что дало основание некоторым исследователям считать прокуратуру органом законодательной власти, ее контрольным механизмом². Однако же факт назначения Генерального прокурора Верховным Советом относит прокуратуру к органам законодательной власти так же, как соответствующее назначение Председателя Совета министров относит к законодательной власти Совет министров³.

Сегодня назначение Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Генерального прокурора, осуществляющего руководство системой органов прокуратуры, не дает Совету Федерации практически никакого серьезного влияния на прокуратуру, хотя некоторые ученые и считают, что последняя действует по полномочию и под контролем законодательной власти⁴. Генеральный прокурор назначается по представлению Президента России, а члены Совета Федерации, согласно ст. 95 Конституции Российской Федерации, являются представителями исполнительных и представительных органов государственной власти субъектов Федерации. Учитывая современную зависимость органов государственной власти субъектов Федерации от Президента и подчиненных ему должностных лиц, представляется маловероятным отклонение представленных кандидатур, как это было в первые десять лет существования нашего государства. К примеру, представленная Президентом Российской Федерации для назначения на должность Генерального прокурора кандидатура была отклонена постановлениями Совета Федерации от 25.04.1994 г. № 99-І СФ и от 25.10.1994 г. № 221-І СФ; предложение Президента Российской Федерации об освобождении от должности Генерального прокурора отклонялось постановлениями Совета Федерации от 17.03.1999 г. № 78-СФ, от 21.04.1999 г. № 154-СФ и от 13.10.1999 г. № 396-СФ. Все это прямо свидетельствует об отсутствии у Совета Федерации реальной возможности оказывать давление на прокуратуру.

Точно так же и ежегодный доклад о состоянии законности и правопорядка, представляемый Совету Федерации Генеральным прокурором, не может служить основанием для утверждения о наличии контроля со стороны законодательной власти над системой органов прокуратуры. Подобный отчет выполняет лишь информационную функцию.

Отнесение прокуратуры к органам исполнительной власти, на наш взгляд, имеет под собой чуть больше оснований. Органы прокуратуры независимы в своей деятельности от органов исполнительной власти, что гарантируется ст. 5 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Тем не менее действующее законодательство содержит положения, позволяющие вести речь о наличии некоторого влияния органов исполнительной власти на прокуратуру. Здесь имеется в виду факт участия органов исполнительной власти в назначении прокуроров. Как было сказано выше, Генеральный прокурор назначается Советом Федерации, члены которого являются в том числе и представителями исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Кроме того, ч. 1 ст. 13 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» гласит, что «прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются на должность Генеральным прокурором Российской Федерации по согласованию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, определяемыми субъектами Российской Федерации». В большинстве случаев органы исполнительной власти участвуют в согласовании назначения на должность прокурора субъекта, как это, например, закреплено в областном законе Ленинградской области от 01.10.2010 г. № 51-оз «О порядке согласования назначения на должность прокурора Ленинградской области». Статья 1 названного акта «Органы государственной власти Ленинградской области, осуществляющие согласование назначения на должность прокурора» гласит: «Органами государственной власти Ленинградской области, осуществляющими согласование назначения на должность прокурора, являются Губернатор Ленинградской области и Законодательное собрание Ленинградской области».

Важным является и то, что законом ограничены возможности прокуратуры в осуществлении надзора за деятельностью Правительства Российской Федерации, реализующего согласно ст. 110 Конституции Российской Федерации исполнительную власть в Российской Федерации. Чтобы проиллюстрировать это положение достаточно обратиться к ст. 24 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: «В случае несоответствия постановлений Правительства Российской Федерации Конституции Российской Федерации и

законам Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации информирует об этом Президента Российской Федерации». По сути, все, что может сделать прокуратура, это ждать решения Президента. Правительство уходит из-под влияния прокуратуры, имея при этом большое количество полномочий, связанных с определением ее финансовой и материально-технической базы. Так, например, «прокуроры, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, обеспечиваются в соответствии с нормами, установленными законодательством Российской Федерации, отдельными жилыми помещениями, приобретаемыми за счет средств федерального бюджета, выделяемых на эти цели органам Прокуратуры Российской Федерации в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации» (ч. 4 ст. 44 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Более того, в полномочия Следственного комитета Российской Федерации, федерального органа исполнительной власти, входят проверка сообщений о преступлениях, совершенных прокурорами, возбуждение в отношении прокуроров уголовных дел (за исключением случаев, когда прокурор застигнут при совершении преступления) и осуществление их предварительного расследования (ст. 42 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Таким образом, наблюдается явный дисбаланс в сфере взаимного влияния прокуратуры и исполнительной власти, который, впрочем, уравнивается сильной президентской властью над ними обеими.

Сомнительно отнесение прокуратуры к судебной власти. Конституция включает положения о прокуратуре, содержащиеся в ст. 129, гл. 7 «Судебная власть», фактически не обнаруживая никакой реальной связи, позволяющей обосновать передачу системы органов прокуратуры под контроль судебной власти. Это «хотя и нацеливает на сотрудничество с судом, но в большей степени носит юридико-технический, чем конституционный характер»⁵. Такое расположение названной статьи связано с тем, что «в процессе подготовки проекта новой Конституции Российской Федерации была предпринята попытка ограничения роли прокуратуры выполнением лишь судебно-процессуальных функций и исключением функции надзора из сферы ее деятельности»⁶. В настоящее время в научной литературе нередко предложения об удалении статьи о прокуратуре из гл. 7 и даже о включении в Конституцию Россий-

ской Федерации специального раздела, посвященного только системе органов прокуратуры⁷. Реального влияния судебной власти на прокуратуру в современном законодательстве не предусмотрено, чем, впрочем, не обладает и прокуратура по отношению к судебной власти, что ясно свидетельствует об их независимости друг от друга. Единственным существенным аргументом сторонников отнесения прокуратуры к области судебной власти является поддержание государственного обвинения в суде⁸.

Некоторые исследователи включают прокуратуру в правоохранительную власть⁹. При этом туда же, по их мнению, входят не только правоохранительные органы исполнительной власти, но и суды, то есть, по сути, вся судебная власть. Данное утверждение противоречит действующему законодательству, в том числе Основному Закону, устанавливающему судебную и исполнительную власть, но не признающему правоохранительную.

Есть ученые, которые придерживаются той точки зрения, что прокуратура, не представляя ни одну ветвь власти, «осуществляет правоохранительную функцию без каких-либо административных полномочий, не входит и не должна входить ни в одну из систем»¹⁰. Прокуратуру также называют частью системы сдержек и противовесов¹¹.

Высказывается мнение о существовании прокурорской власти. К примеру, Н.В. Мельников выступает за включение в Конституцию Российской Федерации следующей фразы: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную, судебную и прокурорскую»¹². Многие ученые в советский период придерживались сходных воззрений. И.Е. Фарбер писал, что «прокурорский надзор в Советском государстве есть особая деятельность социалистического государства, основанная на демократических принципах и представляющая собой форму осуществления государственной власти»¹³. С.Г. Березовская, В.Ф. Коток, Г.И. Бровин указывали на особый характер прокурорского надзора и признавали отношения, возникающие по его поводу, в качестве государственно-властных¹⁴.

Подобная точка зрения была распространена в советской юридической науке в том числе и благодаря господствовавшим тогда в теории государства взглядам. В частности, из-за отсутствия признания теории разделения властей выделялись следующие формы государственной деятельности:

деятельность представительных органов (государственная власть), исполнительно-распорядительная деятельность (государственное управление), правосудие и прокурорская деятельность¹⁵. В настоящее время приоритет политической теории разделения властей обуславливает и законодательное закрепление только положений о наличии трех ветвей власти. Выводы о существовании отличных ветвей власти или форм государственной деятельности остаются лишь плодом теоретических изысканий.

Между тем возможность влияния иных элементов государственного аппарата на прокуратуру, несмотря на формально провозглашенную в федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» недопустимость вмешательства в ее деятельность, не дает оснований для выделения прокурорской власти.

Анализ современного законодательства и сложившейся политической ситуации, на наш взгляд, заставляет признать наиболее верной точку зрения Р.Д. Курбанова. Этот исследователь относит прокуратуру (предлагая внесение необходимых изменений в законодательство, включая и Конституцию Российской Федерации) к органам президентской власти, то есть органам, непосредственно подчиненным Президенту Российской Федерации. По мнению Р.Д. Курбанова, такое положение соответствует статусу Президента как гаранта Конституции Российской Федерации, главы государства и отвечает историческому назначению прокуратуры как «ока государева»¹⁶. Нам в связи с этим хотелось бы уточнить, что включение прокуратуры в президентскую власть – не дело будущих изменений законодательства, а современная реальность, вытекающая непосредственно из полномочий Президента Российской Федерации и подтверждающаяся сложившимися на данный момент отношениями между Президентом и системой органов прокуратуры. «Исполнительной властью мы именуем президентскую рать по инерции, под гипнозом идеи разделения властей. На самом деле это пока еще административная власть, явно подавляющая иные ветви власти, провозглашенные в Конституции РФ 1993 г. как самостоятельные»¹⁷. Полномочия Президента, закрепленные в Конституции, дают ему возможность управления как исполнительной вертикалью, так и органами прокуратуры. И именно фактическое подчинение прокуратуры Президенту, который сегодня дает поручения непосредственно Генеральному прокурору, говорит о том, что президент-

ская власть существует и благодаря такому мощному рычагу влияния, как прокуратура, оказывается в состоянии осуществлять решающее давление на иные ветви власти. Иллюстрацией высказанного мнения могут служить многочисленные поручения Президента, ставшие благодаря Указу Президента Российской Федерации от 28.03.2011 г. № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» обязательными для руководителей федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации. В качестве примера приведем текст поручения Президента Российской Федерации, размещенный на официальном президентском сайте в сети Интернет 30.07.2010 г.:

«В.В. Путину

Примите совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации исчерпывающие меры по ликвидации пожаров, оказанию помощи пострадавшим, усилению противопожарной безопасности и профилактике возгораний. Организуйте дооснащение Сибирского и Дальневосточного авиационно-спасательных центров МЧС России самолетами-амфибиями "Бе-200ЧС".

Г.С. Полтавченко, И.И. Клебанову, В.В. Устинову, Г.А. Рапоте, Н.А. Винниченко, А.В. Квашнину, В.И. Ишаеву, А.Г. Хлопонину

Примите меры по оказанию помощи пострадавшим.

Ю.Я. Чайке, С.В. Степашину, К.А. Чуйченко

Проверьте эффективность расходования средств федерального бюджета, выделяемых на борьбу с пожарами и оказанию помощи пострадавшим»¹⁸.

Президент одновременно дает поручение Генеральному прокурору, Председателю Правительства, Председателю Счетной палаты, что демонстрирует огромную власть главы государства, независимую от тех ветвей власти, что перечислены в Конституции Российской Федерации.

Очевидно, что фактически сложившаяся политическая реальность требует юридического оформления. Необходимо внесение в Конституцию Российской Федерации изменений, которые бы наконец четко обозначили место прокуратуры по отношению ко всем высшим органам и должностным лицам современного российского государственного аппарата.

В заключение подчеркнем, что необходимость приближения органов прокуратуры к современной социальной действительности признает и действующий Генеральный прокурор Ю.Я. Чайка: «Органы прокуратуры Российской Федерации – важнейший институт государственного устройства, уже

не раз доказавший свою состоятельность, необходимость и востребованность. Главная задача настоящего времени – его дальнейшее развитие и модернизация применительно к реалиям общественной жизни, российского законодательства и приближение к международным стандартам»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 65.

² См.: Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации // Конституционная законность и прокурорский надзор. М., 1994. С. 21.

³ См.: Григоров К.А. Функции и направления деятельности прокуратуры Российской Федерации в современных условиях // Российское право в Интернете. 2004. № 2.

⁴ См.: Долежан В.В. Проблемы компетенции прокуратуры: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 44.

⁵ Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации. С. 24.

⁶ Буянский С.Г. Прокуратура в условиях административно-правовой реформы: Моногр. М., 2006.

⁷ См.: Бессарабов В.Г. Прокуратура в системе органов государственного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 13; Мельников Н.В. Конституционные основы организации и деятельности прокуратуры. М., 2000. С. 85.

⁸ См.: Точилковский В.М. О концепции прокурорской власти // Советское государство и право. 1990. № 9. С. 46.

⁹ См.: Звирбуль В.К. Перспективы развития прокурорского надзора в правовом государстве // Советское государство и право. 1990. № 9. С. 36.

¹⁰ Власов В.И. У прокурора и судьи разные функции // Российская юстиция. 1995. № 9. С. 51. Об этом также см.: Бессарабов В.Г. Прокуратура в системе органов государственного контроля в Российской Федерации. С. 13–14.

¹¹ См.: Скуратов Ю.И., Шинд В.И. Конституционные основы места прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации. С. 20.

¹² Мельников Н.В. Конституционные основы организации и деятельности прокуратуры. С. 171–173. См. также: Он же. Прокурорская власть и личность. М., 2003. С. 45.

¹³ Фарбер И.Е. Конституционные основы прокурорского надзора в Советском государстве // Советская прокуратура на страже законности. Саратов, 1973. С. 28.

¹⁴ См.: Березовская С.Г. Нормы прокурорского надзора и их место в системе советского права // Вопросы прокурорского надзора. М., 1972. С. 28; Коток В.Ф. О системе науки советского государственного права // Советское государство и право. 1959. № 6. С. 74; Бровин Г.И. О прокурорско-надзорных правоотношениях // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973. С. 94.

¹⁵ См.: Буянский С.Г. Прокуратура в условиях административно-правовой реформы.

¹⁶ См.: Курбанов Р.Д. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам о незаконной добыче водных животных и растений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 25.

¹⁷ Бойков А.Д. Третья власть в России. Курск, 1999. С. 106.

¹⁸ Перечень поручений по ликвидации последствий пожаров и оказанию помощи пострадавшим. <http://state.kremlin.ru/face/8502>

¹⁹ Чайка Ю.Я. О развитии органов прокуратуры // Адвокат. 2006. № 7.

¹ См.: Kutaфин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 65.

² См.: Skuratov Ju.I., Shind V.I. Konstitucionnye osnovy mesta prokuratury v gosudarstvennom mehanizme Rossijskoj Federacii // Konstitucionnaja zakonnost' i prokurorskij nadzor. M., 1994. S. 21.

³ См.: Grigorov K.A. Funkcii i napravlenija dejatel'nosti prokuratury Rossijskoj Federacii v sovremennyh uslovijah // Rossijskoe pravo v Internetе. 2004. № 2.

⁴ См.: Dolezhan V.V. Problemy kompetencii prokuratury: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1991. S. 44.

⁵ Skuratov Ju.I., Shind V.I. Konstitucionnye osnovy mesta prokuratury v gosudarstvennom mehanizme Rossijskoj Federacii. S. 24.

⁶ Bujanskij S.G. Prokuratura v uslovijah administrativno-pravovoj reformy: Monogr. M., 2006.

⁷ См.: Bessarabov V.G. Prokuratura v sisteme organov gosudarstvennogo kontrolja v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2001. S. 13; Mel'nikov N.V. Konstitucionnye osnovy organizacii i dejatel'nosti prokuratury. M., 2000. S. 85.

⁸ См.: Tochilovskij V.M. O koncepcii prokurorskoj vlasti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1990. № 9. S. 46.

⁹ См.: Zvirbul' V.K. Perspektivy razvitiya prokurorskogo nadzora v pravovom gosudarstve // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1990. № 9. S. 36.

¹⁰ Vlasov V.I. U prokurora i sud'i raznye funkcii // Rossijskaja justicija. 1995. № 9. S. 51. Ob jetom takzhe sm.: Bessarabov V.G. Prokuratura v sisteme organov gosudarstvennogo kontrolja v Rossijskoj Federacii. S. 13–14.

¹¹ См.: Skuratov Ju.I., Shind V.I. Konstitucionnye osnovy mesta prokuratury v gosudarstvennom mehanizme Rossijskoj Federacii. S. 20.

¹² Mel'nikov N.V. Konstitucionnye osnovy organizacii i dejatel'nosti prokuratury. S. 171–173. Sm. takzhe: On zhe. Prokurorskaja vlast' i lichnost'. M., 2003. S. 45.

¹³ Farber I.E. Konstitucionnye osnovy prokurorskogo nadzora v Sovetskom gosudarstve // Sovetskaja prokuratura na strazhe zakonnosti. Saratov, 1973. S. 28.

¹⁴ См.: Berезovskaja S.G. Normy prokurorskogo nadzora i ih mesto v sisteme sovetskogo prava // Voprosy prokurorskogo nadzora. M., 1972. S. 28; Kotok V.F. O sisteme nauki sovetskogo gosudarstvennogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1959. № 6. S. 74; Brovin G.I. O prokurorsko-nadzornyh pravootnoshenijah // Sovershenstvovanie prokurorskogo nadzora v SSSR. M., 1973. S. 94.

¹⁵ См.: Bujanskij S.G. Prokuratura v uslovijah administrativno-pravovoj reformy.

¹⁶ См.: Kurbanov R.D. Prokurorskij nadzor za ispolnieniem zakonov v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam o nezakonnoj dobyche vodnyh zhivotnyh i rastenij: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002. S. 25.

¹⁷ Bojkov A.D. Tre't'ja vlast' v Rossii. Kursk, 1999. S. 106.

¹⁸ Perechen' poruchenij po likvidacii posledstvij pozharov i okazaniu pomowi postradavshim. <http://state.kremlin.ru/face/8502>

¹⁹ Chajka Ju.Ja. O razvitii organov prokuratury // Advokat. 2006. № 7.

Предмет и пределы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе

Л.Е. ЩЕТНЁВ – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и специальных дисциплин Ивановского филиала Владимирского юридического института ФСИН России

Автором предпринята попытка определения предмета и пределов ведомственного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Выявлен ряд проблемных вопросов, возникающих в повседневной практической деятельности сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов УИС, и на основе анализа норм законодательных актов предложены пути их решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; предмет; пределы; субъекты оперативно-розыскной деятельности; уголовно-исполнительная система.

The subject and limits of the operative detective activity's legal regulations in the penal system

L.E. TSCHETNEV – senior teacher at the chair of Criminal Enforcement Law and Specific Disciplines, the branch of the Vladimir Law Institute of the Russian penal service in Ivanovo

The attempt to define the subject and limits of the operative detective activity's departmental legal regulations in the penal system is made. A number of problems in everyday practical activity of the operative detachments' employees in the institutions and organs of the penal system on the basis of legislation are revealed and the ways to solve these problems are also proposed.

Key words: operative detective activity; operative detective measures; subject; limits; measures; subjects of operative detective activity; penal system.

На конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина базируется все содержание федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») и самой оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), что подтверждено рядом решений Конституционного суда Российской Федерации. Вместе с тем Конституция Российской Федерации напрямую оперативно-розыскные правоотношения не регулирует.

Непосредственно оперативно-розыскные правоотношения, как отмечалось выше, на законодательном уровне регламентированы в ФЗ «Об ОРД», который определяет содержание ОРД и закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Именно ФЗ «Об ОРД» является нормативным правовым актом, устанавливающим

инструментальные средства для решения задач этой деятельности. Вместе с тем его положения являются общими для всех субъектов ОРД и не отражают специфику работы, обусловленную компетенцией каждого, кругом решаемых задач¹.

Норма, фиксирующая право органов субъектов ОРД издавать нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения ОРМ, предусматривает, в частности, уяснение предмета и пределов ведомственного нормативного правового регулирования ОРД.

Как следует из прямого указания закона, субъекты ОРД в ведомственных нормативных правовых актах могут регламентировать только организацию и тактику проведения ОРМ, причем исключительно в пределах своих полномочий. Поэтому к предмету ведомственного нормативного регулирования ОРД относится организация и тактика ОРМ, а пределы такого регулирования определя-

ются компетенцией субъектов ОРД. Данное положение подтверждается рядом норм ФЗ «Об ОРД». К примеру, основания и условия проведения ОРМ не могут выходить за рамки, обозначенные в ст. 7 и 8 ФЗ «Об ОРД», обязанности и права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, ограничены пределами действия ст. 14 и 15 ФЗ «Об ОРД».

На осуществление ОРД в рамках полномочий ее субъектов указывается и в законодательном определении этой деятельности.

Органы, осуществляющие ОРД, в пределах своих полномочий вправе также собирать данные, необходимые для принятия решений, предусмотренных ФЗ «Об ОРД» (ч. 2 ст. 7).

Исключительно в пределах полномочий субъектов ОРД, установленных соответствующими законодательными актами Российской Федерации, проводятся ОРМ, обеспечивающие безопасность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ч. 8 ст. 8).

Нормативными актами субъектов ОРД определяются перечень и порядок ведения дел оперативного учета (ч. 5 ст. 10), возможности использования результатов ОРД (ст. 11).

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, решают отраженные в ФЗ «Об ОРД» задачи исключительно в пределах своих полномочий, установленных соответствующими законодательными актами Российской Федерации (ч. 4 ст. 13). Руководители указанных органов определяют перечень оперативных подразделений, правомочных осуществлять ОРД, их полномочия, структуру и организацию работы (ч. 3 ст. 13).

Субъекты ОРД (ст. 13) вправе осуществлять оперативно-розыскную деятельность в полном объеме и, соответственно, проводить все без исключения оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные ст. 6 ФЗ «Об ОРД», регламентировать и определять их организацию и тактику.

Следует отметить, что хотя оперативные подразделения Федеральной службы исполнения наказаний наделены, как и ряд других субъектов ОРД, полномочиями по осуществлению всех без исключения ОРМ, с учетом специфических условий функционирования они предоставленным правом не пользуются, а в ряде случаев и не могут пользоваться.

Анкетирование сотрудников оперативных управлений УФСИН России по Ивановской,

Владимирской, Костромской, Ярославской и Московской областям показало, что контролируемая поставка этими подразделениями не проводилась и необходимость в этом не возникала².

Наряду с этим ФЗ «Об ОРД» (ч. 4 ст. 6) устанавливает пределы компетенции субъектов ОРД применительно к оперативно-розыскным мероприятиям, связанным с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров, снятием информации с технических каналов связи. Такие ОРМ могут проводиться только с использованием оперативно-технических сил и средств органов Федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и (в пределах их полномочий) органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Поэтому порядок их осуществления определяется межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами-субъектами ОРД. Соответственно оперативные подразделения ФСИН России не вправе самостоятельно реализовать такие ОРМ, а Минюст России – регулировать порядок их проведения.

Иначе говоря, указанные ОРМ не могут проводить оперативные подразделения, не являющиеся специализированными подразделениями, службами и органами как внутри-, так и межведомственной компетенции. Несоблюдение данного ограничения может рассматриваться как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Необходимо отметить, что проведение контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров специальными службами возможны только в том случае, если это ОРМ сопряжено с подключением к стационарной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи. Из этого следует, что указанные ОРМ без подключения к стационарной аппаратуре могут проводиться и неспециализированными подразделениями, то есть всеми субъектами ОРД. Прослушивание телефонных переговоров путем непосредственного подключения к проводной линии конкретного абонента может быть реализовано любым оперативным подразделением органа, осуществляющего ОРД, если иное не предусмотрено ведомственным нормативным правовым актом, регламентирующим организацию и тактику ОРД³.

Согласно Закону Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (ст. 77) ОРД осуществляется в исправительных учреждениях, то есть в колониях-поселениях, воспитательных колониях, лечебных исправительных учреждениях, исправительных колониях общего, строгого и особого режимов, тюрьмах, а также в следственных изоляторах в отношении осужденных к лишению свободы, оставленных в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Поскольку круг объектов, в отношении которых в следственных изоляторах оперативные подразделения УИС вправе проводить ОРМ, ограничивается в основном обвиняемыми (подозреваемыми), а также лицами, оставленными в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, законодатель закрепил право проведения оперативно-розыскных мероприятий в СИЗО УИС оперативными подразделениями всех без исключения субъектов ОРД, но только совместно с работниками уголовно-исполнительной системы. Данное положение обуславливает взаимодействие органов-субъектов ОРД, осуществляемое в рамках межведомственных нормативных правовых актов или соглашений.

Помимо прочего это связано с тем, что, согласно ст. 157 УПК РФ проведение ОРМ в отношении лиц, которые проходят по уголовным делам, принятым следователем к производству, должно осуществляться только по его поручению теми сотрудниками оперативных подразделений, которые выявили преступление и выполняют оперативное сопровождение расследования. Соответственно оперативные подразделения УИС вправе проводить ОРМ в отношении лиц, содержащихся под стражей, только совместно с сотрудниками оперативных подразделений органов, выявивших преступление и получивших поручение следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определение суда по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Однако это не ограничивает их полномочия по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений, подготавливаемых и совершаемых во время содержания под стражей, а также преступлений, совершенных до заключения под стражу и не связанных с расследуемым делом.

Важно отметить, что возбуждение уголовного дела и поручение следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определение суда, будучи основаниями для проведения ОРМ, не содержат ограничений для проведения. Безусловно, выполнение предписаний Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является обязательным и для субъектов ОРД, но эти моменты регламентируют не оперативно-розыскную, а уголовно-процессуальную деятельность в рамках расследования уголовного дела.

Из сказанного, а также из самого текста ФЗ «Об ОРД» вытекает, что в случае получения органами, осуществляющими ОРД, определенной информации (о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации; о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания), они вправе проводить любые ОРМ исходя из соображений целесообразности их проведения.

Проведение ОРМ оперативными подразделениями УИС не ограничивается территорией учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Это вытекает из других полномочий органов субъектов ОРД, в частности, по обеспечению ими собственной безопасности, осуществлению розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений, осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы, а также по сбору данных, необходимых для принятия решений о допуске к участию в оперативно-розыскной деятельности или о доступе к материалам, полученным в результате ее осуществления.

Еще раз подчеркнем, что положения ФЗ «Об ОРД», будучи общими для всех субъектов ОРД, не отражают специфику деятельности, определяемую их компетенцией и кругом решаемых задач.

Так, п. 6 ст. 13 закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» установлена обязанность учреждений, исполняющих наказания, в пределах своей компетенции оказывать содействие

органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Причем предписано это не только оперативным подразделениям, но и всем остальным службам исправительных учреждений в пределах их компетенции.

ФЗ «Об ОРД» (ст. 10) предоставляет право оперативным подразделениям ФСИН России для решения задач, возложенных на них законом, создавать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета.

Под делами оперативного учета (далее – ДОУ) понимаются специальные накопители информации для сбора и систематизации документов, содержащих данные о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, сведения (материалы), отражающие основания, условия, планы, организацию, тактику и результаты проведения ОРМ в целях решения задач ОРД⁴.

Ведение ДОУ обеспечивает возможность осуществления ведомственного контроля и прокурорского надзора за ОРД, соблюдения оснований и условий проведения ОРМ, необходимых ограничений, а также установления гарантий защиты от произвола государственных органов. В частности, добытие оперативно значимых данных в ходе ОРМ, связанных с ограничением конститу-

ционных прав граждан, предусмотренных ст. 23 (ч. 2) и 25 Конституции Российской Федерации, возможно лишь по судебному решению и при наличии соответствующей информации (ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»), которая накапливается и хранится в ДОУ. Ведение последних выступает одной из гарантий соблюдения конституционных прав граждан, и в указанных случаях становятся предметом судебного контроля.

ФЗ «Об ОРД» в ст. 10 прямо установил, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них законом, могут создавать и использовать информационные системы, а также заводить ДОУ, что предполагает наличие выбора в решении заводить соответствующее дело или нет.

В заключение отметим, что пределы ведомственного правового регулирования общественных отношений ОРД в УИС можно определить как обусловленные объективными факторами границы государственно-властных полномочий по урегулированию общественных отношений, складывающихся при достижении целей и реализации задач оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе России.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вагин О.А. Предмет и пределы ведомственного нормативного правового регулирования ОРД в УИС // Проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе: Сб. ст. М., 2005. С. 7.

² Подробнее об этом см.: Щетнёв Л.Е. Правовое регулирование организации и тактики оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 172–173.

³ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Вступ. ст. В.Д. Зорькина. М., 2006. С. 135–137.

⁴ См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2006. С. 428.

¹ Sm.: Vagin O.A. Predmet i predely vedomstvennogo normativnogo pravovogo regulirovanija ORD v UIS // Problemy operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme: Sb. st. M., 2005. S. 7.

² Podrobnее ob jetom sm.: Wetnjov L.E. Pravovoe regulirovanie organizacii i taktiki operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme: Dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2011. S. 172–173.

³ Sm.: Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti» s prilozheniem reshenij Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii i Evropejskogo suda po pravam cheloveka / Vstup. st. V.D. Zor'kina. M., 2006. S. 135–137.

⁴ Sm.: Teorija operativno-rozysknoj dejatel'nosti: Ucheb. / Pod red. K.K. Gorjainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. M., 2006. S. 428.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Сущность и содержание педагогической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных

О.Б. ПАНОВА – начальник кафедры юридической психологии и педагогики
ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматривается сущность термина «педагогическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных». На основании исследования практики соответствующего направления педагогической деятельности представлены содержательные аспекты учебной дисциплины, нацеленной на формирование у сотрудников уголовно-исполнительной системы необходимой педагогической компетентности.

Ключевые слова: педагогическая подготовка; правовая ресоциализация; несовершеннолетние осужденные; педагогическая поддержка; содержательные аспекты учебной дисциплины; педагогическая компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы.

The Essence and Maintenance of Pedagogical Training of Executive System Employees to Infant Prisoners Legal Resocialization

O.B. PANOVA – the chief of the chair of juridical psychology and pedagogics,
candidate of pedagogical sciences, docent, the Vologda Institute of Law and
Economics

In the article the essence and the notion maintenance «pedagogical training of executive system employees to infant prisoners legal resocialization» is considered. On the basis of the research of practice in this pedagogical sphere substantial aspects of the subject aimed at forming necessary pedagogical competence at executive system employees are presented.

Key words: pedagogical training; legal resocialization; infant prisoners; pedagogical support; substantial aspects of the subject; pedagogical competence of employees of executive system.

Процесс правовой ресоциализации воспитанников исправительного учреждения становится успешным, когда управляется профессионалами – людьми, компетентными в данной области. Не имея подготовленных специалистов, сложно ожидать позитивных результатов в решении сложной задачи интегрирования осужденных в правовую реальность. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что по своим профессиональным компетенциям сотрудники, работающие с несовершеннолетними, отличаются

от сотрудников исправительных колоний для взрослых. Эти различия определяются не только возрастными особенностями воспитанников, но и необходимостью более широкого применения в воспитательных колониях мер педагогического воздействия.

Готовность к педагогической деятельности представляет собой внутреннее состояние сотрудников – мотивацию на свою профессию, желание работать с осужденными, преодолевая трудности и стремясь к профессиональному совершенствованию. Под-

готовленность – это наличие общей культуры, владение наряду со специальными компетенциями (по профилю основной специальности) психолого-педагогическими знаниями, умениями и навыками, то есть осведомленность в области содержания и технологии педагогической деятельности. И готовность, и подготовленность – индивидуальные проявления субъектности профессионала.

Изучение уровня готовности сотрудников ВК к правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в ходе посещения исправительных учреждений позволило обобщить практику правового воспитания. Преобладающими групповыми формами педагогического взаимодействия являются занятия по правовой подготовке, нацеленные на ознакомление воспитанников с правилами внутреннего распорядка. Во всех воспитательных колониях оформляются стенды, содержащие информацию о правах и обязанностях осужденных, порядке обращения с заявлениями и жалобами в соответствующие инстанции. В соответствии с программой школы подготовки к освобождению проводятся инструктажи, направленные на ознакомление воспитанников с механизмами реализации их прав на постпенитенциарном этапе. Индивидуальные формы правового воспитания в основном представлены беседой, содержащей разъяснение сотрудниками алгоритма поведения в конкретных юридически значимых ситуациях при соответствующих обращениях осужденных.

Негативные тенденции отражают недостаточное включение в процесс ресоциализации осужденных правового содержания, однообразие средств и методов педагогического воздействия, не предусматривающих использование ситуаций выбора в юридически значимых обстоятельствах, отсутствие эмоциональной привлекательности мероприятий. Так, на вопрос анкеты «Какое приятное событие, произошедшее в воспитательной колонии, запомнилось Вам больше всего?» подавляющее большинство воспитанников не дали ответа; среди полученных ответов преобладают такие варианты, как свидание с родителями и приезд в колонию Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Павла Астахова (Брянская ВК). Беседа с воспитанниками, которые отмечали, что П. Астахов «интересно рассказывал о правах осужденных», «по-настоящему интересовался нашими проблемами», «сказал, что не все потеряно, но все зависит от нас самих, и я ему поверил», показала, что встреча с детским омбудсменом способствовала в

определенной мере нахождению воспитанниками смысла в следовании нормам права и человеческого общежития, оказала на них сильное эмоциональное воздействие. Из этого можно сделать вывод о внутренней готовности подростков-правонарушителей к правовой ресоциализации, успешность которой во многом определяется профессиональной компетентностью сотрудников исправительных учреждений.

Педагогическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных рассматривается нами как целенаправленный образовательный процесс, который включает обучающихся в активную разнообразную педагогическую деятельность, формирует у них позитивное отношение к последней. Она предусматривает формирование профессиональных свойств, позволяющих оптимизировать ход правовой ресоциализации воспитанников детских исправительных учреждений: умений осуществлять педагогическую диагностику правовой социальности несовершеннолетних осужденных, проектировать программу правовой ресоциализации и конкретные мероприятия, разрабатывать индивидуальный план правовой ресоциализации конкретного воспитанника, управлять деятельностью несовершеннолетних по овладению социально-правовым опытом.

Составляющие педагогической подготовки сотрудников воспитательных колоний к правовой ресоциализации несовершеннолетних объединяются в три группы: организационные (включение специальных курсов в учебный план подготовки специалистов, реализация индивидуального подхода к обучаемым); теоретические (разработка модели правовой ресоциализации воспитанников детского исправительного учреждения и принятие ее сотрудниками исправительных учреждений в качестве регулятивной основы педагогического процесса); практические (учебно-методическое обеспечение данного вида подготовки).

Особую значимость в связи с этим приобретает знаково-контекстный подход к обучению специалистов, теоретическое обоснование которого представлено в научных трудах А.А. Вербицкого. Актуальным является положение о том, что невозможно овладеть каким-либо действием, наблюдая за тем, как его выполняют другие, читая учебники или иные книги, слушая рассуждения специалистов. Только включение в педагогический процесс и получение ожидаемого результата дает человеку основание заявлять о своей

готовности к выполнению конкретных профессиональных задач. Готовя сотрудников УИС к правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных, необходимо обеспечивать перевод познавательного вида деятельности в профессиональный с соответствующей трансформацией потребностей, целей, действий, результатов.

Контекстный подход ориентирует на моделирование предметного и социального содержания будущих профессиональных действий специалиста с помощью всей системы дидактических форм и средств. При этом знания, апробированные в деятельности, перестают восприниматься обучающимся в качестве абстрактных знаковых систем. Данный вид обучения реализуется в трех базовых формах: а) академической, представленной классическими лекционными и семинарскими занятиями; б) квазипрофессиональной, предусматривающей использование имитационных и деловых игр; в) учебно-профессиональной, при которой обучающийся выполняет реальные исследовательские или практические функции. Контекстный подход позволяет интегрировать предметное и социальное содержание профессиональной деятельности в рамках целостной модели, активизировать все личностные ресурсы обучающегося – от индивидуального восприятия до социальной активности.

Представляется, что контекстная педагогическая подготовка сотрудников должна осуществляться в соответствии с содержанием определенной программы, нацеленной на то, чтобы дать воспитателям основные знания, выработать необходимые умения и навыки для педагогического сопровождения становления правовой позиции воспитанников детских исправительных учреждений. Такая программа может быть реализована в разных формах: курс по выбору, научный кружок, занятия по служебной подготовке, курсы повышения квалификации и переподготовки сотрудников исправительных учреждений. Важным условием при этом остается выход образовательного процесса за пределы границ знания, ориентированность на развитие у обучающихся профессионально-нравственного потенциала, формирование установки на творческую деятельность. Ценной в данном контексте является точка зрения Н.Е. Вераксы, который обосновал важность наличия в содержании любого предметного знания трех пространств: смыслового, отражающего место обсуждаемого вопроса в системе человеческих смыслов и ценностей конкретного обучающегося; нормативного,

описывающего обсуждаемый предмет как сложившуюся систему знаний, положений, утверждений; диалектического, в рамках которого проходит преобразование, развитие, а значит, жизнь обсуждаемого предмета.

Независимо от формы обучения, контекстная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы призвана обеспечивать потребность быть включенным в любую проблему, отражающую правовую ресоциализацию осужденных. Основываясь на том, что ее содержание сопряжено со многими трудностями, в качестве основной единицы подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к данному виду деятельности мы рассматриваем не «блок информации», а проблемную ситуацию.

Важная роль в контекстной педагогической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы отводится элективным курсам, основная особенность которых заключается в возможности их выбора самими обучающимися, что ставит будущих специалистов в ситуацию самостоятельного построения индивидуальной образовательной траектории, профессионального самоопределения. В ведомственных вузах ФСИН России элективные курсы педагогического профиля, обеспечивая систематизацию базового ядра информации учебных дисциплин «Педагогика», «Пенитенциарная педагогика», «Юридическая педагогика», конкретизируют их, расширяют содержательные границы. Разработке курсов по выбору сопутствуют создание целевого проекта, трансформация содержания профессиональной деятельности в дидактические объекты, инструментализация, оформление отобранного содержания и технологии его освоения в виде программ, учебных и методических пособий. Элективные курсы педагогической направленности, выполняя функцию профессиональной пробы, знакомят курсантов и слушателей ведомственных вузов ФСИН России с особенностями процесса ресоциализации осужденных, способствуют развитию ключевых компетенций.

В Вологодском институте права и экономики ФСИН России на основании утвержденного директором ФСИН России примерного учебного плана для специальности «Психология служебной деятельности» подготовлена примерная программа элективного курса «Диагностика и развитие правовых представлений несовершеннолетних осужденных», составленная с учетом требований Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. Примерная програм-

ма рассмотрена и одобрена на заседании учебно-методической секции психологии управления кадров ФСИН России (протокол № 6 от 09.11.2011 г.) и рекомендована к использованию в высших учебных заведениях.

Целью учебной дисциплины «Диагностика и развитие правовых представлений несовершеннолетних осужденных» является специальная педагогическая подготовка обучающихся к осуществлению диагностики правовых представлений воспитанников детских исправительных учреждений и использованию ее результатов в конструировании содержания правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Задачи освоения учебной дисциплины: сформировать знания о правовых представлениях несовершеннолетних осужденных как о личностных образованиях, определяющих нормативное поведение человека; обеспечить понимание функций и содержания диагностики правовых представлений, выработать умение использовать диагностический инструментарий в контексте решения задач правовой ресоциализации воспитанников детских исправительных учреждений; стимулировать рефлексию по поводу осваиваемой научной педагогической информации на основе ее проекции на будущую профессиональную деятельность и предполагаемый профессиональный рост; развивать умения и навыки самостоятельной учебной деятельности, формировать потребность в самообразовании; обеспечивать развитие ценностного отношения к психологическим и педагогическим знаниям и умениям, появление установок на толерантность во взаимодействии с социальным окружением в ситуациях преодоления профессиональных и жизненных трудностей.

Общий объем учебной дисциплины составляет 72 ч, в том числе 46 аудиторных. Тематическим планом предусмотрены лекционные, семинарские и практические занятия преимущественно в интерактивном режиме педагогического взаимодействия, включающие: диалогическое и проблемное изложение учебного материала, проведение диагностических процедур, подготовку и обсуждение докладов и сообщений, анализ конкретных ситуаций, дискуссию, деловую игру, другие виды познавательной деятельности.

Представленный элективный курс обеспечивает индивидуализацию педагогической подготовки будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы. Включаясь в процесс педагогического взаимодействия, адекватного собственному индивидуально-образовательному потенциалу и системе социальных ценностей, требо-

ваний и целей, обучающиеся овладевают способами познания себя в будущей профессии, получают возможность для самореализации в жизни и профессиональной деятельности. Курс по выбору способствует адаптации содержания и форм учебного процесса к индивидуальным особенностям курсанта, обеспечивает выработку у него индивидуально-профессионального стиля деятельности, развивает внутреннюю ответственность за все, чему он обучается, сближает его с обществом.

Особая роль в подготовке сотрудников воспитательных колоний к правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных принадлежит научно-практическим семинарам, позволяющим объединить усилия ученых и специалистов-практиков для нахождения путей оптимизации процесса становления правовой позиции у воспитанников исправительных учреждений. Кафедра юридической психологии и педагогики выступила инициатором и организатором проведения научно-практических семинаров «Правовые представления и установки осужденных: диагностика и коррекция» (2008 г.), «Психолого-педагогические аспекты социализации личности» (2009 г.), «Психолого-педагогические аспекты самоопределения личности» (2010 г.) и др. В докладах выступающих было дано методологическое обоснование актуальности формирования правовых качеств у осужденных, конкретизировано содержание системы правового воспитания как фактора ресоциализации несовершеннолетних; в ходе дискуссий участниками были восприняты идеи о необходимости базирования правовой ресоциализации на событийной общности воспитателя и воспитуемого, основанной на согласованных ценностях, смыслах и целях.

Сотрудник исправительного учреждения должен стать подлинным субъектом деятельности, направленной на формирование у несовершеннолетних осужденных правовых качеств, необходимых члену цивилизованного общества. Структура профессионально-педагогической подготовки при этом может быть представлена как сложная динамическая система, включающая три блока: теоретико-методологический, предусматривающий овладение необходимыми знаниями и умениями в области методологии и информационных инструментов познания процесса правовой ресоциализации, формирование побуждений к самообразованию, ведущий к пониманию значимости педагогической подготовки в избранной сфере профессиональной деятельности; мотивационно-уста-

новочный, отражающий субъективно переживаемый смысл правовой ресоциализации осужденных и стремление к достижению ее результатов; технологический, заключающийся в накоплении опыта социальной активности в конкретной предметной области. Наиболее адекватным целям подготовки со-

трудников УИС к правовой ресоциализации осужденных, по нашему мнению, является контекстный подход, дающий возможность обучающимся осознать уровень своей готовности и динамику роста, создающий условия для самореализации личности и развития ее творческих способностей.

Процесс становления выпускников образовательных учреждений ФСИН России в профессиональной деятельности

М.В. КИСЕЛЕВ – начальник Кузбасского института ФСИН России, кандидат педагогических наук;

О.Н. СТЕПАНОВА – заместитель начальника отдела по работе с личным составом Кузбасского института ФСИН России

Статья посвящена рассмотрению особенностей становления выпускников ведомственных образовательных учреждений ФСИН России в профессиональной деятельности, их эффективной подготовки к службе в уголовно-исполнительной системе. Раскрывается роль ознакомительной, производственной и иных видов практик в формировании у курсантов профессиональных навыков и умений. Рассматриваются задачи, стоящие перед должностными лицами, которые должны оказать помощь в становлении молодого сотрудника уголовно-исполнительной системы, и принципы, которыми эти лица должны руководствоваться.

Ключевые слова: профессиональная адаптация; становление; профессиональная подготовка; принципы подготовки.

Formation process of departmental educational institutions of the Federal Penal Service graduates in their professional activities

M.V. KISELEV – the head of the federal state educational institution of higher professional education Kuzbass Institute of the Federal Penal Service, candidate of pedagogical sciences;

O.N. STEPANOVA – the deputy chief of work staff department of Kuzbass institute of the Federal Penal Service

Article is devoted to consideration of features of formation of graduates of the departmental FSIN educational institutions of Russia in professional activity, their effective preparation for service in criminal and executive system. The role fact-finding, production and other types the practician in formation at cadets of professional skills and abilities reveals. The tasks facing officials which should assist in formation of the young employee of criminal and executive system, and principles by which these persons should be guided are considered.

Key words: professional adaptation; formation; vocational training; principles of training.

Служба в уголовно-исполнительной системе предъявляет высокие требования к нравственным качествам сотрудников, эмоциональной устойчивости, педагогическим и коммуникативным способностям, психо-

логической готовности, наличию социального иммунитета к влиянию криминальной субкультуры и других неблагоприятных факторов. Формирование профессионально значимых, психологических и морально-во-

левых качеств у курсантов ведомственных образовательных учреждений ФСИН России происходит в процессе обучения, воспитания и развития личности на протяжении всего периода учебы.

Основной целью обучения в ведомственных образовательных учреждениях ФСИН России является подготовка высококвалифицированных специалистов для уголовно-исполнительной системы, обладающих необходимым набором компетенций, в соответствии со специализацией (профилем подготовки), с учетом потребностей органов и учреждений УИС.

Полученное выпускниками ведомственных образовательных учреждений ФСИН России специальное профессиональное образование позволяет ускорить процесс адаптации молодых сотрудников к условиям службы. Во время учебы они принимают Присягу, получают хорошие теоретические знания по всем направлениям деятельности УИС. Прохождение практик позволяет сформировать у курсантов представление об особенностях деятельности пенитенциарных учреждений:

- ознакомительная предусматривает осмысление курсантами своей новой социальной роли, оценку правильности выбора учебного заведения, формирование первоначального отношения к профессии и представления о ней;

- целью производственной является закрепление профессионального интереса к выбранной профессии, процесс социализации, вхождение в будущую профессиональную деятельность;

- преддипломная практика предполагает закрепление полученных знаний, знакомство с будущей деятельностью, руководством, членами коллектива, изучение должностной инструкции.

Основной этап профессиональной адаптации молодого специалиста начинается с момента его включения в профессиональную деятельность после распределения на постоянное место службы. И здесь выпускники сталкиваются с основной проблемой – трудностями с применением полученных в процессе обучения знаний в практической деятельности. Серьезными препятствиями на пути становления молодых специалистов являются: снижение психологической устойчивости к негативным воздействиям со стороны осужденных и лиц, заключенных под стражу; неуверенность при принятии ответственных решений; неумение общаться со спецконтингентом и др.

Залогом успешной адаптации молодых специалистов служит постоянное, неослабевающее внимание к ним, особенно в первый год службы, непосредственного руководителя, наставника, практического психолога, а также целенаправленная воспитательная работа.

Из вышеизложенного вытекают основные задачи, стоящие перед должностными лицами, которые призваны оказывать помощь в становлении молодого сотрудника:

- морально-психологическая подготовка: информирование выпускника об особенностях протекания профессиональной адаптации, обучение коммуникативным навыкам в сложных ситуациях (общение с осужденными и др.), способам преодоления психологических трудностей, возникающих на первом году службы, коррекция возможных проявлений неконструктивных стратегий поведения, признаков дезадаптации и увольнения из уголовно-исполнительной системы;

- психолого-педагогическая подготовка: воспитание у молодых сотрудников качеств, необходимых для личностного развития и профессиональной успешности специалиста уголовно-исполнительной системы; развитие самосознания (через осознание и оценку им самого себя как личности, своих интересов, ценностей и мотивов поведения); формирование адекватной самооценки, уверенности в себе при работе со спецконтингентом; социально-экономическое ориентирование; формирование высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданской ответственности, обеспечивающих строгое соблюдение положений Присяги; выработка сознательного отношения к выполнению служебного долга, гражданской устойчивости и иммунитета к негативным воздействиям; поддержание служебной дисциплины и законности, формирование готовности соблюдать основные принципы и требования международных стандартов обращения с осужденными и лицами, заключенными под стражу;

- практическая подготовка: закрепление знания законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность как уголовно-исполнительной системы, так и подразделения, в которой проходит службу вновь назначенный сотрудник; обучение способам и приемам эффективного (успешного) решения оперативно-служебных задач; изучение правовых аспектов оперативно-служебной деятельности органов, учреждений и их структурных подразделений в

чрезвычайных обстоятельствах и ситуациях; ознакомление с условиями и способами соблюдения законности в повседневной деятельности, а также при проведении специальных и режимных мероприятий; рассмотрение вопросов необходимой обороны (условия и пределы применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия)¹.

Положительных результатов в этой сфере можно достичь путем следования следующим принципам:

– систематичности и последовательности: регулярное сопровождение выпускника с первого дня службы до достижения ожидаемого результата, становление мотивированного, психологически устойчивого, адаптированного к служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе специалиста;

– доступности: подготовка в соответствии с индивидуальными психолого-физиологическими особенностями молодых специалистов;

– активности и связи с жизнью: вовлечение в деятельность, адекватную целям обучения; направленность на практическое

применение в профессиональной деятельности;

– «делай, как я»: акцент не только на личности непосредственного руководителя и наставника, но и на идеале профессии. При этом необходимо четко понимать, что негативное влияние на молодого специалиста могут оказать и опытные сотрудники, прослужившие в пенитенциарном учреждении длительное время, которые придерживаются принципа «Забудь, чему тебя учили в институте», сами ориентируются на авось, а также совершают действия, предающие службу².

Непосредственный руководитель и наставник должны исключить негативное влияние и, объединив усилия, привить молодому сотруднику любовь к профессии, научить преодолению трудностей, заложить основу личностного и профессионального роста, тем самым способствуя формированию и закреплению в пенитенциарной системе высокоэффективного кадрового состава, то есть создать соответствующие организационные условия, которые могут позволить более мобильно, качественно обеспечить вхождение и становление в должности молодого сотрудника УИС.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Барановский Н.Н. и др. Профессиональная адаптация молодых сотрудников, принятых на службу в УИС: Метод. рекомендации / Н.Н. Барановский, В.М. Демин, Н.Г. Соболев. М., 2007. 48 с.; Казак Б.Б., Ушатиков А.И. Профессиональная психологическая подготовка персонала исправительных учреждений. Рязань, 2006. 137 с.

² См.: Басова Н.В. Педагогика и практическая психология. Ростов н/Д, 1999. 416 с.

¹ См.: Baranovskij N.N. i dr. Professional'naja adaptacija molodyh sotrudnikov, prinjatyh na sluzhbu v UIS: Metod. rekomendacii / N.N. Baranovskij, V.M. Demin, N.G. Sobolev. M., 2007. 48 s.; Kazak B.B., Ushatikov A.I. Professional'naja psihologicheskaja podgotovka personala ispravitel'nyh uchrezhdenij. Rjazan', 2006. 137 s.

² См.: Basova N.V. Pedagogika i prakticheskaja psihologija. Rostov n/D, 1999. 416 s.

Методолого-теоретические основы психодинамического подхода к изучению личности несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы

Е.В. КРЮКОВА – адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена раскрытию понятия «психодинамика», анализу методологических и теоретических подходов к изучению психодинамики личности осужденного в зарубежной (психоанализ, теория черт личности, гештальт-психология, экзистенциально-гуманистическая психология, реверсивная теория и др.) и отечественной (реверсивный психоанализ, современное психодинамическое направление и др.) психологии и специфике их содержания.

Ключевые слова: психодинамика; детерминанты поведения человека; устойчивые динамические силы психической деятельности; личность несовершеннолетнего, осужденного к наказанию, не связанному с лишением свободы.

Theoretical and methodological approaches to the study of psychodynamics the personality of juvenile alternatively convicted persons

E.V. KRUKOVA – a postgraduate student of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

This article is devoted to disclosure of the concept of psychodynamic, the analysis of theoretical and methodological approaches to the study of psychodynamics convicted persons in foreign (psychoanalysis, the theory of the personality traits, Gestalt psychology, existential-humanistic psychology, reverse theory, etc.) and Russian (reverse psychoanalysis, modern psychodynamic area, etc.) psychology. The specific content of these approaches are analyzed.

Key words: psychodynamics; determinants of human behavior; stable dynamic force of mental activity; the personality of juvenile alternatively convicted persons.

Отечественная практика органов уголовного правосудия идет по пути гуманизации и применения широкого спектра видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества. При этом наблюдается тенденция роста численности несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы¹. Однако существующая сегодня уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних не в полной мере учитывает особенности данной категории лиц и осуществляется большей частью в соответствии с общими принципами и нормами.

Анализ ведомственных нормативных актов свидетельствует, что главной задачей, стоящей перед уголовно-исполнительными инспекциями в работе с несовершеннолетними, является, прежде всего, организация деятельности психологического характера,

которая должна проводиться с учетом принципов дифференциации и индивидуализации. Уже сегодня руководством ФСИН России ставится задача сокращения рецидива преступлений за счет повышения эффективности психологической работы, а также комплексного изучения несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в период отбывания данного вида наказания, что особенно актуально в связи с расширением применения к несовершеннолетним указанных мер уголовно-правового характера. Однако современный подход к изучению личности несовершеннолетних тяготеет к статическим представлениям психологических особенностей противоправного поведения.

Отечественные и зарубежные психологи, проводившие исследования в области психологии личности подростка (Л.И. Божович,

Ш. Бюлер, Л.С. Выготский, И.С. Кон, Ж. Пиаже, Д.И. Фельдштейн, Ст. Холл, Э. Штерн, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.), считают подростковый возраст одним из основных этапов формирования личности, которому свойственны противоречивость и амбивалентные состояния, полярность чувств и побуждений. Впервые амбивалентность и парадоксальность характера подростков описал Ст. Холл, выделяя ряд присущих им противоречий: от уверенности в себе к застенчивости и трусости, от тонкой чувствительности к апатии². Психодинамическое исследование личности представляет собой тот научный подход, который позволит обеспечить всестороннее и углубленное изучение личности несовершеннолетнего осужденного.

Изучение проблемы психодинамики личности несовершеннолетних актуализирует рассмотрение методологических вопросов, так как само понятие «психодинамика» с точки зрения различных подходов имеет неоднозначную трактовку.

В настоящее время существует несколько подходов к рассмотрению понятия «психодинамика». В переводных словарях по психологии данный термин встречается в аспекте разработок психоанализа или более широкой «глубинной психологии» и обозначает: 1) изучение психических процессов с динамической точки зрения³; 2) любую теорию, описывающую изменение и развитие личности; 3) психобиологические теории, где драйв является центральным понятием в процессе развития организма⁴. В большинстве отечественных психологических словарей понятие «психодинамика» практически отсутствует, но есть термин «динамическая психология», характеризующий ряд направлений психологии, в которых делается акцент на развитие психических процессов в противоположность пониманию их лишь в статике⁵.

В целом современные теоретики психодинамического направления подчеркивают важность рассмотрения личности как совокупности динамических, постоянно изменяющихся процессов. При этом считается, что внимание должно быть нацелено на изучение взаимных влияний побуждений человека, на выяснение сущности таких процессов развития, как прогресс, регресс и фиксация, ведь поведение обусловлено, прежде всего, скрытыми, неосознаваемыми психологическими силами, которые считаются динамическими, а их взаимодействие и направляет поведение человека, мысли и эмоции.

Вышесказанное сравнимо с точкой зрения Д.В. Сочивко, согласно которой личность должна рассматриваться как множество энергетических векторов, чья результирующая сила и обуславливает возможность определенного поведения⁶. Основным является вопрос динамических сил психического развития, которые служат детерминантами поведения человека.

Впервые в психоанализе разработаны основы психодинамики, в рамках которой человек раскрывается как сложная энергетическая система, а происходящие в его психике процессы определяются самостоятельной динамикой сил внутри психики. В понятие психодинамики З. Фрейд вкладывает утверждение, что поведение человека произвольно, и первостепенная детерминанта человеческого поведения находится внутри самого человека, то есть существуют устойчивые динамические силы, которые и определяют различия в поведении⁷. К.Г. Юнг считал, что поведение человека управляется врожденными архетипами, а разработчик индивидуальной психологии А. Адлер, делая особый акцент на динамике внутренней энергии, исходил из того, что человеческая психика носит динамический характер по своей натуре, но, в отличие от фрейдовского подхода, психология человека направляется целями и питается еще неизвестными бессознательными творческими силами. Неофрейдистская психодинамика Г. Салливана, К. Хорни и Э. Фромма считает движущими силами психики человека потребность в безопасности, то есть в принятии и одобрении со стороны других людей⁸.

Э. Эриксон в своей эпигенетической теории развития личности в понятие психодинамики вкладывал последовательное прохождение человеком восьми психосоциальных кризисов и предложил понятие «идентичность» как динамическое образование, претерпевающее изменения на протяжении всей жизни человека.

Основоположник теории черт личности Г.У. Оллпорт под психодинамикой понимает преобладание в психике человека той или иной психофизической системы в определенный момент времени, то есть личность, по его мнению, не является статичной сущностью, а рассматривается как динамичная развивающаяся система, хотя она и имеет основополагающую структуру и постоянно эволюционирует⁹.

Источником активизации психодинамических исследований, на наш взгляд, послужила топологическая психология К. Левина.

В книге «Динамическая теория личности» (1935) ученый отмечал, что термин «динамический» относится к интерпретации изменений как результат действия психологических сил, где именно динамическая сторона намерения, а не содержательная обуславливает выполнение намерения¹⁰. Важнейшим понятием для К. Левина является энергия (сила, вектор), динамическое состояние которой является детерминирующим фактором психической деятельности¹¹. Подобная точка зрения позволяет соотнести вектор (силу, напряжение) Левина с результирующим вектором (Д.В. Сочивко) и результирующей силой (З. Фрейд).

Теоретики гештальт-психологии (М. Вертхаймер, К. Коффка, Ф. Перлз) делают акцент на совокупности динамических сил, которые действуют на организм и обуславливают его поведение.

Ученые, работавшие в русле экзистенциально-гуманистической психологии (А. Маслоу, Р. Мэй, К. Роджерс, В. Франкл и др.), отдают приоритет в изучении высшим проявлениям человеческой личности, таким как самоактуализация и духовное бытие, и определяют именно их в качестве главных детерминант поведения человека. Теоретики данного направления убеждены, что поведение человека в большей мере зависит от того, как человек воспринимает реальность в каждый данный момент времени¹².

В объяснении психодинамики интересной представляется точка зрения представителей реверсивной теории (М. Дж. Аптер, К. Смит). Данная теория известна также под названиями теории «перемежающихся состояний» и «структурной феноменологической теории человеческой активности». Человеческая мотивация, с точки зрения М. Аптера, определяется как перемежающиеся переходы от одного из двух полюсных состояний к другому.

Суть реверсивной теории состоит в существовании ряда противоположных, несовместимых метамотивационных состояний, определяющих тип взаимодействия индивида с внешней средой, из которых в любое заданное время в психике может быть активно лишь одно, и периодически эти состояния меняются. В сравнении отметим, что Оллпорт также говорил об активности одной из психофизических систем индивида. Согласно теории реверсивности существуют две альтернативные системы (целевая и метациелевая), каждая из которых имеет свою точку оптимума, сдвинутую к противо-

положным концам шкалы активации¹³. Таким образом, что раньше рассматривалось с позиции гомеостаза, представители теории реверсивности рассматривают с позиции амбивалентности.

В рамках рассматриваемой тенденции прослеживается мысль о внутренней самопротиворечивости, изменчивости и динамичности природы психики несовершеннолетнего осужденного без лишения свободы как системы, состоящей из четырех пар противоположных метамотивационных состояний, которые произвольно сменяют друг друга под воздействием факторов окружающей его среды. Однако все вышеизложенное далеко не означает, что психика и психические процессы не устойчивы и не последовательны. Одним из стабилизирующих факторов является внутренняя склонность к активации одной из систем. Принцип переключения, который является основой теории реверсивности, следует из принципа единства противоположностей, рассматривая человеческую природу в динамике изменений, вызванных внутренними противоречиями. Таким образом, можно предположить существование внутренней взаимобратимости процессов, которая определяет изменчивость и сложность поведения человека¹⁴.

На проблему исследования психодинамики за рубежом нет однозначного мнения, но все исследователи отмечают, что личность является системой, имеющей основополагающую структуру, и подчеркивают наличие в личности динамических, постоянно изменяющихся процессов, которые являются внутриличностными детерминантами психической деятельности человека, определяющими различия в поведении людей.

В отечественной психологии также разнотипно развивается психодинамический подход. А.Ф. Лазурский отмечал, что индивидуальность человека определяется не только своеобразием его эндопсихических черт, но и его отношениями к окружающим явлениям, то есть его экзопсихическими проявлениями¹⁵, именно психическая активность лежит в основе душевных проявлений человека. С.Л. Рубинштейн рассматривал проблему развития личности в рамках ее динамических тенденций и в качестве важнейшей динамической характеристики психической деятельности индивида считал темперамент¹⁶. В.Н. Мясищев рассматривает личность как динамичное изменяющееся формирование, подверженное многочисленным внешним и, прежде всего,

социальным воздействиям и отражающее отношение человека к окружающей действительности. По мнению К.К. Платонова, при исследовании личности важно изучение двух аспектов динамичности любой структуры: статической и динамической, которые определяются временным параметром изменения структуры под влиянием не только внешних воздействий, но и внутренних закономерностей¹⁷.

Существенное продвижение психодинамического подхода к исследованию личности содержится в концепции Б.Д. Парыгина, который так же, как и К.К. Платонов, выделяет две качественно различные структуры личности (статическую и динамическую) и отмечает противоречие как самих структур, так и элементов данных структур¹⁸.

М.Ш. Магомед-Эминов, разделяя точку зрения З. Фрейда, называет психодинамической системой личности, внутренняя активность которой организует, направляет, побуждает и регулирует деятельность на пути осуществления определенного жизненного отношения личности к окружающему миру, мотивацию¹⁹. Кроме того, по мнению автора, мотивация – это «психотрансформационный процесс, в ходе которого преобразуются психические (ценностные) содержания и перераспределяются психические интенсивности»²⁰.

В отечественной пениitenciарной психологии психодинамика определяется как наука о движении «душевного тепла». Этот термин предложен Д.В. Сочивко²¹, которым сделан акцент на внутренней динамике психических процессов, циклично сменяющих друг друга. Ученый считает, что предметом теоретической психодинамики являются не личностные проявления человека, а изменение личности и поведения человека под воздействием условий, в нашем случае – изменение личностных характеристик несовершеннолетнего осужденного под воздействием условий отбывания наказания без изоляции от общества. То есть психодинамика личности – это не изменение личности в процессе ее развития, а способ реагирования личности на внешние воздействия как в физическом времени, так и в социальном и историческом. Оба описания относятся ко всей личности и различаются только по формальным характеристикам времени, к которому привязано описание²². Ю.Ю. Красикова под психодинамикой понимает «область психологического знания, которая исследует взаимодействие внутренних, часто противоположно направленных детер-

минант психического развития личности»²³. Т.И. Савельева отмечает, что неосознаваемые изменения психологических свойств личности и особенностей поведения влекут изменение психодинамики, то есть определяют перераспределение актуальных интрапсихических сил, направляющих реальное поведение человека²⁴.

Еще один источник психодинамических исследований – это разработанная в 1990-е гг. концепция реверсивного психоанализа С.А. Бахтияровой. Если рассмотреть особенности теории реверсивности М. Аптера и реверсивного анализа С.А. Бахтияровой, то можно отметить ряд общих и различных моментов. Во-первых, общим для обоих подходов является непринятие предположения о том, что личность может пониматься как совокупность статичных черт. Реверсивность рассматривается как универсальная и динамичная личностная характеристика, адекватно отражающая динамичность, процессуальность и изменчивость психики. Во-вторых, это наличие когнитивного элемента. Однако в концепции С.А. Бахтияровой он присутствует на уровне отношений личности и ее полярных альтернативных установок, а в концепции М. Аптера – на уровне интерпретации переживаний и действий. В-третьих, оба подхода включают в себя так называемый принцип реверсивности, согласно которому люди не всегда ведут себя одинаково даже в совершенно одинаковых ситуациях, а потому подходы являются динамичной концепцией личности, базирующейся на представлениях о бистабильности психики.

В целом особенностью реверсивного анализа С.А. Бахтияровой является то, что психика рассматривается как система амбивалентных пар противоположных феноменологических состояний (пульсирующих противоположностей), каждое из которых неустойчиво и может попеременно сменять одно другое. В основе интрапсихического механизма реверсивности лежит глубинная мотивация к равновесию между процессами, направленная на аккумуляцию и разрядку психического напряжения²⁵. В контексте изучения особенностей психодинамики личности несовершеннолетних представляется важным отметить одно из основных положений данной теории: любое личностное качество индивида представляет собой только половину целостного феномена. В каждый момент времени на первый план выступает то одна, то другая тенденция, что предполагает взаимообратимость противоположных состояний.

Обобщая изложенное, подчеркнем, что психодинамическое направление, основанное на положении о существовании и взаимодействии внутренних устойчивых взаимоотношений, а главное, противоположно направленным психическим детерминантам, позволяет многопланово подойти к изучению и интерпретации личности и поведения

осужденного подростка. Ведь от того, насколько всесторонне и глубоко будет изучена личность несовершеннолетних осужденных, во многом зависит успех исправительно-профилактических воздействий сотрудников уголовно-исполнительных инспекций на несовершеннолетних, отбывающих альтернативное лишению свободы наказание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России: Информ.-аналит. сб. Тверь, 2011. С. 149.

² URL.: http://www.ido.rudn.ru/psychology/age_psychology/9.html (дата обращения – 09.08.2011).

³ См.: Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Под ред. канд. философ. наук С.М. Черкасова. СПб., 1995. С. 149.

⁴ См.: Психоаналитические термины и понятия: Словарь / Под ред. Э. Борнесса Мура и Д. Бернарда Фаина. М., 2000.

⁵ См.: Кондаков И.М. Психология: Иллюстрированный словарь. СПб., 2003. С. 115.

⁶ См.: Сочивко Д.В. Психодинамика. М., 2003.

⁷ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб., 1999. С. 27.

⁸ См.: Бермант-Полякова О.В. Посттравма: диагностика и терапия. СПб., 2006.

⁹ См.: Allport G. W. Pattern and Growth in Personality. N.Y., 1961. P. 28

¹⁰ См.: Левин К. Динамическая психология: Избр. тр. / Под общ. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Патяевой. М., 2001.

¹¹ См.: Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. М., 1981.

¹² См.: Франкл В. Человек в поисках смысла: Сб. / Пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйджмана. М., 1990.

¹³ См.: Аптер М.Дж. Теория реверсивности и человеческая активность // Вопросы психологии. 1987. № 1. С. 162–169.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Психология индивидуальных различий: Хрест. по психологии / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 2000. С. 472–491.

¹⁶ См.: Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 306.

¹⁷ См.: Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 122–141.

¹⁸ См.: Там же. С. 122–141.

¹⁹ См.: Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998.

²⁰ Там же. С. 47.

²¹ См.: Преступление и наказание от «А» до «Я» (словарь по пенитенциарной психологии) / Под общ. ред. Д.В. Сочивко. М., 2009. С. 262.

²² См.: Сочивко Д.В. Психодинамика. С. 17.

²³ Красикова Ю.Ю. Психодинамика личности сотрудников спецподразделений ФСИН России, участвовавших в выполнении служебно-боевых задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2007. С. 13.

²⁴ См.: Савельева Т.И. Психодинамика аддиктивного поведения осужденных в местах лишения свободы: Дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2009. С. 35.

²⁵ См.: Бахтиярова С.А. Азбука самопонимания. Реверсивный психоанализ. Киев, 2002.

¹ См.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugodovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii: Inform.analit. sb. Tver', 2011. S. 149.

² URL.: http://www.ido.rudn.ru/psychology/age_psychology/9.html (data obrawenija – 09.08.2011).

³ См.: Rajkroft Ch. Kriticheskij slovar' psihoanaliza / Pod red. kand. filosof. nauk S.M. Cherkasova. SPb., 1995. S. 149.

⁴ См.: Psihoanaliticheskie terminy i ponjatija: Slovar' / Pod red. Je. Bornessa Mura i D. Bernarda Faina. M., 2000.

⁵ См.: Kondakov I.M. Psihologija: Illjustrirovannyj slovar'. SPb., 2003. S. 115.

⁶ См.: Sochivko D.V. Psihodinamika. M., 2003.

⁷ См.: Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz. SPb., 1999. S. 27.

⁸ См.: BermantPoljakova O.V. Posttravma: diagnostika i terapija. SPb., 2006.

⁹ См.: Allport G. W. Pattern and Growth in Personality. N.Y., 1961. R. 28

¹⁰ См.: Levin K. Dinamicheskaja psihologija: Izbr. tr. / Pod obw. red. D.A. Leont'eva i E.Ju. Patjaevoj. M., 2001.

¹¹ См.: Zejgarnik B.V. Teorija lichnosti K. Levina. M., 1981.

¹² См.: Frankl V. Chelovek v poiskah smysla: Sb. / Per. s angl. i nem. D.A. Leont'eva, M.P. Papusha, E.V. Jejdmana. M., 1990.

¹³ См.: Apter M.Dzh. Teorija reversivnosti i chelovecheskaja aktivnost' // Voprosy psihologii. 1987. № 1. S. 162–169.

¹⁴ Там zhe.

¹⁵ См.: Lazurskij A.F. Klassifikacija lichnostej // Psihologija individual'nyh razlichij: Hrest. po psihologii / Pod red. Ju.B. Gippenrejter, V.Ja. Romanova. M., 2000. S. 472–491.

¹⁶ См.: Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija: problema teorii i istorii / Pod red. A.V. Brushlinskogo. M., 1997. S. 306.

¹⁷ См.: Platonov K.K. Struktura i razvitie lichnosti. M., 1986. S. 122–141.

¹⁸ См.: Там zhe. S. 122–141.

¹⁹ См.: MagomedJeminov M.Sh. Transformacija lichnosti. M., 1998.

²⁰ Там zhe. S. 47.

²¹ См.: Prestuplenie i nakazanie ot «A» do «Ja» (slovar' po penitenciarnoj psihologii) / Pod obw. red. D.V. Sochivko. M., 2009. S. 262.

²² См.: Sochivko D.V. Psihodinamika. S. 17.

²³ Krasikova Ju.Ju. Psihodinamika lichnosti sotrudnikov specpodrazdelenij FSIN Rossii, uchastvovavshih v vypolnenii sluzhebno-boevykh zadach: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Rjazan', 2007. S. 13.

²⁴ См.: Savel'eva T.I. Psihodinamika addiktivnogo povedenija osuzhdennyh v mestah lishenija svobody: Dis. ... kand. psihol. nauk. Rjazan', 2009. S. 35.

²⁵ См.: Bahtijarova S.A. Azbuka samoponimaniya. Reversivnyj psihoanaliz. Kiev, 2002.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Опыт организации научных мероприятий в формате телеконференции с применением средств видеоконференцсвязи в ведомственном юридическом вузе (на материалах кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России и кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь)

В.Б. ШАБАНОВ – заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

О.А. ШАХОВ – начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент;

А.А. БАБКИН – начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Б.А. САДЕЛЬНИКОВ – доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России;

П.Л. БОРОВИК – старший преподаватель кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь

В научной статье освещаются общие вопросы организации телеконференций при помощи различных программных средств и средств связи, обобщается опыт двух кафедр по проведению научных мероприятий в формате аудио- и видеоконференций с учетом специфики ведомственного юридического вуза.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); телеконференция; сеть Интернет; интернет-технологии; электронная научная конференция; информационно-ситуационный центр (ИСЦ); видеотехнология; видеоконференцсвязь.

Experience of the organization of scientific activities in form of teleconference with application of assets of videoconference-bridging in the departmental Law institute (on the matters of the Informatics and Mathematics chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal System of Russia and of the Law Informatics chair of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus)

V.B. SHABANOV – the assistant chief of research (in scientific affairs) of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus, Doctor of law, professor;

O.A. SHANOV – the head of the Engineering and Economics faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of technical sciences, docent;

A.A. BABKIN – the head of the Informatics and Mathematics chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal System of Russia, candidate of pedagogical sciences;

B.A. SADELNIKOV – an associate professor of the Informatics and Mathematics chair, Vologda Institute of Law and Economics of the Penal System of Russia;

P.L. BOROVIK – a senior teacher of the Law Informatics chair of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus

The scientific article describes the general matters about the organization of a teleconference by means of different software and assets, the experience of both chair in the conducting of scientific activities in form of audio and videoconference considering the specificity of departmental law institute.

Key words: information-communicative technologies (ICT); teleconference; Internet; Internet-technologies; electronic scientific conference; information-situational center (ISC); video technology; videoconference-bridging.

Перед ведомственными учреждениями высшего образования Российской Федерации и Республики Беларусь стоят важные задачи в части повышения эффективности послевузовского образования сотрудников: активизировать подготовку научных работников высшей квалификации, сформировать у аспирантов и адъюнктов четкое представление о методах и способах организации научно-исследовательской деятельности, повысить эффективность и результативность их обучения.

Одним из способов повышения качества подготовки, как показывает практика, является проведение научных семинаров и конференций аспирантов и молодых ученых в образовательных и научных учреждениях. Сотрудничество науки и практики, актуальное на современном этапе, взаимно обогащает, создает условия для профессионального роста и самообразования, способствует самореализации и развитию личности.

Однако при организации вышеуказанных научных мероприятий вероятность прибытия на них специалистов из различных регионов России и Беларуси обратно пропорциональна расстоянию от этого региона до места проведения собрания и напрямую зависит от степени финансирования учреждения, в котором работает приглашенный. Поэтому далеко не каждый научный работник, не говоря уже об аспирантах и адъюнктах, может позволить себе поездку на научную встречу, проводимую не только за рубежом, но и в своей стране. В силу этого многие специалисты ограничивают свое участие в научных собраниях лишь публикацией тезисов докладов.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, возросшая производительность персональных компьютеров, появление специализированного аппаратного и программного обеспечения позволили найти альтернативную форму общения специалистов самого разного профиля. В рамках данной статьи мы рассмотрим

одно из эффективных средств дистанционного общения и интерактивного обмена информацией – службу телеконференций.

Телеконференция – мероприятие, в котором групповая коммуникация осуществляется между территориально распределенными участниками с помощью соответствующей технологии. Ее участники могут видеть и слышать друг друга в реальном времени, а также обмениваться данными и совместно их обрабатывать.

Телеконференция может быть организована на базе программно-технической среды, которая обеспечивает взаимодействие пользователей. Мероприятие может проходить в форме переписки по электронной почте (режим off-line) или в реальном времени (режим on-line). В первом случае сообщения направляются получателям в соответствии со списком рассылки телеконференции, во втором для реализации телеконференции необходимо использовать специальное программное обеспечение, а сама она будет состоять в обмене текстовыми сообщениями в реальном времени, которые практически мгновенно отображаются на экранах компьютеров всех участников. В настоящее время указанное программное обеспечение редко встречается в виде отдельного продукта. Как правило, оно входит в качестве одного из элементов в состав интегрированных телекоммуникационных приложений, таких, например, как FirstClass Intranet Server, NetMeeting. В зависимости от имеющегося характера и степени интерактивности и сложности используемых технологий системы телеконференций можно классифицировать следующим образом:

- аудиоконференции;
- аудиографоконференции;
- видеоконференции;
- анимационные конференции.

Коллектив кафедры информатики и математики Вологодского института права и экономики ФСИН России активно использует

новые прогрессивные методики, основанные на применении компьютерных и интернет-технологий в своей профессиональной деятельности, активные и интерактивные формы проведения учебных занятий, электронные информационные интернет-ресурсы, в том числе для организации научных мероприятий (семинаров и конференций). К участию в них привлекаются международные партнеры и кафедры вуза.

На протяжении целого ряда лет кафедра информатики и математики проводит электронную научную конференцию с международным участием «Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности». В октябре 2008 г. был получен первый опыт проведения телеконференции, которая была организована в режиме аудиообщения. Среди участников были представители России, Украины, Казахстана и Беларуси, в том числе сотрудники кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь (П.Л. Боровик, Н.М. Бобович), которые выступили с докладом на тему «Интенсификация управляемой самостоятельной работы курсантов Академии МВД Республики Беларусь на основе внедрения электронных курсов поддержки обучения».

В ходе конференции участники обсуждали широкий спектр вопросов по проблемам функционирования правоохранительных органов Российской Федерации, Республики Беларусь и других стран ближнего зарубежья. Завершающим этапом конференции стал день on-line общения. Режим реального времени предоставил возможность обсуждения заявленных тем всем участникам конференции – представителям пенитенциарных и образовательных учреждений. Было заслушано семь докладов.

Проведение данной электронной конференции показало высокую эффективность использования этой технологии при условии соответствующей предварительной подготовки и осуществления ее в интерактивном режиме. Представленная технология и методика организации конференции может быть использована для многих видов образовательных мероприятий, поскольку обладает универсальностью и содержит ряд инвариантных компонент.

Так, участник телеконференции, подключившись к сети Интернет и открыв главную страницу специальной компьютерной программы видеосвязи, имеет возможность слышать и видеть перед собой собеседников так же, как если бы они находились вместе с ним в реальном конференц-зале.

Здесь же он может перейти к просмотру тезисов выступающих, размещенных в сети, задать вопросы другим участникам, принять участие в чате, разместить свои высказывания или тексты на форуме. Кроме того, пользователь способен разместить для общего доступа видеозапись своего выступления, а также любые электронные материалы. Ему предоставляются помощь и возможности регулирования звука, частоты кадров видеозображения и др. В компьютерной программе предусмотрена специальная форма для отправки вопросов выступающим в текстовом виде, также участник может послать вопросы через чат или электронную почту.

Обычно интерактивная телеконференция разделена на 2–3 части. Первую часть составляют пленарные выступления под руководством координатора, ведущего организатора конференции. После ее окончания выступающие отвечают на вопросы в режиме реального времени. Вторая и третья части конференции обычно реализуются по секционному принципу. Участники, ознакомившись заранее с программой, уточнив время интересных для них выступлений, могут принять участие в работе своей секции. Организуемый в рамках конференции форум обычно начинается за час до первых выступлений. Его цель – познакомить участников, наладить взаимодействие, настроить программное обеспечение и погрузиться в тематику обсуждаемых вопросов. Для того чтобы продуктивная работа в режиме реального времени имела значимый результат, в заключительной части телеконференции необходимо запланировать подведение итогов (анализ выступлений и предоставленных электронных материалов).

Полные тексты докладов могут быть опубликованы на web-сайте в сети Интернет. Тезисы докладов, как правило, издаются в виде печатного сборника и рассылаются всем участникам по обычной почте. Возможна также рассылка оцифрованных материалов на CD-дисках.

С 2010 г. в Вологодском институте права и экономики функционирует мультимедийная аудитория, которая является многофункциональной и предполагает использование ее в режиме информационно-ситуационного центра (ИСЦ).

Согласно современной классификации ИСЦ института имеет направленный характер и предназначен для обучения оперативного состава (лиц, принимающих решения). Использование мультимедийной аудитории в режиме учебного ситуационного центра означает моделирование различных ситуа-

ций, в ходе которых группа лиц должна выработать управленческое решение. Учебный ситуационный центр имеет свое прямое практическое приложение – организацию подготовки сотрудников для дежурных служб органов и учреждений УИС. Кроме того, востребованным является использование ИСЦ для проведения различного рода и направления научных мероприятий: электронных и видеоконференций, семинаров, телемостов. Так обеспечивается возможность привлечения довольно широкого круга участников, в том числе значительно удаленных друг от друга, которые могут обсуждать проблемы в реальном времени.

Поэтому очередная международная электронная конференция «Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности» в 2010 г. состоялась на базе информационно-ситуационного центра института в режиме видеоконференции. В рамках мероприятия помимо организации форума было предусмотрено непосредственное общение участников при помощи системы видеоконференцсвязи. Целью организаторов стало не только обсуждение научных проблем, но и отработка практических вопросов проведения научных мероприятий в таком формате. В сеансе видеосвязи приняли участие представители кафедр вузов Федеральной службы исполнения наказаний и коллектив кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь. В выступлениях коллег были затронуты такие актуальные вопросы, как реформирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в части внедрения информационно-коммуникационных технологий (применение новейших систем видеонаблюдения, ГЛОНАСС/GPS-браслетов, систем спутникового мониторинга, технологий «беспроводного сервиса» местоположения объектов Wi-Fi и т.д.); **обработка результатов исследований, моделирования и прогнозирования поведения различных категорий осужденных в условиях лишения свободы, организационно-аналитическая работа в УИС; особенности применения современных информационных технологий и математических методов обработки информации в правоохранительных системах Российской Федерации, Республики Беларусь и других стран ближнего зарубежья.**

Реализуя концепцию применения современных информационных технологий в образовательной и научной деятельности, коллектив кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь в марте 2010 г. выступил организатором международной научно-практической конференции,

посвященной теоретическим и прикладным проблемам информационной безопасности. Дистанционное участие в ее работе с использованием формата телеконференции приняли сотрудники кафедры информатики и математики Вологодского института права и экономики ФСИН России. В ходе конференции участники обсудили теоретические, правовые и организационные проблемы информационной безопасности в информационных системах, изучили опыт использования современных информационных технологий в деятельности государственных органов, обменялись мнениями о ситуации в области международно-правового регулирования в сфере защиты информации и борьбы с компьютерной преступностью. При организации данного мероприятия было использовано бесплатное специализированное программное обеспечение «ooVoo» (ooVoo Ltd), **предназначенное для осуществления видеоконференцсвязи.**

Остановившись на использовании компьютерных видеотехнологий при организации и проведении интерактивных телеконференций, мы не исключаем их применения также и при других обстоятельствах, когда требуется оперативность в анализе ситуации для принятия решения, совместная работа в режиме удаленного доступа и координация управления в целях эффективного решения текущих задач, требующих личного участия сотрудников. В таких случаях видеосвязь значительно экономит средства и позволяет максимально эффективно расходовать рабочее время.

В этой связи заслуживает внимания опыт сотрудников кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь. В целях совершенствования преподавания дисциплин профессорско-преподавательский состав кафедры использует технологию интерактивной видеоконференцсвязи при чтении лекций. В режиме реального времени лектор совместно с аудиторией посредством персонального компьютера, подключенного к сети Интернет, имеет возможность осуществлять интерактивное общение с опытными практическими сотрудниками правоохранительных органов.

Совместный опыт проведения научных мероприятий в формате телеконференций позволяет сделать ряд выводов:

1. На сегодняшний день существуют определенные трудности, препятствующие широкой практике распространения и использования в ведомственном вузе телеконференций. Так, ограничивающими факторами для систем видеоконференцсвязи

являются пропускная способность каналов связи и скорость обработки аудио- и видеопотока, то есть время кодирования передаваемой и декодирования получаемой информации. Аналоговые телефонные линии вполне подходят для передачи аудиосигнала, но оказываются не в состоянии обеспечить качественную трансляцию потока видеoinформации. Кроме того, алгоритмы обработки сигнала весьма требовательны к вычислительным ресурсам, поэтому для организации телеконференции на высоком уровне необходимо качественное аппаратно-программное (как правило, дорогостоящее) оборудование на каждом рабочем месте. Общепринятая мировая практика состоит в использовании специализированных плат – кодеков, которые вставляются в свободные слоты компьютера-терминала. Кодеки сжимают сигнал и кодируют его для канала связи (соответственно разжимают и декодируют на принимающей стороне).

Альтернативой дорогостоящему оборудованию, демонстрирующей оптимальное соотношение относительно невысокой цены, скорости, окупаемости затрат и качества видеосвязи, выступает так называемая настольная платформа для видеоконференций, объединяющая аудио- и видеосредства, технологии связи для обеспечения взаимодействия в реальном масштабе времени путем использования обычного персонального компьютера. При этом все участники находятся на своих рабочих местах, а подключение к сеансу видеоконференции производится с персонального компьютера способом, очень похожим на обычный телефонный звонок. Типичный набор оборудования состоит из обычного персонального компьютера, видеокамеры, микрофона, звуковых колонок или наушников и специализированного программного обеспечения (Skype, ooVoo и др.). Для связи используется либо локальная сеть, либо ISDN, в крайнем случае – телефонные линии. Среди необходимых затрат – только программное обеспечение и персональный компьютер, используемый на рабочем месте. Однако в силу невысокого быстродействия работа настольной видеоконференции в состоянии обеспечить скорость передачи видеoinформации не более чем 15 видеокадров в секунду (в результате картинка на экране монитора получится слегка смазанной) и в лучшем случае результатом обработки цифрового видеопотока будет небольшое окно с видеоизображением размером в 176x144 элемента. Тем не менее при отличном качестве звуковой составляющей данная технология способ-

на реализовать совместный интерактивный обмен информацией, пересылку файлов и обеспечить вполне удовлетворительное качество видеоизображения при низких временных и финансовых затратах.

2. Перед проведением телеконференции рекомендуется организовать предварительный доступ к полному комплексу документов и материалов конференции в электронном виде всем участникам, с тем чтобы те могли заранее подготовить вопросы вытекающим.

3. При наличии значительного числа участников целесообразно организовать работу секций. Работа их возможна в разное время или даже в разные дни.

4. Необходимо ввести и соблюдать жесткий регламент на количество вопросов и время ответов, а также определенную последовательность вопросов.

Нельзя не отметить, что при таком формате проведения конференции существует альтернатива, которая заключается в общении в режиме форума в течение некоторого промежутка времени. Форум позволяет достаточно подробно обсудить интересующие вопросы, не ограничивает число участников, не требует наличия специального оборудования. Разумеется, он не обеспечивает той степени живого общения, которая доступна в телеконференции, но может послужить заменой последней, особенно если речь идет об аудиорежиме.

Таким образом, проведение научных мероприятий в формате телеконференции с применением средств видеоконференцсвязи позволяет обеспечить более широкий круг участников и минимизировать затраты на проведение. Оценка целесообразности выбора того или иного формата общения возможна лишь по мере накопления опыта их использования. В дальнейшем предполагается шире практиковать проведение электронных конференций для развития и совершенствования научно-исследовательской деятельности кафедр и вузов. Кроме того, складывается убеждение, что взаимодействие кафедр родственных вузов следует развивать в целях более эффективного решения стоящих перед ними задач. Авторам видится, что уже существующее взаимодействие приведет к кристаллизации общих направлений научных исследований, а в будущем создаст возможность перехода от интерактивных форм проведения конференций к традиционным. Эта надежда не противоречит, по нашему мнению, намерениям продолжать электронные телеконференции, а выражает уверенность в росте наших возможностей в будущем.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Пути повышения эффективности научного обеспечения деятельности ФСИН России

Ю.Н. ШАТАЛОВ – начальник отдела координации, организации и планирования НИИ ФСИН России

Статья посвящена вопросам организации, функционирования и координации научно-исследовательской деятельности во ФСИН России, рассматриваются существующие в этой сфере проблемы и предлагаются пути их решения. В том числе обсуждаются вопросы перспективного планирования и ресурсного обеспечения научно-исследовательской деятельности во ФСИН России, совершенствования системы внедрения научной продукции в практическую деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, усиления координирующей роли ФСИН России и НИИ ФСИН России в данной сфере.

Ключевые слова: ученый совет; координационный совет; научное обеспечение; научно-исследовательская деятельность.

Ways to improve the effectiveness of scientific support of the Federal Penitentiary Service of Russia

Y.N. SHATALOV – head of department of coordination, organization and planning of the Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Article is devoted to questions of the organization, functioning and coordination of research activity in Federal service of execution of punishments of Russia, problems existing in this sphere are considered and ways of their decision are offered. Including questions of advance planning and resource ensuring research activity in activity of Federal service of execution of punishments of Russia, improvement of system of introduction of scientific production in practical activities of bodies and establishments of criminal and executive system, strengthening of a coordinating role of activity of Federal service of execution of punishments of Russia and Research institute of Federal service of execution of punishments of Russia in this sphere are discussed.

Key words: the Scientific Council; coordinating council; scientific support; research activities.

Меры, определенные Федеральным законом от 23.06.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной технической политике», Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., приказом от 17.11.2005 г. № 868 «Об организации научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности ФСИН России», приказом от 25.07.2006 г. № 509 «О координации научных исследований и внедрения научной и научно-техни-

ческой продукции в Федеральной службе исполнения наказаний» позволили создать стройную систему научного обеспечения, организовать ее функционирование и координацию научно-исследовательской деятельности в рамках Федеральной службы исполнения наказаний.

К сожалению, ряд важных решений, определенных указанными нормативно-правовыми актами, так и не был реализован.

Прежде всего это касается создания единой системы управления и координации научно-методического обеспечения в масштабах ФСИН России.

Недостатки в организации научного обеспечения в значительной степени обусловлены отсутствием в ведомстве практики организации заседаний коллективного органа управления координацией научных исследований и экспериментальных разработок – координационно-методического совета.

Как следствие, не сложилась единая унифицированная система научно-исследовательских учреждений.

Определение головных научно-исследовательских и образовательных учреждений с закреплением приоритетных направлений научных исследований не принесло должного эффекта, так как не реализуется функция координации научных исследований с учетом научного потенциала и реальных потребностей практики.

В сфере научно-исследовательской деятельности не осуществляется перспективное планирование (на 3–5 лет).

Система внедрения научной продукции в полной мере не работает, так как не имеется четкого механизма и установленных сроков реализации соответствующих этапов, не определена ответственность руководителей учреждений УИС, что сводит весь процесс, как правило, к простому доведению научных разработок до практических работников. При этом значительная часть научной продукции остается неизвестной сотрудникам территориальных органов.

Ресурсное (кадровое, материально-техническое, финансовое) обеспечение научно-исследовательской деятельности в системе ФСИН России осуществляется по остаточному принципу. Мер, в том числе социальной направленности, по поддержке и развитию научных школ и ведущих научных коллективов практически не принимается.

В целях повышения эффективности организации научно-исследовательской деятельности считаем необходимым создание повсеместно во ФСИН России самостоятельных научно-методических подразделений, которые будут непосредственно осуществлять в рамках предоставленных полномочий функции по реализации научно-методического обеспечения по направлениям деятельности.

Для распределения и качественного анализа научно-исследовательских работ также необходимо упорядочить деятельность координационного совета по научным

исследованиям в части организации научной деятельности научно-исследовательских и образовательных учреждений.

Здесь необходимо пояснить, что ученые советы являются создаваемыми в научно-исследовательских учреждениях и вузах органами, работа которых связана с рассмотрением наиболее важных вопросов научно-исследовательской и образовательной деятельности самой организации. Возлагаемые на ученые советы функции неразрывно связаны именно с той организацией (учреждением), в которой они существуют. Основными же направлениями работы координационных советов являются координация планируемых и проводимых во ФСИН России научных исследований несколькими субъектами научного обеспечения, повышение их теоретического и практического значения.

Кроме того, работа координационных советов не требует дополнительного финансирования и уже дала положительные результаты.

Учитывая, что научно-методическое обеспечение ФСИН России является самостоятельным направлением деятельности, мерами, направленными на преодоление существующих проблем и повышение его эффективности, могут стать:

– во-первых, наличие единого органа координации научно-методического обеспечения деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. В настоящее время уже можно уверенно говорить о реализации этой задачи. Основным координирующим органом является НИИ ФСИН России. Но необходимо на уровне руководства службы делегировать ему ряд полномочий, в частности проводить по поручению руководства ФСИН России проверки территориальных органов и других подразделений ФСИН России по вопросам научно-методического обеспечения, организовывать координационные совещания с субъектами научной деятельности, вносить предложения руководству ФСИН России о заслушивании руководителей подразделений всех уровней, выявлять проблемы в деятельности подчиненных подразделений, которые требуют научной разработки;

– во-вторых, нормативное закрепление принципов, порядка создания и функционирования научных школ во ФСИН России, определения ведущих научных коллективов, а также форм и способов их поддержки, в том числе материального стимулирования труда ученых.

Создание в рамках ведомства ядра исследователей проблем оперативно-служебной деятельности, не нашедших разрешения в ходе повседневной работы, требует кропотливых и последовательных действий по выявлению, сохранению и нацеливанию на научный поиск в интересах ФСИН России отдельных сотрудников, склонных к интеллектуальному труду.

Проблема поддержки ведущих научных коллективов ФСИН России в настоящее время может быть преодолена только посредством программно-целевого метода, эффективность которого обусловлена его системным, интегрирующим характером. Это позволит сконцентрировать ресурсы на приоритетных направлениях поддержки актуальнейших для сферы исполнения наказаний исследований, вопросах привлечения талантливой молодежи в сферу ведомственной науки, а также закрепления в ней квалифицированных специалистов.

Важнейшей составной частью программы целевой поддержки ведущих научных коллективов ФСИН России должна стать новая, реформированная система денежного довольствия научных сотрудников и работников научной сферы.

В целом же экономические формы поддержки ведущих научных коллективов ФСИН России должны разрабатываться и реализовываться в рамках единой ведомственной бюджетной политики и быть свободными от коммерческих отношений, распространяемых в других инновационно-технологических отраслях отечественного научного знания;

– в-третьих, закрепление статуса заказчика научной продукции за конкретными подразделениями, непосредственно подчиненными ФСИН России.

Необходимость решения этого вопроса обусловлена наличием ряда проблем, но-

сящих системный характер, возникающих в процессе поиска и анализа аспектов, требующих научной разработки, формирования заявок на научные исследования, проведения исследований, приемки и внедрения научной продукции.

Анализ недостатков, выявленных в ходе формирования планов НИР НИИ ФСИН России на 2007–2010 гг., показал, что УФСИН по субъектам Российской Федерации, выступавшими в роли заказчиков научной продукции при подготовке заявок, зачастую не принимались в расчет состояние и динамика исполнения наказаний в регионе. Наличие заказываемых разработок в базах данных НИИ, других научно-исследовательских и образовательных учреждений, как правило, не проверялось, что приводило к дублированию.

Важным обстоятельством, обуславливающим требование главенства подразделений центрального аппарата в решении задач научного обеспечения, является и тот факт, что именно подразделения, непосредственно подчиненные ФСИН России, должны определять стратегию деятельности курируемых подразделений в области борьбы с преступностью в соответствующей сфере. Именно управления, анализируя оперативную ситуацию в масштабах страны, призваны своевременно выявлять в деятельности подчиненных подразделений проблемы, которые требуют научной разработки. А главное, только управления ФСИН России способны организовать и обеспечить системный контроль за внедрением результатов научно-исследовательской деятельности в практику.

Реализация предложенных мер, на наш взгляд, поможет создать эффективную систему научно-методического обеспечения деятельности органов ФСИН России. ■

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«Большой террор» и развитие лагерной системы на Европейском Севере России

Н.В. УПАДЫШЕВ – доцент кафедры менеджмента филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Коряжма, доктор исторических наук

В статье исследуется проблема влияния политики «большого террора» на развитие лагерной системы на Европейском Севере России. Автор показывает, что осуществление соответствующих мер привело к существенному росту численности осужденных, который в свою очередь обусловил не только значительное увеличение количества исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) в регионе и содержащихся в них заключенных, но и реорганизацию структуры управления лагерной системой.

Ключевые слова: «большой террор»; Главное управление лагерей (ГУЛАГ); исправительно-трудовой лагерь; заключенные; принудительный труд; Европейский Север России.

«Great terror» and development of the correction and labor camp system on the European north of Russia

N.V. UPADYSHEV – doctor of historical sciences, associate professor of management of branch Northern (Arctic) federal university of M of Century of Lomonosov in the city of Koryazhm

The article investigates the problem of the «great terror» policy impact upon development of the correction and labor camp system on the European north of Russia. The author shows that implementation of the Stalin's «big terror» policy resulted in a considerable growth in the numbers of prisoners, which in its turn caused not only an essential rise in the quantity of correction and labor camps and convicts kept in them, but also restructuring the camp system management.

Key word: «great terror»; GULAG; correction and labor camp; prisoners; forced labor; European north of Russia.

В истории ГУЛАГа, основным системообразующим элементом которого являлись исправительно-трудовые лагеря, следует выделить три основных периода: зарождения, функционирования и распада. В период генезиса (1929–1937 гг.) происходила институционализация ГУЛАГа, характеризовавшаяся процессом упорядочения и формализации структуры, функций, норм, социальных связей и отношений, свойственных ему как особому социальному институту, призванному обеспечивать реализацию определенных сталинским режимом

задач. С 1937 по 1953 гг. наблюдался расцвет ГУЛАГа, что проявилось в возросшем количестве его структурных образований, численности спецконтингента, масштабах использования принудительного труда. В рамках данного периода выделялись три этапа, имевших как общие, так и специфические черты: ГУЛАГ в довоенные годы (1937–1941 гг.); ГУЛАГ в годы войны (1941–1945 гг.); ГУЛАГ в послевоенные годы (1945–1953 гг.). Кризис, охвативший ГУЛАГ к началу 1950-х гг., в постсталинский период еще в большей степени усугубился и приобрел

системный характер. После неоднократных попыток реорганизации гулаговской системы, не давших позитивных результатов, в высших эшелонах власти было принято решение о ее ликвидации.

В 1937 г. советская карательно-репрессивная машина вступила в наивысший период развития, продолжавшийся до 1953 г. Характерной чертой его стало существенное расширение масштабов и диверсификация деятельности ГУЛАГа. Начало этого этапа в значительной степени было связано с осуществлением политики «большого террора».

Политическим решением, определившим установку на проведение массовых репрессий, стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 02.07.1937 г. «Об антисоветских элементах». Оно нацеливало партийные органы, областные, краевые и республиканские представительства НКВД СССР на осуществление комплекса мер, направленных на репрессирование отдельных категорий граждан¹. Данный посыл был конкретизирован в приказе НКВД СССР от 30.07.1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В нем, указав категории людей, подлежащих репрессированию, НКВД поставило задачу «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»².

Содержательное и терминологическое оформление приказа явно не соответствовало положениям действовавшего Исправительно-трудоустройства РСФСР от 01.08.1933 г. (с изм. на 01.10.1934 г.). Если в кодексе основной задачей государства в области уголовной политики провозглашалась защита «диктатуры пролетариата... от посягательств со стороны классово враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся»³, то в приказе НКВД от 30.07.1937 г. говорилось о защите трудящегося советского народа от происков антисоветских элементов⁴.

Данное несоответствие свидетельствует об изменении во второй половине 1930-х гг. социальной направленности карательно-репрессивной политики советского государства. Если в начале 1930-х гг. государство, осуществляя классовый подход, основным

объектом репрессий избрало классово чуждые элементы («кулачество» и различные категории «бывших»), то массовые репрессии 1937–1938 гг., нацеленные против «антисоветских элементов», в значительной степени расширили свои социальные рамки. Объектом преследования стали граждане самых различных социальных слоев, статусов, профессий и рода занятий.

Несмотря на то что в приказе НКВД СССР от 30.07.1937 г. подробно перечислялись категории тех, кто подлежал репрессированию⁵, использование понятия «антисоветский элемент», не являвшегося юридической дефиницией, давало возможность на практике трактовать его расширительно и включать в число врагов народа не только реальных и потенциальных противников советской власти, но и тех, кто проявлял идеологическую индифферентность. В условиях идеократического режима «верхи» нуждались в постоянной поддержке своих идей со стороны народа. Эту поддержку сталинское руководство пыталось обеспечить, иницируя и мобилизуя политическую и социальную активность советского народа. Те, кто не демонстрировал общественной активности (хотя и были лояльны к советскому режиму), не вызывали доверия у власти и рассматривались как потенциальные враги народа, способные в определенных условиях проявить себя как «антисоветский элемент». По логике сталинского режима к таким людям следовало применять превентивные меры репрессивного характера.

Жесткость политических установок обусловила масштабы, характер и методы проведения репрессий. Приказом НКВД СССР от 30.07.1937 г. всего подлежало репрессированию 268 950 чел., которые в зависимости от их социальной опасности (критерии которой были достаточно размыты) подразделялись на две категории. К первой были отнесены наиболее враждебные «антисоветские элементы», подлежащие немедленному аресту и после рассмотрения их дел на тройках расстрелу. Разрядкой НКВД их численность определялось в 75 950 чел. (10 тыс. – содержащиеся в лагерях), в том числе в Коми АССР – 100 чел., в Северной области – 750 чел. В отношении «антисоветских элементов», отнесенных ко второй категории (193 тыс. чел.), предусматривалась изоляция в исправительно-трудоустройственных лагерях на срок от 8 до 10 лет, а наиболее опасных – в тюрьмах. В Коми АССР вторая категория репрессированных должна была составить 300 чел., в Северной области –

2 тыс. чел. Все семьи репрессированных надлежало поставить на учет органов НКВД и установить за ними систематическое наблюдение. Операцию по репрессированию планировалось осуществить в четырехмесячный срок начиная с 5 августа 1937 г. Следствие по делам репрессированных приказано было вести «ускоренно и в упрощенном порядке», направляя завершённые дела на рассмотрение республиканских, краевых и областных троек. В частности, в Коми АССР в состав тройки вошли Ковалев (председатель), Семичев и Литин, в Северной области – Бак (председатель), Коржин и Рябов⁶.

Одной из составляющих политики «большого террора» стали репрессии по национальному признаку. В соответствии с приказом НКВД СССР от 11.08.1937 г. репрессированию подлежали: члены так называемой польской военной организации в СССР; находившиеся на территории СССР военнопленные польской армии; перебежчики и политэмигранты из Польши; члены польских антисоветских политических партий и «наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов». Они также делились на две группы: подлежащие расстрелу (первая категория) и направляемые в лагеря и тюрьмы на срок от 5 до 10 лет (вторая категория). Запрещалось освобождение из лагерей и тюрем заключенных, осужденных «по признакам польского шпионажа»⁷.

Всего в период массовых репрессий было проведено более десятка операций этнического характера – против поляков, немцев, румын, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, болгар, македонцев и так называемых харбинцев (бывших сотрудников Китайско-Восточной железной дороги, вернувшихся в СССР после ее продажи в 1935 г.). Как совершенно правильно отмечает О.В. Хлевнюк, все эти категории (как и категория «бывших» – *Н.У.*) рассматривались сталинским руководством как потенциальный ресурс для шпионажа и коллаборационизма⁸.

Реализуя установку покончить с «антисоветским элементом» раз и навсегда, НКВД СССР приказом от 15.08.1937 г. поставил задачу репрессирования жен и детей «изменников Родины». Аресту подлежали женщины, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденными в момент их ареста, а также жены, находившиеся к моменту ареста в разводе с осужденными, но причастные к его контрреволюционной деятельности или знавшие о ней, но не со-

общившие об этом в соответствующие органы, а также укрывавшие осужденного. Для них устанавливалась мера наказания в виде заключения в исправительно-трудовые лагеря сроком на 5–8 лет. Социально опасные дети осужденных направлялись в исправительно-трудовые лагеря, колонии и детские дома особого режима Наркомпроса⁹.

Массовые репрессии 1937–1938 гг. привели к резкому увеличению числа осужденных. Если в 1936 г. органами НКВД было осуждено 274 670 чел., то в 1937 г. – 790 665, 1938 г. – 554 258, 1939 г. – 63 889¹⁰.

В репрессиях 1937–1938 гг. явно доминировала политическая составляющая. Об этом свидетельствует и государственная установка (покончить раз и навсегда с антисоветскими элементами), и количество осужденных к высшей мере наказания. Так, если в 1936 г. число приговоренных к высшей мере наказания составило 1118 чел. (0,4% от общего количества осужденных), то в 1937 г. – 353 074 (44,7%), 1938 г. – 328 618 (59,3%), 1939 г. – 2552 (4%)¹¹.

Вместе с тем в определенной степени «большой террор» был обусловлен и экономическим фактором. К этому времени уже сложилась система принудительного труда, использовавшая в качестве рабочей силы различные категории спецконтингента (заключенные, спецпереселенцы и др.). Сотни тысяч лагерных заключенных были заняты на сооружении промышленных объектов, разработке природных месторождений, лесозаготовках, дорожном строительстве, в сельском хозяйстве, рыбном промысле и т.п. Став неотъемлемой составной частью советского народнохозяйственного комплекса, система принудительного труда играла важную роль в развитии производительных сил страны, особенно в малодоступных, но богатых природными ресурсами регионах. Специфика лагерной экономики, выразившаяся во временном характере использовавшейся рабочей силы, требовала постоянного восполнения выбывавшей (освобождение и прочее) части контингента. Сама гугаговская система не осуществляла воспроизводство необходимой рабочей силы – она поступала в систему извне, и ее количество обуславливалось размахом проводимой карательно-репрессивной политики. Ужесточение последней (например, «большой террор» 1937–1938 гг.) не только наращивало людские ресурсы, но и стимулировало расширение и диверсификацию производственной деятельности ГУЛАГа. Когда же карательно-репрессивная поли-

тика государства осуществлялась по нисходящей линии, уменьшение притока нового контингента компенсировалось использованием внутренних резервов (например, отмена в 1939 г. системы условно-досрочного освобождения, интенсификация труда заключенных и т.п.).

Следует также отметить, что интегрированная в народное хозяйство страны система принудительного труда приобрела к концу 1930-х гг. такое значение, что стала сама оказывать существенное влияние на содержание и направленность карательно-репрессивной политики государства. Это воздействие имело опосредованный характер и овеществлялось через производственную деятельность ГУЛАГа. С расширением ГУЛАГа возрастала зависимость экономики страны от его хозяйственной деятельности, а вместе с этим расширялись возможности карательных органов влиять на «верхи», определявшие карательно-репрессивную политику государства.

Осуществление политики «большого террора» привело к значительному росту числа лагерных заключенных. Из общего числа осужденных в 1937–1938 гг. (1 344 923 чел.) 634 820 чел., или 47,2%, были направлены в лагеря и в тюрьмы. За два года репрессий в систему лагерей из других мест заключения (тюрьмы, колонии) поступило 1 439 756 осужденных. Если в 1937 г. численность лагерного контингента в СССР составляла 820 881 чел., то в 1939 г. – уже 1 317 195 чел. (данные на 1 января каждого года)¹².

Значительный рост численности осужденных в годы «большого террора», с одной стороны, и возросшая потребность в дешевой рабочей силе для реализации масштабных планов индустриализации – с другой, обусловили расширение лагерной системы и диверсификацию ее хозяйственной деятельности. Данный процесс проходил в различных направлениях и осуществлялся разными способами. Одним из способов решения проблемы размещения, изоляции и трудового использования резко возросшего потока лагерных заключенных стала организация на базе подразделений уже действовавших исправительно-трудовых лагерей новых самостоятельных ИТЛ.

Подобным образом произошло расширение сети исправительно-трудовых лагерей в Коми АССР, где в результате поэтапной реорганизации на базе действовавшего Ухто-Печорского ИТЛ были созданы четыре самостоятельные ИТЛ, подчиненные непосредственно ГУЛАГу. Они были организова-

ны по производственно-территориальному принципу: 1) Воркуто-Печоский ИТЛ (центр – г. Воркута), предназначенный для угледобычи; 2) Ухто-Ижемский ИТЛ (центр – пос. Чибью) – разведка и добыча нефти, газа, асфальтитов и переработка радиоактивной воды; 3) Северный железнодорожный ИТЛ (центр – пос. Княжпогост) – строительство железной дороги Котлас–Воркута; 4) Усть-Вымский лесозаготовительный ИТЛ (центр – пос. Усть-Вымь). В результате данной реорганизации получил самостоятельный статус и перешел в непосредственное подчинение ГУЛАГа Котласский пересыльно-перевалочный пункт¹³.

Одним из способов образования новых исправительно-трудовых лагерей в регионе стала передача в ведение ГУЛАГа гражданских объектов промышленного строительства, использовавших в качестве основной рабочей силы вольнонаемных работников. Так, для форсирования работ на строящемся с июля 1936 г. Архангельском судостроительном заводе (завод № 402) в марте 1938 г. его сооружение было передано в ведение НКВД СССР. С этой целью в апреле 1938 г. был образован Ягринский исправительно-трудовой лагерь (Ягринлаг). Заключенные лагеря (на 01.01.1939 г. их насчитывалось 27 680 чел.) занимались не только сооружением завода, но и созданием социальной инфраструктуры г. Молотовска (ныне г. Северодвинск), строительством шоссейной дороги Архангельск – Никольское устье, железнодорожной ветки Исакогорка – Никольское устье. В 1939 г. Ягринлагом было освоено более 311 млн руб. капиталовложений¹⁴.

С передачей строящегося с осени 1935 г. Архангельского сульфитно-целлюлозного комбината в ведение НКВД СССР в 1938 г. был образован Архангельский ИТЛ (Архбумлаг). Из сметной стоимости сооружения первой очереди комбината, составлявшей около 185 млн руб., к 1940 г. было освоено 116 млн руб. Кроме того, заключенные вели строительство поселка (ныне г. Новодвинск) и другие работы¹⁵.

В Мурманской области в 1939–1940 гг. были образованы семь исправительно-трудовых лагерей различного производственного профиля: Кольский ИТЛ, которому было поручено сооружение объектов особого назначения; Енское строительство и ИТЛ, осуществлявший строительство горнорудных предприятий на Енском месторождении железных руд; Замандровский ИТЛ, занимавшийся соору-

жением железнорудного рудника; Канда-лакшинский ИТЛ, ведший строительство Кандалакшинского алюминиевого завода; Мончегорский ИТЛ, соорудивший Мончегорский никелевый завод, а также два лагеря, которые занимались строительством железных дорог¹⁶.

В эти же годы появились четыре исправительно-трудовых лагеря в Карело-Финской ССР: Сегежский ИТЛ, предназначенный для строительства Сегежского лесобумхимкомбината, Сегежского гидролизного завода, Кондопожского сульфитно-спиртового завода; Кексгольмский ИТЛ, осуществлявший восстановление целлюлозно-бумажных предприятий, отошедших к СССР от Финляндии; Маткожненское Строительство и ИТЛ, возводивший алюминиевый завод; Пудожгорский ИТЛ, выполнявший работы по строительству металлургического комбината, а также пять лагерей, дислоцированных в Вологодской области: Череповецкий ИТЛ, осуществлявший строительство металлургического комбината; Вытегорский, Опокский, Шекснинский исправительно-трудовые лагеря и Знаменитлаг, которые производили работы на строительстве Волго-Балтийского и Северо-Двинского водных путей¹⁷.

Наряду с этим на Европейском Севере России в 1937–1938 гг. были организованы пять лесозаготовительных лагерей: Каргопольский, Кулойский и Онежский в Архангельской области, Усть-Вымский и Локчимский ИТЛ в Коми АССР. Новообразованные лесозаготовительные лагеря создавались не на пустом месте: в их распоряжение передавались не только лесные массивы, но и механизированные лесопункты с принадлежавшим им оборудованием, имуществом, административно-техническим персоналом и финансовыми средствами¹⁸.

Комплексное промышленное освоение в 1930-е гг. Европейского Севера России требовало развития транспортной инфраструктуры. До сдачи в эксплуатацию Северо-Печорской магистрали (Коноша–Воркута) железнодорожное сообщение осуществлялось только до Котласа (линия Киров–Котлас). Требовалось строительство железной дороги, способной обеспечить устойчивое транспортное сообщение между центром страны и осваиваемыми территориями. Строившаяся с 1929 г. железная дорога Пинюг–Усть-Сысольск (с 1930 г. – г. Сыктывкар) не была завершена: из-за нехватки материальных и финансовых средств ее сооружение в 1931 г. было приостановлено.

Обеспечить круглогодичный вывоз ухтинской нефти и печорского угля должна была Северо-Печорская железнодорожная магистраль. После утверждения Политбюро ЦК ВКП(б) в октябре 1937 г. направления строительства дороги (Котлас–Княжпогост–Чибью–Усть-Кожва–Воркута)¹⁹ ее сооружение было поручено Ухто-Печорскому ИТЛ. Однако возможности лагеря не позволяли обеспечить ускоренные темпы работ. Поэтому строительство магистрали было возложено на специально образованный для этой цели в 1938 г. Северный железнодорожный ИТЛ (Севжелдорлаг). В 1939 г. заключенными лагеря, численность которых на 01.01.1939 г. составляла 29 405 чел., был выполнен объем работ на сумму около 75 млн руб.²⁰ Наряду с Севжелдорлагом с 1940 г. в сооружении Северо-Печорской магистрали участвовали Северо-Печорский (Севпечлаг) и Северо-Двинский (Севдвинлаг) ИТЛ. В результате строительство железной дороги Коноша–Воркута было разбито на три участка: Коноша–Котлас (Севдвинлаг), Котлас–Усть-Кожва (Севжелдорлаг), Усть-Кожва–Воркута (Севпечлаг)²¹. Суммарная численность заключенных, занятых на сооружении дороги, составляла по состоянию на 01.01.1941 г. 135 217 чел., в том числе в Северном железнодорожном ИТЛ – 84 893, в Северо-Печорском ИТЛ – 34 959, в Северо-Двинском ИТЛ – 15 365 чел.²²

Одновременно с сооружением Северо-Печорской магистрали осуществлялось строительство железной дороги Сорока (г. Беломорск) – станция Обозерская (Северная железная дорога). Ее сооружение, а также возведение вторых путей железной дороги Сорока–Мурманск было поручено образованному в мае 1938 г. Сорокскому исправительно-трудовому лагерю, управление которого размещалось в г. Беломорске Карело-Финской ССР. Объем работ, выполненных в 1939 г. на строительстве вторых путей Кировской железной дороги, составил 33 830 тыс. руб., на сооружении линии Сорока–Обозерская – 15 880 тыс. руб.²³

Таким образом, по состоянию на январь 1941 г. на территории Европейского Севера России функционировали 30 исправительно-трудовых лагерей, в которых суммарно содержалось около 553 тыс. заключенных, что составляло 36,9% от списочного состава лагерных заключенных ГУЛАГа (1 500 524 чел.). При этом в Карело-Финской ССР дислоцировались 6 лагерей с суммарной численностью заключенных 97 655 чел., в Коми АССР – 5 (176 202 чел.), в Архангельской об-

ласти – 7 (118 159 чел.), в Вологодской области – 5 (16 219 чел.²⁴), в Мурманской области – 7 (144 467 чел.)²⁵.

Значительный удельный вес в общей массе лагерного контингента составляли заключенные, осужденные за контрреволюционные преступления. По состоянию на 01.01.1941 г. этот показатель достиг: Каргопольском ИТЛ – 60,7%, Кулойском ИТЛ – 56,4%, Онежском ИТЛ – 49%, Северо-Двинском ИТЛ – 8,8%, Ягринском ИТЛ – 5,0%, Воркутинском ИТЛ – 51,5%, Северном железнодорожном ИТЛ – 45,2%, Северо-Печорском ИТЛ – 20,8%, Усть-Вымском ИТЛ – 45,4%, Ухтоижемском ИТЛ – 43,8%²⁶.

Стремительный рост численности заключенных и расширение экономики принудительного труда превратили ГУЛАГ в крупнейшее хозяйственное ведомство страны. По данным Л.П. Бери, ГУЛАГом в 1939 г. было выпущено продукции и выполнено подрядных работ на сумму 3,5 млрд руб., капитальных работ – на 1,5 млрд руб. Капиталовложения в строительные объекты, реализуемые ГУЛАГом, составили 11% от всего объема капиталовложений в СССР²⁷.

Расширение масштабов лагерной системы обусловило изменение конфигурации исправительно-трудовых лагерей и реорганизацию системы управления гулаговскими образованиями. Исправительно-трудовые лагеря из многопрофильных, громоздких комплексов трансформировались в компактные, однопрофильные лагерные образования. Наряду с этим произошла реорганизация структуры управления лагерной системой. Предпринятые в этом направлении меры носили противоречивый характер. С одной стороны, произошла централизация управления лагерной системой, когда в конце 1937 г. все лагеря были переподчинены непосредственно ГУЛАГу, а с другой – имела место децентрализация, выразившаяся в создании специализированных производственных управлений, функционировавших сначала в составе ГУЛАГа, а затем переподчиненных непосредственно НКВД СССР.

В феврале 1941 г. из НКВД СССР был выделен как самостоятельное ведомство Наркомат государственной безопасности. Новая структура НКВД СССР, утвержденная в феврале 1941 г., включала помимо ГУЛАГа девять специализированных производственных главков. В результате из мест заключения в ведении ГУЛАГа остались исправительно-трудовые лагеря, специализировавшиеся на сельском хозяйстве, рыбо-

ловстве и производстве товаров широкого потребления, а также все территориальные отделы исправительно-трудовых колоний и управления исправительно-трудовых лагерей и колоний. За ГУЛАГом также сохранялись функции разработки нормативных документов по режиму содержания и охране заключенных, централизованного учета и распределения осужденных, общего контроля за системой мест лишения свободы. Производственные же главки несли полную ответственность за выполнение производственных планов и фактически осуществляли оперативное управление подведомственными лагерями²⁸.

Образование специализированных производственных главков и их подчинение НКВД СССР вызвало неоднозначные последствия. Вполне очевидно, что в условиях расширения масштабов и диверсификации производственной деятельности ГУЛАГа данная специализация позволяла повысить инженерно-технический уровень управления лагерной системой. Однако двойное подчинение, в котором оказались лагерно-промышленные комплексы, имело не только позитивное, но и негативное значение. Несмотря на формальное распределение функций между ГУЛАГом и производственными главками, в реальной жизни решение многих вопросов жизнедеятельности лагерей невозможно было разделить, что часто приводило к дублированию и управленческой неразберихе. Кроме того, лагерная составляющая, за которую ответственность несло Главное управление лагерей, и производственная деятельность (прерогатива производственных главков) нередко вступали в противоречие друг с другом. Как правило, приоритет в ущерб режимным требованиям отдавался производственной составляющей. От ИТЛ прежде всего требовалось выполнение производственных заданий, поэтому администрация лагерей, ответственная за обеспечение и лагерной, и производственной сторон деятельности, стремилась любым путем, в том числе нарушая режим содержания заключенных, добиться выполнения производственных заданий.

В последующие годы в систему управления лагерями вносились определенные коррективы, но основной принцип ее организации, сочетающий в ИТЛ и производственную, и лагерную составляющую и предполагающий их двойное подчинение и ГУЛАГу, и соответствующему производственному главку, до 1953 г. оставался неизменным.

Эволюция гулаговской системы в довоенный период привела к образованию в отдаленных регионах страны, в том числе и на Европейском Севере России, уникальных комплексов принудительного труда, основу которых составляли исправительно-трудовые лагеря, взаимодействовавшие с другими структурами, использовавшими принудительный труд. Своеобразие региональных комплексов принудительного труда заключа-

лось в их модульной конфигурации, где основную нагрузку несли исправительно-трудовые лагеря, а другие гулаговские образования независимо от их подчиненности «пристыковывались» к ИТЛ, выполняя вспомогательные и дополнительные функции. Модульный принцип в деятельности региональных комплексов принудительного труда оставался неизменным на протяжении всех последующих лет существования гулаговской системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зеленин И.Е. Кульминация «большого террора» в деревне. Зигзаги аграрной политики (1937–1938 гг.) // Отечественная история. 2004. № 1. С. 175; Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 437.

² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 96–100.

³ См.: Там же. С. 73.

⁴ См.: Там же. С. 97.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же. С. 98–102.

⁷ См.: Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии. С. 438.

⁹ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 106–108.

¹⁰ См.: Там же. С. 433; Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 59; Попов В.П. Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. (Источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 433; Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы. С. 56–57; Попов В.П. Государственный террор в советской России 1923–1953 гг. С. 28.

¹³ См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 22. Л. 67.

¹⁴ См.: Там же. Д. 20. Л. 142; Д. 59. Л. 178–186; Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1109. Л. 1–2, 8; Оп. 1. Д. 2977. Л. 4, 6, 20.

¹⁵ См.: Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 20. Л. 198, 227, 259; Д. 59. Л. 159; Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3130. Л. 1; Оп. 1а. Д. 3. Л. 1.

¹⁶ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 221, 223, 283, 296, 327, 390, 410.

¹⁷ См.: Там же. С. 198, 259, 290, 321, 348, 365, 390, 512.

¹⁸ См.: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. 1930-е годы: Сб. документов. М., 1998. С. 79–80.

¹⁹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 993. Л. 6.

²⁰ См.: ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 19. Л. 35.

²¹ См.: Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 56. Л. 197–198; Д. 59. Л. 85–86.

²² См.: Там же. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 372. Л. 11.

²³ См.: Там же. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 20. Л. 4–5, 189.

²⁴ Отсутствуют данные о численности заключенных в Знаменитлаге и в Шекснинском ИТЛ.

²⁵ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 372. Л. 8–12; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. С. 162, 221, 223, 283, 290, 296, 321, 327, 365, 390, 397, 410.

²⁶ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1160. Л. 2–6, 12–16.

²⁷ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сб. документов: В 7 т. / М., 2004. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. С. 37–38.

²⁸ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. М., 1998. С. 46.

¹ Sm.: Zelenin I.E. Kul'minacija «bol'shogo terrora» v derevne. Zigzagi agrarnoj politiki (1937–1938 gg.) // Otechestvennaja istorija. 2004. № 1. S. 175; Hlevnjuk O.V. «Bol'shoj terror» 1937–1938 gg. kak problema nauchnoj istoriografii // Istoricheskaja nauka i obrazovanie na rubezhe vekov. M., 2004. S. 437.

² GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960. M., 2000. S. 96–100.

³ Sm.: Tam zhe. S. 73.

⁴ Sm.: Tam zhe. S. 97.

⁵ Sm.: Tam zhe.

⁶ Sm.: Tam zhe. S. 98–102.

⁷ Sm.: Hlevnjuk O.V. «Bol'shoj terror» 1937–1938 gg. kak problema nauchnoj istoriografii. S. 438.

⁹ Sm.: GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960. S. 106–108.

¹⁰ Sm.: Tam zhe. S. 433; Zemskov V.N. Zakljuchennye v 1930-e gody: social'no-demograficheskie problemy // Otechestvennaja istorija. 1997. № 4. S. 59; Popov V.P. Gosudarstvennyj terror v sovetskoj Rossii 1923–1953 gg. (Istochniki i ih interpretacija) // Otechestvennye arhivy. 1992. № 2. S. 28.

¹¹ Sm.: Tam zhe.

¹² Sm.: Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee – GARF). F. 9414. Op. 1. D. 1155. L. 1; GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960. S. 433; Zemskov V.N. Zakljuchennye v 1930-e gody: social'no-demograficheskie problemy. S. 56–57; Popov V.P. Gosudarstvennyj terror v sovetskoj Rossii 1923–1953 gg. S. 28.

¹³ Sm.: GARF. F. 9401. Op. 1a. D. 22. L. 67.

¹⁴ Sm.: Tam zhe. D. 20. L. 142; D. 59. L. 178–186; F. 9414. Op. 1a. D. 1109. L. 1–2, 8; Op. 1. D. 2977. L. 4, 6, 20.

¹⁵ Sm.: Tam zhe. F. 9401. Op. 1a. D. 20. L. 198, 227, 259; D. 59. L. 159; F. 9414. Op. 1. D. 3130. L. 1; Op. 1a. D. 3. L. 1.

¹⁶ Sm.: Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR. 1923–1960: Spravochnik. M., 1998. S. 221, 223, 283, 296, 327, 390, 410.

¹⁷ Sm.: Tam zhe. S. 198, 259, 290, 321, 348, 365, 390, 512.

¹⁸ Sm.: Jekonomika GULAGA i ee rol' v razvitii strany. 1930-e gody: Sb. dokumentov. M., 1998. S. 79–80.

¹⁹ Sm.: Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. F. 17. Op. 3. D. 993. L. 6.

²⁰ Sm.: GARF. F. 9407. Op. 1. D. 19. L. 35.

²¹ Sm.: Tam zhe. F. 9401. Op. 1a. D. 56. L. 197–198; D. 59. L. 85–86.

²² Sm.: Tam zhe. F. 9414. Op. 1a. D. 372. L. 11.

²³ Sm.: Tam zhe. F. 9401. Op. 1a. D. 20. L. 4–5, 189.

²⁴ Otsutstvujut dannye o chislennosti zakljuchennyh v Znamenitlage i v Sheksninskom ITL.

²⁵ Podschitano po: GARF. F. 9414. Op. 1a. D. 372. L. 8–12; Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR. 1923–1960. S. 162, 221, 223, 283, 290, 296, 321, 327, 365, 390, 397, 410.

²⁶ Podschitano po: GARF. F. 9414. Op. 1. D. 1160. L. 2–6, 12–16.

²⁷ Sm.: Istorija stalinskogo GULAGA. Konec 1920-h – pervaja polovina 1950-h godov: Sb. dokumentov: V 7 t. / M., 2004. T. 2. Karatel'naja sistema: struktura i kadry. S. 37–38.

²⁸ Sm.: Sistema ispravitel'no-trudovyh lagerej v SSSR. 1923–1960. M., 1998. S. 46.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социальный контроль за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы

А.М. ПОТАПОВ – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

А.Л. САНТАШОВ – заместитель директора по учебной и научной работе Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде), кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются проблемы реализации социального контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, в условиях действующего законодательства. Основные выводы, изложенные в публикации, подтверждены результатами научно-исследовательской работы авторов по теме «Социальный контроль за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы», осуществленной в 2010–2011 гг.

Ключевые слова: правовое положение; судимость; правоограничения; социальный контроль; административный надзор; рецидив; основания освобождения от отбывания наказания; социальная адаптация.

В последние годы государством проделана объемная, социально ориентированная и государственно значимая работа по совершенствованию своей деятельности в сфере противодействия преступности. Решен ряд задач, направленных на либерализацию уголовной и уголовно-исполнительной политики, гуманизацию исполнения наказания, создана правовая основа для внедрения концептуально новой программы развития уголовно-исполнительной системы и иных правоохранительных органов¹.

Необходимость оценки состояния социального контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, вызвана рядом факторов.

Во-первых, наблюдается снижение общего числа осужденных к лишению свободы. Так, по данным ФСИН России в период с 2008 по 2010 гг. количество осужденных в исправительных учреждениях уменьшилось с 887 723 до 819 123 чел.² Большая их часть была освобождена по отбытию установленного срока наказания либо по другим основаниям.

Во-вторых, высоким уровнем рецидивной преступности. Так, удельный вес

осужденных, судимых два раза, составляет 26,95%, три раза и более – 26,56%³. Это свидетельствует о том, что цели наказания в отношении данных осужденных не были достигнуты.

В-третьих, в настоящее время создана нормативная правовая база, регламентирующая осуществление постпенитенциарного контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, после ее длительного отсутствия.

В-четвертых, представляется узким круг субъектов, привлекаемых к осуществлению постпенитенциарного контроля.

В-пятых, систему помощи осужденным в трудовом и бытовом устройстве после освобождения приходится характеризовать как развитую.

Совокупность перечисленных факторов формировалась в течение длительного времени и стала следствием системных изменений в государстве.

На современном этапе требуется переосмотр подходов к процессу постпенитенциарного контроля. На необходимость решения соответствующих вопросов указывается в международных стандартах отбы-

вания наказания⁴, а также в отраслевом законодательстве и подзаконных актах, в том числе Концепции развития УИС Российской Федерации до 2020 г.

Отметим, что в 2011 г. государство приняло ряд шагов в этом направлении. Так, 01.06.2011 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»⁵. До этого момента на протяжении последних десяти лет постпенитенциарный контроль как правовой институт в России отсутствовал.

В соответствии с данным нормативным правовым актом под административным надзором понимается осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей.

Лицами, подпадающими под административный надзор, являются совершеннолетние освобождаемые или освобожденные из мест лишения свободы, имеющие непогашенную либо неснятую судимость, за совершение:

- 1) тяжкого или особо тяжкого преступления;
- 2) преступления при рецидиве преступлений;
- 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

Кроме того, административный надзор устанавливается в случае, если:

- 1) лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;
- 2) лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершило в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

Стоит отметить, что в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при

опасном или особо опасном рецидиве преступлений, административный надзор устанавливается независимо от наличия вышеуказанных оснований.

Основными правоограничениями, образующими содержание административного надзора, являются:

- 1) запрет на пребывание в определенных местах;
- 2) запрет на посещение мест проведения массовых и иных мероприятий и участие в них;
- 3) запрет на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- 4) запрет на выезд за установленные судом пределы территории;
- 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации.

Указанные ограничения устанавливаются на срок от одного года до трех лет, но не свыше срока, определенного законодательством Российской Федерации для погашения судимости.

Анализ рассматриваемого института свидетельствует, что он во многом тождественен аналогичному, существовавшему в советский период⁶. Однако существенным моментом действующей процедуры является обязательность судебного решения для ее установления⁷. Таким образом устраняется возможность нарушения законности со стороны администрации исправительных учреждений и органов внутренних дел, которые выступают лишь в качестве инициаторов установления административного надзора.

Представляется правильным и введение уголовной ответственности за уклонение от административного надзора⁸ наряду с административной ответственностью за нарушение установленного порядка административного надзора⁹. Отметим, что данное разграничение видов ответственности позволяет устранить существовавшие при применении административного надзора в советский период нарушения законности. Так создается дифференцированная система ответственности лиц, отбывших лишение свободы, учитывающая характер нарушения порядка административного надзора.

Очевидно, что механизм реализации административного надзора будет изменяться. В настоящее время происходит согласование процедур взаимодействия ОВД и

иных субъектов, вовлекаемых в данную деятельность, в том числе и ФСИН России. Требуется создание или приведение в соответствие с федеральным законодательством ведомственной нормативной правовой базы ОВД, ФСИН России и других государственных органов.

Обращает на себя внимание и перечень категорий освобожденных, в отношении которых может быть установлен надзор. Считаем необходимым наряду с возможностью установления административного надзора за лицами, отбывшими наказания за преступления против несовершеннолетних¹⁰ и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров¹¹, рассмотреть вопрос о включении в него лиц, отбывших наказание за преступления террористической и экстремистской направленности, совершавших преступления в организованных преступных группах (сообществах), а также бывших лидерами отрицательной направленности в исправительных учреждениях и др.

Как уже отмечалось, оценка состояния постпенитенциарного контроля показывает, что к его осуществлению привлекается узкий круг участников. При этом положительный советский опыт, а также зарубежная практика свидетельствуют о необходимости расширения круга субъектов, участвующих в данной деятельности.

Прежде всего речь идет о возможном участии общественности в осуществлении контроля за отдельными категориями лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Здесь необходимо остановиться на ряде обстоятельств. Анализ отраслевого законодательства свидетельствует о существенных проблемах в правовом регулировании данного вопроса. В советском законодательстве закреплялись варианты участия общественности в контроле за освобожденными. Практически во всех формах контроля общественным организациям отводилась та или иная роль, а в некоторых из них она была преобладающей (например, наблюдение за освобожденными условно-досрочно)¹². Сегодня существовавшие ранее формы контроля не реализуются, а новым законодателем не предлагается, что ограничивает проводимую работу по профилактике рецидива преступлений со стороны лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Стоит указать на отдельные попытки устранить данную проблему, которые, од-

нако, на наш взгляд, не могут кардинально исправить сложившуюся ситуацию. В частности, речь идет о Федеральном законе от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»¹³. Необходимость указанного нормативного правового акта бесспорна. В то же время его анализ показывает, что вопросы участия общественности в контроле за освобожденными законодательного закрепления здесь не получили. А это является необходимым условием выполнения данной общественно полезной функции.

Кроме того, не определены и организационно-правовые формы участия общественности в реализации постпенитенциарного контроля. Существовавшие ранее наблюдательные комиссии исполкомов местных советов представлены в указанном законодательном акте как общественные наблюдательные комиссии, но в отличие от предшественниц на общественные наблюдательные комиссии, образуемые в субъектах Российской Федерации, функции постпенитенциарного контроля не возлагаются.

Одной из составляющих общественного контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, являлась воспитательная работа с освобожденными. В советский период воспитательные мероприятия проводились в отношении лиц, освобожденных условно-досрочно. При этом в определенных случаях наблюдательные комиссии осуществляли воспитательную работу и в отношении лиц, освобожденных по безусловным основаниям, в частности подпадающих под административный надзор органов внутренних дел. Сегодня такие функции на общественные наблюдательные комиссии действующим законом не возлагаются.

Помимо прочего наблюдательные комиссии исполкомов местных советов были наделены правом совместно с администрацией исправительно-трудовых колоний и тюрем выносить заключения о необходимости установления либо прекращения административного надзора за освобожденными. В действующем законодательстве подобная практика отражения также не нашла. В то же время эффективность данного института была достаточно высокой, что достигалось в том числе и путем привлечения к этой деятельности наблюдательных комиссий.

Таким образом, мы приходим к ряду выводов.

Во-первых, привлечение общественности к осуществлению контроля за освобожденными представляется нам обязательным.

Во-вторых, попытки законодателя решить проблему привлечения общественности к сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний следует признать обоснованными. Однако смещение акцента на пенитенциарный этап неправильно, так как постпенитенциарный период также является важным звеном в профилактике рецидивной преступности.

В-третьих, для привлечения общественности к осуществлению контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, необходимо конкретизировать правовые основания его организации. В настоящее время таковых в отраслевом законодательстве не предусмотрено.

В-четвертых, учитывая исторический опыт привлечения к контролю за освобожденными наблюдательных комиссий местных исполкомов власти, считаем возможным возложение данных функций на общественные наблюдательные комиссии, образуемые в субъектах Российской Федерации, с обязательным указанием на это в законе.

На наш взгляд, стоит обратить внимание и на формы постпенитенциарного контроля, ориентированного на определенный круг освобожденных. В частности, такими лицами могут считаться несовершеннолетние, а также больные открытой формой туберкулеза либо ВИЧ-инфекцией.

В отличие от основной группы отбывших наказание в отношении несовершеннолетних сложилась достаточно развитая система контроля за их поведением. В связи с принятием Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹⁴ несовершеннолетние, отбывшие наказание в виде лишения свободы, освобожденные по основаниям, указанным в ст. 172 УИК РФ, составили категорию лиц, в отношении которых должна проводиться индивидуальная профилактическая работа. К системе субъектов, осуществляющих такую деятельность, относятся: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел. Соответ-

ственно каждый из указанных органов участвует в осуществлении контрольных функций в рамках мероприятий по социальной адаптации несовершеннолетних.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в пределах своей компетенции обеспечивают выявление потребности и оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве несовершеннолетним, освобожденным из учреждений уголовно-исполнительной системы, а также осуществление иных функций по их социальной реабилитации¹⁵.

Органы внутренних дел в пределах своей компетенции реализуют деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в соответствии с законодательством Российской Федерации¹⁶.

В отличие от несовершеннолетних правовое регулирование социального контроля за освобожденными, имеющими опасные для окружающих заболевания, не всегда находит достаточное освещение в законодательстве. Можно вести речь только о предпосылках к такой деятельности. К таковым можно, например, отнести следующие положения законодательства. В соответствии с ч. 5 ст. 8 федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» руководители медицинских организаций и граждане, занимающиеся частной медицинской деятельностью, обязаны направлять в медицинские противотуберкулезные организации органов управления здравоохранением субъектов Российской Федерации, а также территориальные органы, созданные в установленном законодательством Российской Федерации порядке для осуществления государственного санитарно-эпидемиологического надзора в субъектах Российской Федерации, информацию о каждом освобождающемся из учреждений уголовно-исполнительной системы больном туберкулезом. В соответствии с п. 3.5 Постановления главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 22.04.2003 г. № 62 «О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.1295-03» лица, освобожденные из исправительных учреждений, проходят профилактические медицинские осмотры два раза в год в течение первых двух лет после освобождения¹⁷. В случаях умышленного уклонения от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза на основании решения суда такие лица госпитализируются, в том чис-

ле принудительно, в специализированные медицинские противотуберкулезные организации для обязательного обследования и лечения¹⁸.

На данной правовой основе в целом возможно построение эффективной и последовательной системы социального контроля за рассматриваемой категорией освобожденных, чего нельзя сказать о контроле за освобожденными с ВИЧ-инфекцией.

В частности, законодатель, заостряя внимание на выявлении таких лиц в процессе отбывания наказания¹⁹, не регламентирует вопросы контроля за ними после освобождения в рамках мероприятий по эпидемио-

логическому надзору за распространением ВИЧ-инфекции на территории Российской Федерации. Безусловно, отдельные элементы социального контроля за ВИЧ-инфицированными освобожденными можно усматривать в разрезе общей профилактики данного вида заболевания, а также в рамках реализации региональных программ по предупреждению ВИЧ-инфекции. Однако решение вопроса требуется на уровне федерального закона по аналогии с практикой организации социального контроля за лицами, больными открытой формой туберкулеза. Только в таком случае возможно построение четкой и сбалансированной системы контроля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544; Федеральный закон от 07.02.2011 г. «О полиции» // Там же. 2011. № 7. Ст. 900.

² См.: <http://fsin.su/statistics>

³ См.: Там же.

⁴ См.: Европейские пенитенциарные правила 33, 107.

⁵ См.: СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.09.1983 г. «Положение об административном надзоре органов милиции за освобожденными из мест лишения свободы».

⁷ См.: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Ст. 6.

⁸ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г.). Ст. 314.1.

⁹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г.). Ст. 19.24.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Ст. 3.

¹¹ См.: Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 06.04.2011 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах». Ст. 50.

¹² В рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. ФСИН России в 2011 г. подготовлены предложения по внесению в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство изменений, предусматривающих наделение уголовно-исполнительных инспекций функцией контроля за условно-досрочно освобожденными.

¹³ См.: СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

¹⁴ См.: Там же. 1999. № 26. Ст. 3177.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Ст. 20, 21.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Российская газета. 2003. 27 мая.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации». Ст. 9, 10.

¹⁹ См.: Федеральный закон «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция)». Ч. 5. Ст. 9.

¹ См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544; Федеральный закон от 07.02.2011 г. «О полиции» // Там же. 2011. № 7. Ст. 900.

² См.: <http://fsin.su/statistics>

³ См.: Там же.

⁴ См.: Европейские пенитенциарные правила 33, 107.

⁵ См.: СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.09.1983 г. «Положение об административном надзоре органов милиции за освобожденными из мест лишения свободы».

⁷ См.: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Ст. 6.

⁸ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г.). Ст. 314.1.

⁹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г.). Ст. 19.24.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Ст. 3.

¹¹ См.: Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 06.04.2011 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах». Ст. 50.

¹² В рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. ФСИН России в 2011 г. подготовлены предложения по внесению в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство изменений, предусматривающих наделение уголовно-исполнительных инспекций функцией контроля за условно-досрочно освобожденными.

¹³ См.: СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

¹⁴ См.: Там же. 1999. № 26. Ст. 3177.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Ст. 20, 21.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Российская газета. 2003. 27 мая.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации». Ст. 9, 10.

¹⁹ См.: Федеральный закон «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция)». Ч. 5. Ст. 9.

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемая часть которой – проведение диссертационных исследований и защита диссертаций сотрудниками института.

Во втором квартале 2012 г. сотрудниками института защищены 2 диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в учебно-научном информационном центре в библиотеке института.

Анкудинов Николай Викторович, старший преподаватель кафедры физической культуры.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.04 – Теория и методика физической культуры, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры (научный руководитель – кандидат педагогических наук, доцент А.Б. Петров) состоялась 22 мая 2012 г. в диссертационном совете Д 311.003.02 при ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма». Тема: **«Восстановление физической работоспособности квалифицированных борцов-самбистов в годичном цикле подготовки»**.

Целью диссертационного исследования являлось совершенствование методики восстановления квалифицированных борцов-самбистов в годичном цикле подготовки.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Выявлены эффективные средства и методы восстановления работоспособности квалифицированных борцов-самбистов. Разработана методика комплексного применения общих и локальных средств восстановления физической работоспособности квалифицированных борцов-самбистов в годичном цикле подготовки. Экспериментально обоснована методика комплексного применения общих и локальных средств восстановления физической работоспособности квалифицированных борцов-самбистов.

Значение диссертационного исследования определено использованием методики восстановительных мероприятий на основе комплексного применения общих и локальных средств восстановления, что позволяет существенно улучшить подготовленность борцов-самбистов к соревнованиям. Результаты исследования могут быть использованы: в педагогической деятельности тренеров по видам единоборств; в образовательном процессе средних и высших учебных заведений по дисциплине «Теория и методика единоборств»; при разработке программно-нормативного материала для профессиональной подготовки тренеров и инструкторов по единоборствам.

Смирнова Юлия Владимировна, преподаватель кафедры русского и иностранных языков.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор И.С. Батракова) состоялась 24 апреля 2012 г. в диссертационном совете Д 212.199.19, созданном на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена». Тема: **«Воспитание межнациональной толерантности старшеклассников в общеобразовательной школе»**.

Целью диссертационного исследования являлось теоретическое обоснование и экспериментальная проверка педагогического обеспечения процесса воспитания межнациональной толерантности старшеклассников в общеобразовательной школе.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Проведен теоретический анализ проблемы воспитания межнациональной толерантности в отечественной педагогике. Выявлены особенности старшего школьного возраста, влияющие на воспитание межнациональной толерантности. Раскрыты воспитательные возможности содержания учебных предметов гуманитарного цикла и внеучебной деятельности, ориентирующие старшеклассников на признание, принятие и понимание представителей иных национальностей. Определены этапы процесса воспитания межнациональной толерантности старшеклассников в общеобразовательной школе. Обосновано и разработано педагогическое обеспечение процесса воспитания межнациональной толерантности старшеклассников. Экспериментально проверена продуктивность процесса воспитания межнациональной толерантности старшеклассников.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты позволяют выявить в практике воспитания потенциал содержания учебной и внеучебной деятельности на основе общенациональных ценностей, ориентирующий старшеклассников различных национальностей на единство их исторического и культурного наследия; разнообразить технологии и формы воспитания школьников в условиях растущей национальной неоднородности в общеобразовательной школе, а также разработать семинары для учителей, ориентированные на повышение их квалификации в сфере воспитания межнациональной толерантности старшеклассников, корректировку поведения школьников на основе представленных диагностических материалов.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на монографию
«Профессионально важные качества
сотрудников УИС: диагностика и развитие»,
подготовленную авторским коллективом
кафедры общей психологии
ВИПЭ ФСИН России**

Н.В. НОСОВА – доцент кафедры общей и педагогической психологии ВГПУ, кандидат психологических наук, доцент

Рецензируемая работа раскрывает тему, актуальную для уголовно-исполнительной системы на современном этапе. К профессиональной подготовке сотрудников УИС предъявляются особые требования, в связи с чем необходимым является решение проблемы соответствия их личностных характеристик запросам пенитенциарной практики. Своевременная диагностика профессионально важных качеств, обеспечение мероприятий по их дальнейшему развитию и коррекции становится в новых условиях одной из ведущих задач психологического сопровождения сотрудников.

Монография имеет четкую структуру, в которой выделены введение, шесть параграфов, заключение и библиографический список. Введение содержит обоснование актуальности проблемы, а также логику ее обсуждения авторами работы. Поскольку приоритетное значение в современной психологической науке и практике имеет изучение профессионально важных качеств личности, в монографии уделено внимание тем личностным качествам, которые являются значимыми для профессиональной деятельности сотрудников УИС (рефлексия, самоконтроль, толерантность, эмпатия, коммуникативно-организаторские способности). Определение данного перечня качеств не бесспорно, однако авторы приводят убедительную аргументацию относительно роли каждого из них, ссылаясь на данные собственного эмпирического исследования и корректно цитируя другие научные работы. Следует отметить новизну авторского исследования, так как, судя по библиографии, ПВК личности сотрудников УИС практически не изучены.

В целом содержание монографии соответствует заявленной теме, изложено логичным научным языком, представляет оригинальные результаты теоретического и эмпирического исследования авторского коллектива, которые имеют важное прикладное значение.

Монография может быть рекомендована для публикации и использования в образовательном процессе ведомственных вузов, а также в практике работы пенитенциарных психологов.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Павлов А.А. Участие общественности в деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 160 с. – ISBN 978-5-94991-200-3

В монографии на основе анализа научной литературы, нормативно-правовых документов, результатов анкетирования сотрудников 76 учреждений уголовно-исполнительной системы России, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, опроса представителей общественных организаций исследуются теоретические, исторические, правовые и организационные вопросы участия различных субъектов общественности в деятельности учреждений УИС; дается научная оценка проблем, связанных с нормативно-правовой базой, основными определениями участия общественности в деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания, а также историко-правовая характеристика общественных начал в деятельности пенитенциарных учреждений Российской империи, Советской России, РСФСР. Обращается внимание на современное состояние, проблемы и основные направления общественной деятельности в сфере УИС.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, курсантов образовательных учреждений высшего профессионального образования, практических работников Федеральной службы исполнения наказаний, а также всех тех, кто интересуется проблемами реформирования уголовно-исполнительной системы на современном этапе.

Проблемы формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: Монография / В.В. Попов, В.Б. Шабанов, С.П. Середа, Л.А. Колпакова, А.М. Потапов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 236 с. – ISBN 978-5-94991-201-0

Монография раскрывает теоретические и прикладные аспекты формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: в ней рассматриваются цели, задачи, средства, принципы и содержание последней. Авторы обосновывают необходимость обеспечения единства всех направлений уголовной политики в отношении несовершеннолетних, создания и развития единой системы ювенальной юстиции в России, в том числе становления ювенального правосудия. В работе содержатся предложения по совершенствованию уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, уголовно-процессуальных и иных мер противодействия преступности несовершеннолетних.

Издание может быть использовано в учебном процессе высших учебных заведений юридического профиля и научно-исследовательской деятельности по уголовно-правовой проблематике. Также оно адресовано практическим работникам правоохранительных органов и всем, кто принимает участие в формировании и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних.

Янчук И.А. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в исправительных колониях общего режима в отношении осужденных женщин: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 129 с. – ISBN 978-5-94991-203-4

В монографии исследуются вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин. Научную оценку получают теоретические аспекты дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и практическая реализация соответствующих принципов при исполнении наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин, а также проблемы исполнения наказания в исправительных колониях общего режима. На основе этого разработаны предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования и практики исполнения лишения свободы в отношении женщин.

Издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, студентам, курсантам образовательных учреждений высшего профессионального образования, практическим работникам Федеральной службы исполнения наказаний, а также всем тем, кто интересуется вопросами уголовно-исполнительного права.

Реформирование пенитенциарных учреждений и актуальные вопросы ресоциализации осужденных (в свете требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года): Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 24–25 ноября 2011 г.) / Отв. ред. канд. психол. наук, доцент С.В. Бабурин: В 2 ч. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – Ч. 2. – 192 с. – ISBN 978-5-94991-199-0

Актуальные проблемы диагностики и развития профессионально важных качеств сотрудников УИС: Сборник материалов научно-практического семинара / Под ред. канд. психол. наук А.В. Сперанской, канд. психол. наук О.Н. Ракитской. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 96 с.

Содержание сборника составляют материалы научно-практического семинара по проблемам профессионально-личностного развития сотрудников УИС, организованного на кафедре общей психологии ВИПЭ ФСИН России. Представленные публикации отражают исследования, связанные с анализом профессионально важных качеств сотрудников, личностного развития специалистов в контексте профессиональной деятельности, в том числе на различных этапах профессионального становления.

Сборник адресован широкому кругу читателей: курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам, преподавателям психологических факультетов, практическим работникам уголовно-исполнительной системы.

Актуальные проблемы гуманитарного познания: Сборник научных трудов кафедры философии и истории и кафедры русского и иностранных языков / Отв. ред. Л. В. Фивейская и Е.А. Огрохина. – Вып. 6. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 139 с.

В сборнике представлены статьи по актуальным вопросам истории, философии и лингвистики. Предназначен для преподавателей, аспирантов, курсантов и студентов, обучающихся по самым различным специальностям. Материалы сборника могут быть использованы в курсах «История отечества», «История УИС», «Социология», «Культурология», «Русский язык и культура речи», в спецкурсах «Профессио-

нальная этика сотрудника УИС», «Пенитенциарная социология», а также в лекциях по служебной подготовке сотрудников ФСИН России.

Актуальные вопросы участия органов и учреждений ФСИН России в размещении заказов путем проведения торгов: Сборник материалов научно-практического семинара / Отв. ред. канд. юрид. наук С.В. Кондратовская, Д.В. Углицких. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 127 с.

В сборник вошли статьи профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, практических работников ФСИН России, сотрудников иных ведомств и курсантов, выступивших на семинаре, организованном кафедрой гражданско-правовых дисциплин.

Семинар проводился в целях определения основных направлений дальнейшей работы кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России по исследованию проблем, возникающих в сфере участия органов и учреждений ФСИН России в размещении заказов путем проведения торгов, совершенствования преподавания курсов «Гражданское право», «Российское предпринимательское право», «Коммерческое право».

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: приоритеты, направления и пути реализации: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей (Вологда, 29 апреля 2011 г.) / Отв. ред. П.В. Голодов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 264 с.

Авксентьевский И.И., Фивейская Л.В. Классические учения и тексты в курсе культурологии: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 154 с.

В пособии рассматриваются классические тексты, представляющие все исторические типы культуры и выражающие их существенные принципы. Изучение мифологических, религиозных, философских текстов является обязательным моментом освоения курса культурологии и позволяет не только глубже познакомиться с культурой отдельных эпох, но и проследить общую логику развития мировой культуры. Пособие дополняет материал хрестоматии по культурологии (см.: Культурология: Хрест. / Сост., общ. ред. И.И. Авксентьевский, Л.В. Фивейская. Вологда, 2011) и имеет цель помочь учащимся в работе с включенными в нее текстовыми источниками.

Пособие предназначено для учебной работы и адресуется учащимся вузов, а также всем, занимающимся самообразованием.

Зауорова Э.В. Пенитенциарная педагогика: Курс лекций. – 2 изд., испр. и доп. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 304 с. – ISBN 978-5-94991-202-7

В курсе лекций «Пенитенциарная педагогика» раскрываются основы организации исправительного процесса, рассматриваются цели, задачи, принципы, методы и формы воспитательной работы с различными категориями осужденных.

Настоящее издание предназначено для слушателей образовательных учреждений ФСИН России всех специальностей факультетов заочного обучения, курсов повышения квалификации.

Финансовое право. Особенная часть: Курс лекций / Под ред. канд. юрид. наук, доцента С.В. Косоноговой. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 359 с. – ISBN 978-5-94991-204-1

Издание представляет собой курс лекций по особенной части финансового права. В книге содержатся сведения о порядке формирования доходной и расходной части бюджета, раскрывается процедура принятия и исполнения бюджета. В данном курсе лекций приводится сжатое изложение учебного курса «Финансовое право», осуществляется анализ нормативных правовых актов с учетом последних изменений в бюджетном и налоговом законодательстве. Законодательство приводится по состоянию на 1 октября 2010 г.

Курс лекций предназначен для курсантов и слушателей Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Потапов А.М. и др. Организация контроля уголовно-исполнительных инспекций за условно осужденными: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 37 с. – ISBN 978-5-94991-205-8

Практические рекомендации апробированы в деятельности уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по Владимирской и Ивановской областям.

Предназначены для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, а также курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений ФСИН России.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

27 апреля в институте прошла международная научно-практическая конференция «Проблемы выбора средств предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России». В конференции приняли участие сотрудники учреждений и органов ФСИН, МВД России, судебных органов власти. Были рассмотрены направления современной уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, вопросы охраны прав и законных интересов несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами, правовая регламентация уголовной ответственности несовершеннолетних, виды уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, назначаемые несовершеннолетним, а также особенности их исполнения.

Участники конференции отметили актуальность и высокую степень значимости установления пределов либерализации уголовной ответственности несовершеннолетних, дифференциации и индивидуализации их уголовной ответственности и наказания. Особое внимание было уделено необходимости реформирования существующей уголовно-исполнительной системы в целях повышения эффективности превентивной деятельности, соблюдения прав и законных интересов осужденных в процессе отбытия ими уголовного наказания и обеспечения международных стандартов содержания осужденных в местах изоляции от общества. Во исполнение положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. участники конференции предложили внести в нормативные акты уголовного и уголовно-исполнительного законодательства изменения и дополнения, касающиеся назначения и исполнения отдельных видов наказаний в отношении несовершеннолетних. Кроме того, было предложено в целях предупреждения коррупционных проявлений и злоупотребления служебными полномочиями в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации внести изменения и дополнения, сокращающие возможности судебного усмотрения в процессе назначения наказания, а также решения вопросов о применении отдельных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Также шла речь о необходимости разработки новых программ и методик воспитательно-психологического воздействия на несовершеннолетних осужденных с последующим внедрением их в деятельность создаваемых воспитательных центров. Участники конференции сочли важным рассмотрение вопроса о расширении системы принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ, как альтернативы уголовной ответственности несовершеннолетних, а также разработку нормативно-правового акта, регламентирующего порядок применения таких мер. Кроме того, было отмечено, что следует принять меры к повышению эффективности трудового воспитания несовершеннолетних осужденных, прежде всего, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

С 24 по 27 апреля в институте проводилась Неделя науки, в которой приняли участие представители 18 курсантских научных кружков и исследовательских групп нашего вуза, а также курсанты из Псковского юридического института, Самарского юридического института, Академии права и управления ФСИН России.

Программа Недели науки была насыщена разнообразными мероприятиями, в их числе межвузовская конференция курсантов, студентов и адъюнктов «Уголовно-исполнительная система России в условиях реформирования», научно-практический семинар по проблемам пожизненного лишения свободы, который проводился в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Вологодской области, на легендарном острове Огненный, а также международный научно-практический семинар «Актуальные вопросы физической, боевой и тактико-специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаян С.Л., ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, докторант Академии управления МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: bsl09@mail.ru

Бабкин А.А., начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Боровик П.Л., старший преподаватель кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь. E-mail: p.borovik@tut.by

Голодов П.В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Иванова Ж.Б., заведующая кафедрой Коми республиканской Академии государственной службы и управления, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tajjfirmin2@yahoo.com

Ильюхов А.А., докторант кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: alklio@mail.ru

Киселев М.В., начальник Кузбасского института ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: olly1309@yandex.ru

Колодкин Л.М., профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: amvd@mail.ru

Крюкова Е.В., адъюнкт кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: ekaterina011986@mail.ru

Кудрявцев А.В., заместитель начальника кафедры организации оперативной работы Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kudriavcev.ru@mail.ru

Маликов Б.З., заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Башкирского института социальных технологий Академии труда и социальных отношений, доктор юридических наук, профессор. E-mail: malikov_bz@mail.ru

Малинин В.Б., профессор Санкт-Петербургской юридической академии, доктор юридических наук, профессор. E-mail: malininvasily@mail.ru

Мишальченко Ю.В., генеральный советник Экономического суда СНГ, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор. E-mail: myv2008@mail.ru

Панова О.Б., начальник кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

Пиджаков А.Ю., заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, доктор юридических наук, доктор исторических наук,

профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: pidzhakov@list.ru

Потапов А.М., начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: potapov_35@list.ru

Садельников Б.А., доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Санташов А.Л., заместитель директора по учебной и научной работе Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Степанова О.Н., заместитель начальника отдела по работе с личным составом Кузбасского института ФСИН России. E-mail: olly1309@yandex.ru

Терентьев И.А., аспирант кафедры административного права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина. E-mail: 421148@gmail.com

Уваров И.А., доцент кафедры управления учреждениями и органами УИС Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: uvarov.igor@mail.ru

Упадышев Н.В., доцент кафедры менеджмента филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова в г. Коряжма, доктор исторических наук. E-mail: upadysh@atnet.ru

Шабанов В.Б., заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Шаталов Ю.Н., начальник отдела координации, организации и планирования НИИ ФСИН России. E-mail: niifsin@mail.ru

Шахов О.А., начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Щетнёв Л.Е., старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и специальных дисциплин Ивановского филиала Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: ls1974@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Babayan S.L., doctor of law, deputy chief of laboratory Scientific Research institute of Federal Penitentiary Service, colonel interior service. E-mail: bsl09@mail.ru

Babkin A.A., the head of the Informatics and Mathematics chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Penal System of Russia, candidate of pedagogical sciences. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Borovik P.L., a senior teacher of the Law Informatics chair of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus. E-mail: p.borovik@tut.by

Golodov P.V., the Office of Science Management Chief, the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Federal Penal Service, Cand. Sc. (Law), associate professor. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Ilyukhov A.A., a person working for doctor's degree of the chair of management of crime investigating bodies of the Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: alklio@mail.ru

Ivanova J.B., chief of the chair of Komi Republic Academy of state and management Candidate of Law, assistant professor. E-mail: tajifirmin2@yahoo.com

Kiselev M.V., the head of the federal state educational institution of higher professional education Kuzbass Institute of the Federal Penal Service, candidate of pedagogical sciences. E-mail: olly1309@yandex.ru

Kolodkin L.M., a professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Work with Personnel, Academy of Home Affairs Management Department of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation. E-mail: amvd@mail.ru

Krukova E.V., a postgraduate student of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ekaterina011986@mail.ru

Kudryawtsew A.W., candidate of legal science, associate professor of Vladimir institute of law of the Ministry of justice. E-mail: kudriavcev.ru@mail.ru

Malikov B.Z., head of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Bashkir Institute of Social Technologies of Academy of Labour and Social Relations, Professor, Doctor of Laws. E-mail: malikov_bz@mail.ru

Malinin V.B., the professor of the St. Petersburg legal academy, the doctor of jurisprudence, the professor. E-mail: malininvasily@mail.ru

Mishalchenko Y.V., general Adviser of the CIS Economic Court, he professor of chair of the European researches of St.-Petersburg state university, Professor, Dr. of International Law, Dr. of International Economics. E-mail: myv2008@mail.ru

Panova O.B., the chief of the chair of juridical psychology and pedagogics, candidate of pedagogical sciences, docent, the Vologda Institute of Law and Economics. E-mail xenia-vipe@mail.ru

Pidzhakov A.U., chief of the International Law Department at St. Petersburg State University of Civil Aviation, Honoured Science Worker of the Russian Federa-

tion, Honorary Higher Education Worker of the Russian Federation, Professor, Dr. of International Law, Dr. of Historical Science, Professor. E-mail: pidzhakov@list.ru

Potapov A.M., the head of the penal law and educational work with convicted department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service, candidate of law sciences. E-mail: potapov_35@list.ru

Sadelnikov B.A., an associate professor of the Informatics and Mathematics chair, Vologda Institute of Law and Economics of the Penal System of Russia. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Santashov A.L., the deputy director in educational and research work of the Vologda branch of the Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin, candidate of law sciences, associate professor. E-mail: santashov@list.ru

Shabanov V.B., the assistant chief of research (in scientific affairs) of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus, Doctor of law, professor. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Shahov O.A., the head of the Engineering and Economics faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of technical sciences, docent. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Shatalov Y.N., head of department of coordination, organization and planning of the Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: niifsin@mail.ru

Stepanova O.N., the deputy chief of work staff department of Kuzbass institute of the Federal Penal Service. E-mail: olly1309@yandex.ru

Terentyev I.A., graduate student of chair of administrative law of the Moscow state legal academy of a name of O.E. Kutafin. E-mail: 421148@gmail.com 421148@gmail.com

Tschetnev L.E., senior teacher at the chair of Criminal Enforcement Law and Specific Disciplines, the branch of the Vladimir Law Institute of the Russian penal service in Ivanovo. E-mail: ls1974@mail.ru

Upadyshev N.V., doctor of historical sciences, associate professor of management of branch Northern (Arctic) federal university of M of Century of Lomonosov in the city of Koryazhm. E-mail: upadysh@atnet.ru

Uvarov I.A., the employee Academy of Federal Agency of execution of punishments of Russia, the candidate of jurisprudence, the senior lecturer. E-mail: uvarov.igor@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П.Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-36704

ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:

vestnikvipe@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 28.06.2012
Формат 60х90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 3802
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.